

ОГОНЁК

№ 51 ДЕКАБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

УЧЕНЫЙ— МИЧУРИНЕЦ

«Рамонские сорта сахарной свеклы»... Для миллионов людей, ежедневно покупающих рафинад и песок в бакалейных магазинах, эти слова лишены какого-либо значения.

Но поговорите со специалистами, и они скажут вам, что в каждые два стакана чая из трех, которые вы выпиваете у себя за столом, кладется сахар рамонской селекции, что на двух третях всех посевных площадей сахарной свеклы произрастают сорта, выведенные на Рамонской селекционной станции близ Воронежа.

Без малого 40 лет трудится в Рамони Аведикт Лукьянович Мазлумов — действительный член Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Им создано 46 новых сортов свеклы. Многие рамонские сорта по своей продуктивности далеко превосходят сорта некоторые иностранные, считавшиеся лучшими в мире.

Аведикт Лукьянович неутомим в научных исканиях. Под его руководством в отделе селекции Всероссийского научно-исследовательского института сахарной свеклы и сахара проходят полевые испытания еще более 300 гибридов сахарной свеклы.

На снимке: А. Л. Мазлумов в своей лаборатории.

Фото Д. Ухтомского.

На первой странице обложки: Скачки колхозных рысаков на Марыйском ипподроме в Туркмении.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Режиссер-оператор Владимир Пустозалов на съемке учебного альпинистского фильма в горах Кавказа.

Фото М. Ануфрикова.

5 декабря в Будапеште закончился VII съезд ВСРП. На снимке: в президиуме съезда Н. С. Хрущев и Я. Кадар обмениваются рукопожатием.

Во время пребывания в Венгрии Н. С. Хрущев посетил будапештский машиностроительный комбинат «Ганц-МАВАГ». На снимке: Н. С. Хрущев и слесарь Ф. Шмидт.

МЫ ВМЕСТЕ, В ОДНОЙ ШЕРЕНГЕ

Сердечно проводила Венгрия Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, возглавлявшего делегацию КПСС на VII съезде Венгерской социалистической рабочей партии.

— До свидания еще раз в Венгрии, в Будапеште, в Советском Союзе, в Москве. — сказал член Политбюро ЦК ВСРП Дьердь Марошан на площади перед вокзалом в день отъезда Н. С. Хрущева из Будапешта.

Да, немало еще будет впереди встреч между венгерскими и советскими руководителями, между советскими людьми и венграми. Мы друзья.

«...Социалистические страны в своем движении к коммунизму должны идти общей шеренгой, помогая друг другу», — говорил в Венгрии товарищ Н. С. Хрущев.

СССР и Венгерская Народная Республика — в одной шеренге, шеренге стран, строящих новую жизнь.

Фото В. Егорова, Л. Ковгана (Фотохроника ТАСС) и Т. Фаркаша, А. Папаяна, П. Маленко.

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

ОГОНЁК

№ 51 (1696)

13 ДЕКАБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА ЯРМАРКУ!

З. АБРАМОВ

Фото Е. Умнова.

У северных ворот Выставки достижений народного хозяйства СССР вытянулись ряды «Волг», «Побед», «Москвичей». Экспонаты? Нет! Просто со всех концов Подмоскovie прикатили сотни председателей колхозов, механиков, агрономов, бухгалтеров, инженеров. Их внимание приковано к орудиям и машинам для обработки земли, увеличения ее плодородия, уборки урожая.

Живой каталог машин! Здесь своими глазами увидишь и выберешь то, что по душе, в чем нуждается твой колхоз. Но ведь и вчера, и позавчера, и месяц назад можно было это сделать с таким же успехом. Почти вся техника красовалась на стендах выставки. Даже таблички остались прежние. Что же заставило добрую тысячу занятых людей бросить дом, работу и примчаться в Москву? Все не раз тут бывали, выставку исходили вдоль и поперек. Это все так. Верно и то, что таблички старые, но на каждой прибавилось по одному новому слову. Представьте, оно-то и привлекло всех сюда.

Очень коротенькое словцо: ЦЕНА!

Впервые на территории выставки можно не только ознакомиться с образцами новой сельскохозяйственной техники, но и приобрести их. Открылась ярмарка, и покупатели подолгу задерживаются возле машин и орудий.

Девушки, оформляя заказы, разговаривают таким тоном, будто речь идет о продаже в магазине булки или бутылки молока. А покупки тут бывают и на полмиллиона рублей. Если вдуматься, то для сельского труженика все эти машины и впрямь давно стали

насушным хлебом. Долгое время этот «хлеб» выдавался колхозам «по карточкам» через МТС, затем через РТС. Теперь на ярмарке машины можно покупать свободно, вволю.

Конечно же, самое интересное на ярмарке — люди, их планы, их надежды.

Начнем хотя бы вот с этих двух женщин. Увидев их, мы сразу же решили, что обе попали сюда случайно и отношения к комбайнам, тракторам и прочей технике не имеют. Мало того, мы даже безосновочно, как нам показалось, определили, кто они. Обе наверняка учительницы. Возможно, старшая — директор школы. Сомневались в одном: сельские или городские? И вот узнаем, что все наши догадки ломаного гроша не стоят. Ольга Александровна Зеленская девять лет возглавляет колхоз в Мытищинском районе, до этого была там же агрономом. Нелля Васильевна Терентьева еще только вступает на эту стезю. Была сперва на практике у Зеленской, понравилась, и ее оставили агрономом. Стоит лишь взглянуть на эту пару, чтоб убедиться: живут и трудятся они дружно. Смена у Ольги Александровны подрастает надежная.

Вскоре наше внимание привлék другой покупатель.

Председатель колхоза имени Кирова, Кунцевского района, Иван Андреевич Паншин попал на ярмарку прямо из Праги.

— Понятно, — говорит он, — что и в Чехословакии весь месяц, что там находился, прежде всего интересовался своим кровным делом — сельским хозяйством.

Без малого пять лет назад в чис-

В зале торговых операций.

ле тридцатитысячников попал он из армии на село. В колхозе у Паншина пятнадцать специалистов с высшим и средним образованием, он считает, что так должно быть повсеместно.

Повидались на ярмарке и со знаменитым председателем колхоза Федором Степановичем Генераловым. Как всегда спокойный, уравновешенный, осматривал он машину за машиной, внимательно выслушивал объяснения консультантов, советовался с приехавшими вместе с ним механиком, агрономом и зоотехником. Колхоз большой, богатый, у самих немало хороших машин, но кое-что не мешает и прикупить.

Разговор наш прервал репортер радиоузла, а вскоре уже транслировали на ярмарке беседу с Генераловым. В зале было шумно, и удалось услышать лишь несколько фраз:

— Вам бы пора, Федор Степанович, вертолетом колхозным обзавестись! — шутил репортер. — Земли у вас много, всего хозяйства на машине не объедешь...

— Что ж, можно, — раздался в репродукторе спокойный голос Генералова, — да что-то не видать их на ярмарке, вертолетов этих.

Когда дело коснулось оформления ярмарочных покупок, Федор Степанович попросил, чтоб отгрузили прямо с завода: это и обойдется дешевле да и скорее техника в колхоз поступит.

О многом узнали мы, знакомясь с покупателями. Люди говорили не только о машинах, но и о тех огромных надеждах, которые возлагает село на технику. Говори-

ли о подрастающем поколении сельских механизаторов, о стремлении старых и молодых к техническим знаниям: без них на селе теперь жить трудно.

В первые два дня почти на 19 миллионов рублей продали. Но ведь покупок здесь, как говорится, на руки не получают. И только возле одного прилавка товар вручается тут же. Книжки!

С завистью поглядываю на книголюбов, толпящихся возле книжного киоска. Торговля тут идет бойко. С трудом протискиваюсь поближе; хочется узнать, что чаще всего спрашивают. Неужели на ярмарку съехались и сельские библиотекари? Все заладили: дайте каталоги! Гляжу на руки покупателей. Что-то мало похожи они на руки библиотечарей. Это сильные руки трактористов, механиков! Но ведь, как я убедился, по внешним приметам здесь о людях судить трудно... Наконец, мелькнула и белая, тоненькая рука девушки. Это уж наверняка библиотечарь!

— Неужели ничего посвежее нет у вас? — слышу, как выговаривает она продавцу, возвращая книгу.

— Однако молодежь пошла! — ухмыляется пожилой человек.

— Ничего особенного, — откликается девушка, — просто я ожидала найти на ярмарке более новую литературу по эксплуатации машинно-тракторного парка.

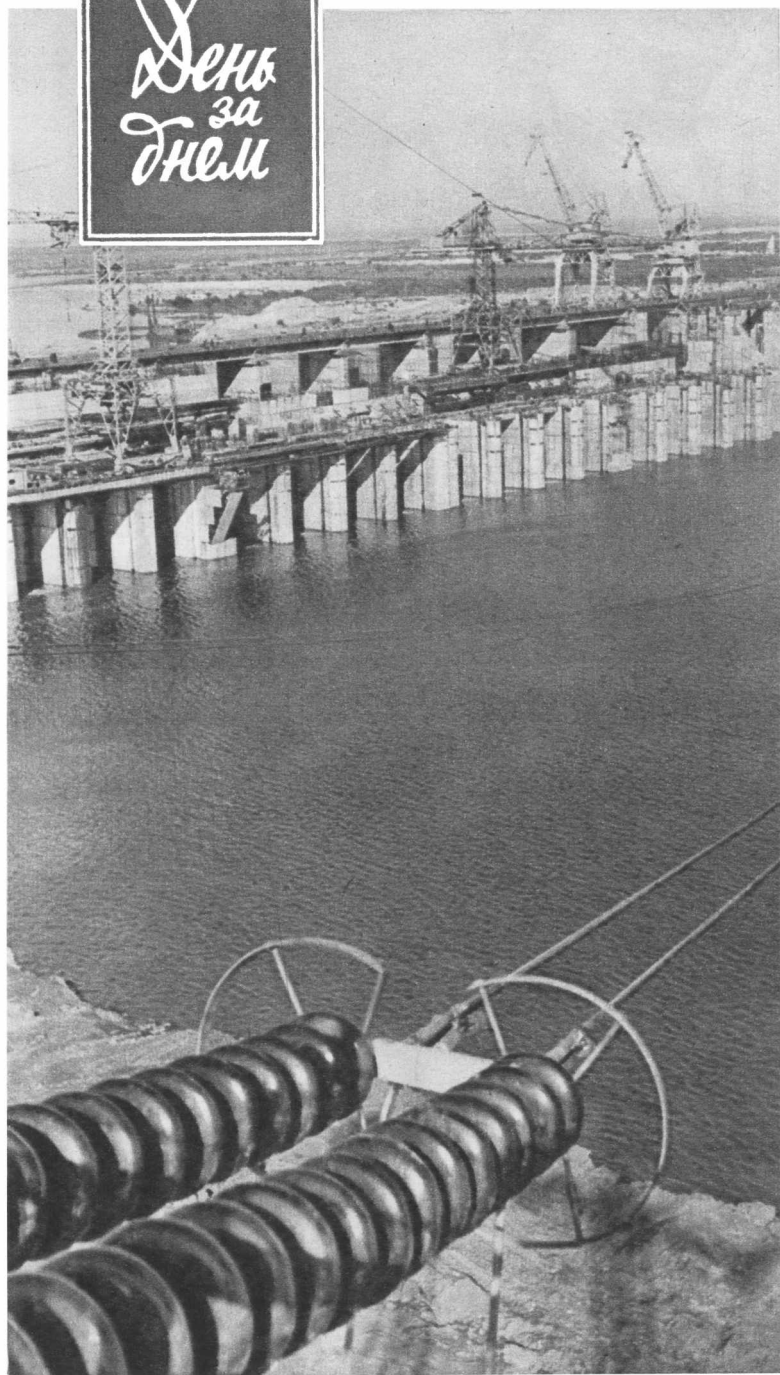
Значит, и она из мира техники, как остальные...

Хорошие встречи, они настроили на веселье, радужные мысли о людях нашего семилетия.

Председатель колхоза О. А. Зеленская (справа) и агроном Н. В. Терентьева.

День
за
Днепр

НА ГОД РАНЬШЕ СРОКА дал промышленный ток первый агрегат Кременчугской ГЭС. До конца года вступят в строй не 2, а 4 гидротурбины — так выполняют свое обязательство строители.

На снимке: строительство Кременчугской ГЭС на Днепре.

Фото А. Горячева.

СОВЕТСКОЙ ПЕСНЕ посвятил очередное занятие Университет культуры в подмосковном городе Балашихе.

На снимке: композитор С. С. Туликов (третий справа), солистка филармонии М. Ш. Абдулина и артист Большого театра Ю. В. Дементьев среди слушателей университета.

Фото Ф. Короткевича.

В ПОДАРОК ПЛЕНУМУ ЦК КПСС красноярские комбайностроители решили выпустить до конца года полторы тысячи машин сверх плана.

На снимке: электросварщица З. В. Ульянова — член бригады коммунистического труда на Красноярском заводе комбайнов.

Фото Ю. Бармина
(Фотохроника ТАСС).

Медаль Альберта I принца Монакского.

Фото С. Осокина.

МЕДАЛЬ ПРИНЦА МОНАКСКОГО — высшая награда Французского океанографического института — вручена на днях в Париже члену-корреспонденту Академии наук СССР Льву Александровичу Зенкевичу.

Старейший советский исследователь биологических явлений в море Л. А. Зенкевич был одним из организаторов Плавучего морского института, созданного в 1921 году по декрету, подписанному В. И. Лениным.

Л. А. Зенкевич в лаборатории.

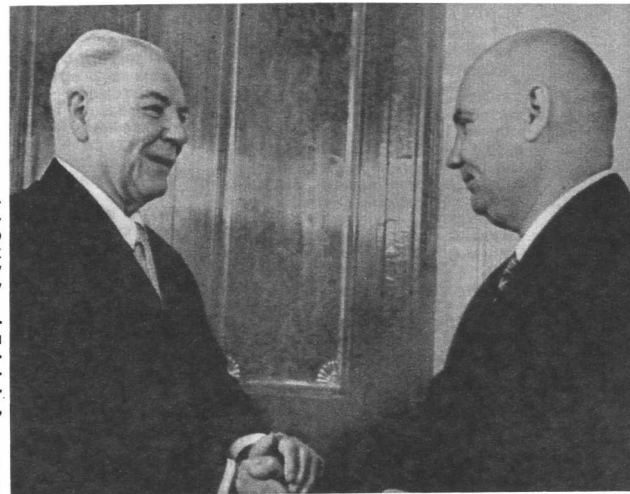
ОРДЕНА НАГРАЖДЕННЫМ ПИСАТЕЛЯМ вручил в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов. На снимках:

К. Е. Ворошилов и А. А. Сурков.

К. Е. Ворошилов и А. Д. Коптяева

К. Е. Ворошилов и С. П. Бабаевский.
Фото А. Гостева.

ЭСТАКАДА ДЛЯ МОРСКОГО НЕФТЕПРОМЫСЛА построена в районе Челекена. Началось бурение первой морской сиважины. На снимке: эстакада уходит в море; вдали площадка для бурения.

Фото М. Альперта.

ДРУЖИТЬ И ТОРГОВАТЬ!

Полное имя моего собеседника — Эдмундо Пенно Барбоза да Силва. Он начальник экономического департамента министерства иностранных дел Бразилии и в Советский Союз приехал в качестве главы торговой правительственной делегации. Перед сеньором да Силва

На снимке (слева направо): глава делегации да Силва, член коллегии Министерства внешней торговли СССР В. М. Виноградов и президент «Кофе-Института» Коста Лима рассматривают бразильский кофе. Фото Н. Рахманова.

стоит ответственная задача: возобновить торговые отношения между Советским Союзом и Бразилией, прекращенные более десяти лет назад. Все это время бразильским торговым фирмам приходилось покупать советскую пшеницу через вторые руки по более высоким ценам. Вот почему деловые круги Бразилии все настойчивее стали требовать восстановления торговли с Советским Союзом.

— Каковы, на ваш взгляд, возможности улучшения отношений между Бразилией и Советским Союзом?

СТРАШНУЮ ТРАГЕДИЮ пережил недавно французский городок Фрежюс. Разрушения, причиненные городу прорвавшейся сквозь плотину Мальпассе лавиной воды, невероятны. «Перед вами, — пишет корреспондент «Юманите», — расстилается опустошенная долина, на которой валяются многотонные обломки плотины, силой воды отброшенные на несколько километров». Газета приводит число погибших. Их свыше трехсот, но много людей еще числится пропавшими без вести.

— Я деловой человек и в то же время официальное лицо. Следовательно, мне не полагается быть ни оптимистом, ни пессимистом. Тот факт, что наша делегация прибыла в Москву, говорит за себя. Мы хорошо знаем, что ваша страна уверенно идет по пути технического прогресса. Я лично восхищен блестящим советским семилетним планом. Торговля с Советским Союзом сулит нам большие выгоды. Бразилия нуждается в вашей пшенице, нефти, стали, химических продуктах, сельскохозяйственном оборудовании и т. п.

Мы, в свою очередь, с радостью будем продавать целый ряд товаров, в том числе кофе — основной продукт, который Бразилия экспортирует. В нашей стране издавна существует своеобразный культ кофе. Имеется даже специальный «Кофе-Институт». Вот почему наши производители с особой тревогой слушали рассказы о том, что русские якобы предпочитают пить чай. Находясь в Москве, я лично убедился в том, что ваш народ любит и ценит хороший кофе. Для нас это было очень радостным открытием и, так сказать, разоблачением еще одной маленькой лжи.

Как вам понравилась Москва и москвичи?

— Я много слышал и читал о вашей столице. Однако то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Широкие улицы, интенсивное движение, высокие громады домов, безупречная планировка — все это замечательно. Но... не этим покорила меня Москва. Я бывал во многих странах и видел много столиц. Но разве могут они сравниться с московскими темпами строительства! Так же, как для парижан Париж характерна Эйфелева башня, так для Москвы — нескончаемые вереницы подъемных кранов, которые мы видели по дороге с Внуковского аэродрома.

Москвичи — народ очень веселый и гостеприимный. Мороз не мешает их прекрасному настроению. Ни в одном городе мира я не встречал такого количества людей, одетых в меховые пальто. Это убедительно свидетельствует о все растущем материальном уровне советского народа.

Поездка в Советский Союз позволила нам лучше познакомиться с жизнью вашего народа. Здесь мы убедились, что Бразилия и Советская Россия могут и должны жить в дружбе. Единственная сфера, где я буду приветствовать столкновения русских и бразильцев, — это футбольные поля. Я думаю, что успешное завершение переговоров, которые мы ведем в Москве, принесет большую пользу моему народу и Бразилии. От этого выиграет и дело мира.

М. ЕФИМОВ

— **ДО СВИДАНИЯ, МОСКВА! ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!** Участники заключительного концерта Декады бурятского искусства и литературы горячо приветствуют зрителей столицы, собравшихся 8 декабря в Филиале Большого театра СССР.

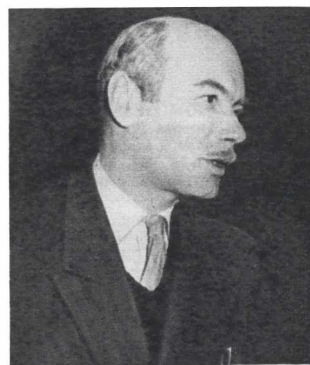
В НОВОМ ЗДАНИИ на днях начал сезон театр имени Моссовета. Просторное красивое фойе, прекрасный зрительный зал на 1200 мест, оригинальное освещение (вместо люстры — более сорока люминесцентных светильников), светлые тона стен и мебелировка — все это создает у публики праздничное настроение. Москвичи получили хороший подарок! На снимке: в зрительном зале перед началом первого спектакля.

Фото Р. Лихач.

В КЛУБЕ «НА ОГОНЕК»

О новой области науки — использовании радиоволн в астрономии — рассказал на очередном заседании творческого клуба «На Огонек» член-корреспондент Академии наук СССР В. Л. Гинзбург.

— Там, где оптические приборы бессильны увидеть далекие планеты, на помощь приходят радиосигналы, радиометоды в изучении космоса.

Выступают гости «Огонька»: В. Л. Гинзбург (вверху) и К. И. Домбровский. Фото М. Савина.

Радиоастрономия — молодая наука, она только начала свой путь. Но именно ей предстоит рассказать людям о неведомых космических дальях.

С большим интересом посмотрели собравшиеся фильм «Земля — Луна», посвященный достижениям советской науки в завоевании космоса. Затем выступил постановщик картины, режиссер Московской киностудии научно-популярных фильмов К. И. Домбровский.

Весна на ледяной Земле

А. ДРАЛКИН,
начальник Четвертой
континентальной антарктической
экспедиции

В горах на Земле королевы Мод. На переднем плане палатки полевого лагеря советских геологов.

← Так выглядит австралийская полярная станция Моусон.

В Буэнос-Айресе состоялся международный симпозиум по вопросам исследования Антарктики. Ученые 12 стран заслушали около 150 докладов и сообщений. Тридцать пять докладов и морские карты, составленные по материалам антарктических экспедиций СССР, представили советские делегаты: доктор географических наук М. М. Сомов и профессор Ю. Д. Калинин.

Сейчас, когда в Антарктиде в разгаре весна, все шире развертываются там полевые исследования. Советские полярники совершают большой поход на санно-гусеничном поезде через центральные районы ледяного континента. Оставив позади свыше 1 400 километров снежной пустыни, участники похода прибыли на станцию «Восток», в районе Южного геомагнитного полюса. Скоро они продолжат свой маршрут по местам, где не ступала нога человека. Второй поезд на гусеничных вездеходах «Пингвин» работает к югу от станции «Пионерская».

Для установления связи с советской полярной станцией Лазарев, отстоящей от Мирного в трех с лишним тысячах километров, известный полярный летчик В. С. Осипов совершил большой перелет, посетив попутно австралийские, бельгийскую и японскую станции. Участник полета начальник экспедиции А. Г. Дралкин сообщил редакции «Огонька» некоторые подробности путешествия.

Радостно было встретить родных советских людей на другом краю «ледяной земли» — на Берегу принцессы Астриды. Выйдя из самолета, мы попадаем в дружеские объятия, и все семь зимовщиков-лазаревцев во главе с начальником станции Ю. А. Кручинным идут показывать нам свое хозяйство. Метеоплощадка, глубокий шурф во льду для гляциологических измерений, магнитно-вариационная станция, аэрологический павильон... Большого труда стоило построить все это здесь, где непрерывно бушуют штормовые ветры. Жилой дом по крышу засыпан снегом, электростанция почти не видно из-за сугробов.

Но нам с погодой вначале повезло. Уже на другой день мы вылетели с разведкой и аэросъемкой к горам Земли королевы Мод. После бескрайней белой равнины Мирного непривычно выглядит горная

цепь, отдельные пикеты которой поднимаются до 4 тысяч метров над уровнем моря. Между возвышенностями виднеется гладкая поверхность ледяного щита. Там, где щит соединен с береговым шельфовым льдом, заметны глубокие трещины, местами закрытые снежными «мостами».

Возобновить полет мы смогли только спустя пять дней: бушевала пурга. Когда она временами ослабевала, наступала, как говорят в Антарктиде, «белая тьма»: низкие облака столь плотно закрывали небосвод, что невозможно было различить поверхность ледника. Самолет наш замело настолько, что перед стартом его вытаскивали трактором.

Но вот наконец мы снова в воздухе. Под нами район, обозначенный на современных картах как «белое пятно». Вдруг радостные улыбки освещают лица пилота

Б. С. Осипова и штурмана В. А. Шешкина. Справа от нашего маршрута возникают возвышенности, которых до сей поры не видел никто из людей. Семь отдельных гор поднимаются над ледяным щитом на высоту от 100 до 300 метров. Впереди по курсу еще одна большая гора и рядом с ней две меньших размеров. Все это запечатлел на пленку наш аэросъемщик Н. М. Шакиров. На обратном пути мы залетели в район озер Ширмахе-ра; там, всего в 83 километрах юго-западнее Лазарева, было безоблачное небо и ярко светило солнце. А близ станции в это время бушевала такая метель, что Осипов сажал самолет почти ослепшим.

Памятными стали для нас и встречи с зарубежными коллегами во время воздушного пути Мирный — Лазарев и обратно.

В небольшой ложине, на скалах, выступающих из-под льда, расположена австралийская станция Моусон. Когда мы садимся, на фоне голубого льда темными пятнами выделяются фигуры встречающих нас полярников, заросших густыми, дремучими бородами. Начальник станции Джон Бичервайз после крепких рукопожатий сразу предлагает горячий кофе. Это как нельзя более кстати. Спасибо здешнему повару-французцу! Его кулинарное мастерство мы оценили по достоинству и за обедами, завтраками, ужинами. Добрых восемь дней гостили мы в Моусоне из-за погоды и за это время успели подружиться с австралийскими полярниками. Небольшой, но спящий коллектив зимует в Моусоне. В распоряжении двадцати трех человек несколько тракторов, вездеход, собаки упряжки, два самолета. Ведутся большие научные работы, в том числе по геологии и картографии. С помощью самолетов в горы завозятся снаряжение для полевых партий.

Пользуясь любезным приглашением Бичервайза, я вместе с Н. М. Шакировым и переводчиком В. П. Луговым участвовал в полете к этим базам.

Менее продолжительным, но не менее интересным оказался визит на другую австралийскую станцию, Дэвис. Расположенная на широком полуострове, свободном от оледенения, она соседствует с несколькими солеными озерами, которые никогда не замерзают.

На другой день на вездеходе мы отправились к незамерзающему озеру Клуб Лейн. Устали здорово, временами приходилось оставлять вездеход и идти пешком, едва не заблудились. Но все тяготы пути скрашивал весельчак Клоод. Он то распева по-английски «Катюшу» и «Стеньку Разина», то расспрашивал о Чайковском и Мусоргском, Пушкине и Достоевском и остался очень доволен, когда с

моей помощью ему удалось восстановить в памяти фамилию автора «Мертвых душ»...

...Когда наш самолет опустился на станции Король Бодуэн, на мачте вместе с бельгийским государственным флагом развевались также английский, французский и советский. Оказывается, англичанин и француз постоянно находятся в числе зимовщиков, а красное знамя с серпом и молотом вывешено в честь нашего прибытия. Рассказывая о своих исследованиях в горах, бельгийские полярники добрым словом упомянули нашего летчика В. М. Перова, который в прошлом году спасал их товарищей.

О мужестве моряков дизель-электрохода «Обь», которые два с половиной года назад спасли во льдах судно японской антарктической экспедиции, тепло вспоминали другие наши гости-исследователи — зимовщики станции Сиова.

Осматривая остров Онгул, на котором расположена станция Сиова, мы увидели большой медный котел, обложенный камнями. В нем хранятся аккуратно переплетенные книги с именами и личными подписями всех японских граждан, вносивших пожертвования на экспедицию в Антарктиду. Каждый год с очередным приходом судна из Японии котел пополняется новыми книгами. Не обошлось в Сиове без сюрпризов и за обедом. На столе стояли три оригинальной конструкции неросинки с чугунными сковородками, полными мяса и вкусных приправ. Заметив наше неумелое обращение с костяными и деревянными палочками, которыми привыкли брать пищу японцы, повар тотчас подал каждому из гостей вилку.

Много дружеских застолий было произнесено в тот вечер и по-русски и по-японски за процветание наших стран-соседей, за международное сотрудничество ученых.

...После двадцатидневного воздушного путешествия по ледяному континенту было приятно вернуться в Мирный...

Здесь, у Южного Полярного круга, мы чутко прислушиваемся к далекому голосу Большой земли и вместе со всеми советскими людьми радуемся тому потеплению в международных отношениях, которое наступило после исторического визита Никиты Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты Америки.

Приятно сознавать, что это потепление сказывается и у нас на ледяном континенте. Дружеский прием, оказанный нам австралийскими, бельгийскими, японскими учеными, выражает безграничное уважение людей доброй воли к нашей могучей Родине — великому знаменосцу мира во всем мире.

Антарктида, Мирный,
по радио.

КОНСТРУКТОР ПРИШЕЛ НА ПОЛЕ

Картофелеуборочный комбайн на самоходном шасси.

З. ХИРЕН

Фото Б. Кузьмина.

Холодный пасмурный день. Морозный снег чередуется с дождем. На опушке леса, у дороги, тлеет костер. Чтоб взбодрить его, кто-то подбросил ветку пихты, и тотчас же вспыхивают, поднимаются ввысь кирпично-красного цвета густые языки пламени. Люди в твердых брезентовых плащах, черных ватниках, меховых ушанках греются, «отбивают чечетку», с громким смехом и шутками, обжигая кончики пальцев, выхватывают из золы печеный картофель, перекидывая его из руки в руку, чистят, обжигая рты, едят.

Кто не любит полакомиться испеченным на костре картофелем! Для горожан это такая редкость, что потом еще долго о том вспоминают. А сюда съехались конструкторы, инженеры, специалисты по автоматике. На шоссе стоят легковые автомашины, вдали темнеет большое поле. Сезон кончился, вокруг на сотни километров картофель убран. Но откуда же эти картофельные грядки? Оказывается, что держат их на особом учете. Конструктор Николай Иванович Тимофеев, доставая из золы печеную картошку, говорит, что есть такие грядки и в Рязани, причем сохраняются они там до самой весны. Чтоб не перемерзли, их посыпают толстым слоем соломы. Конструкторскому бюро «Рязсельмаша» грядки эти сберегают много времени. Между ними и рождением нового картофелеуборочного комбайна связь самая прямая. Зимой занимаются «доводкой» отдельных узлов, а проверить их можно лишь осенью, когда созреет новый урожай. И тут на выручку приходят грядки.

Химия и урожай

Георгий МАРЯГИН

Много лет назад академик Дмитрий Николаевич Прянишников встретился со своими учениками, приехавшими в родную «Тимирязевку» на семинар для практиков земледелия. «Патриарх» агрохимиков, напутствуя людей земли на борьбу за обновление ее сил, говорил:

— Землю нужно хорошо питать — это первый закон земледельца. И потому забота об удобрениях для вас самое главное. И не сидите сложа руки в ожидании, когда дадут вам минеральные удобрения. Если даже в два-три раза возрастает у нас число химических комбинатов, производящих такие удобрения, все равно не хватит. Для воссоздания сил плодородия почвы нужно использовать и полупабрикатные тех тысяч пред-

приятий, что имеются у нас сейчас по всей стране. Наши города — это непрерывно действующие фабрики химических удобрений. Гигантское количество фосфора, калия, органических соединений проходит через их своеобразные цеха-улицы. Драгоценное добро, нужное полям, выбрасывают на свалки, сжигают.

И Дмитрий Николаевич рассказывал о виденных им за границей станциях для переработки мусора, о специальных машинах по обезвреживанию его и компостированию.

...В последние годы мне часто приходилось бывать в колхозах русского черноземья, Полесья и Приазовья. Во многих местах жаловались на нехватку удобрений, крайне необходимых для улучшения плодородия поч-

вы, получения стабильных урожаев.

Но в большинстве тех районов, где говорили о нехватке удобрений, видел я на окраинах городов и населенных пунктов постоянно тлеющие кучи мусорных свалок. И каждый раз, глядя на них, я вспоминал слова академика Прянишникова: «Сжигать и закапывать мусор — все равно что истреблять удобрения...»

Этой осенью я решил узнать о причинах, мешающих использовать удобрения, похороненные на городских свалках.

Анализ, полученный в Академии сельского и коммунального хозяйства, предельно убедителен.

Городской мусор содержит многие необходимые для растений вещества. В среднем в нем 0,6—0,7

процента азота, около одного процента фосфора, почти полпроцента калия, до тридцати — сорока процентов органических соединений, а наряду с этим медь, цинк и другие металлы. Микроэлементы мусора помогают росту растений. Опыты американских агрохимиков по подкормке табака растворами меди доказали, что это почти наполовину увеличивает урожайность, позволяет растениям лучше бороться с паразитами и возбудителями инфекций. Гуминовые кислоты органических веществ мусора улучшают структуру почвы. Для суглинков и песков это клад.

...Областное управление сельского хозяйства и областного управления коммунального хозяйства Воронежской области находятся друг против друга, на улице Карла Маркса.

В одном можно узнать, сколько тонн, возов, автомашин было отправлено за год с мусором на свалки, в другом — сколько удобрений требуется для колхозных полей. Но ни одно, ни другое управление пока ничего еще не сделало для того, чтобы использовать те удобрения, которые «выра-

батывают» кварталы и улицы Воронежа.

— Наша организация просто беспомощна, — откровенно заявил и. о. начальника областного управления коммунального хозяйства тов. Владимирова. — Около ста семидесяти тысяч тонн твердого мусора вывозим мы на свалки за город. Остальное — около девяносто процентов, а это полтора миллиона тонн — закапываем во дворах. Даже на свалки вывезти все городские отходы не можем: нет транспортных средств. Что же тут говорить о заводе по переработке мусора в органические удобрения? Нет на это средств, и никто не знает, как такие заводы строить.

Товарищ Владимирова отлично информирован о зарубежном опыте. Он увлеченно рассказывает о том, как механизировано компостирование мусора в Праге, в Голландии, в немецком городе Гейдельберге, как обезвреживают там мусор, отдают от него нужный промышленности утиль.

— Нужны средства, проекты, материалы, чтобы создать такие предприятия. Настало время специализировать заводы или цеха для

Мало кто знает, что Рязань слава не только замечательными джарками, но и конструкторами земледельческих машин. Тимофеев рассказывает о первых шагах их конструкторского бюро. В прошлом году опытный экземпляр комбайна убрал не более пяти гектаров, а нынче — сорок. Делается все, чтоб рука человека не касалась клубней. Впрочем, обо всем этом лучше может рассказать водитель новой машины Иван Савельевич Целикин — сравнительно молодой человек в брезентовом плаще и черной ушанке. Он слесарь завода, принимает участие в изготовлении узлов. Он же участвует в их испытаниях в колхозах и совхозах.

О летчиках-испытателях мы кое-что знаем, продолжает конструктор, — а вот о комбайнерах-испытателях редко приходится читать. А зря! Уверю, судьба будущего комбайна интересует многих. Посудите сами, у нас в стране под картошку занято более девяти миллионов гектаров. К концу семилетия ее производство увеличится до 147 миллионов тонн против нынешних 88 миллионов. Но уборка этой культуры все еще остается одной из самых трудоемких. Существующие машины не отвечают требованиям, вызывают справедливые нарекания колхозников. Никто сейчас не представляет себе жатвы при помощи серпов — тысячи комбайнов бороздят поля. К концу семилетия наше земледелие получит более миллиона тракторов, около 400 тысяч зерновых комбайнов, большое число других машин, механизмов, оборудования. Косари уступили дорогу навесным сенокосилкам, машины сеют, пахут, культивируют, а вот уборка картофеля все еще у нас часто не обходится без вил и лопат. Кроме того, ни одного года не проходит, чтоб из города на помощь селу не отправились десятки тысяч рабочих, служащих, учащихся копать картошку.

Иван Савельевич Целикин в отличие от Николая Ивановича вступает в разговор не очень охотно, а рассказывая, чаще всего обращается к Тимофееву. Он говорит, что лучше всего пойти к комбайну: там, на месте, легче все объяснить. И хоть жалко расставаться с костром, втроем направляемся туда. Взглянув на довольно неуклюжую машину, называемую «К-3», не подумав, что именно она призвана облегчить труд человека.

— Встретили меня, Николай Иванович, в колхозе имени Горького, — начинает свой рассказ Целикин, — довольно холодно. Это понятно: до меня там картошку убирал другой комбайн и повредил много продукции. Что поделаешь! Режет и режет, чуть ли не пополам. Думали, и наша машина так себя поведет. Я не стал ничего обещать, а сказал: сперва посмотрите... Послушались. Работа пошла хорошо; одно худо: спустишь лемеха и слушай да гляди, как бы камень на первый элеватор не попал; попадет — беда: все летит... Очень за мной следили колхозники, представители района, а больше всего наш брат — сельский механизатор: ведь им-то потом работать, вот и хотят все узнать. К концу закатали обед, а там пригласили переходить к ним, да вместе с комбайном. Что ж, говорю, дело хорошее, только неосуществимое; состою я на работе в конструкторском бюро — это раз. «Ну, то не причина, — перебивают меня, — теперь много инженеров едут из города в колхоз работать, техники у нас хватает, а будет еще больше». Это все верно, говорю им, но вот вы наш комбайн хвалите, а у него еще недостатков уйма, ликвидировать же их можно только в заводских условиях. Как видно, не ожидали, думали, хвалиться буду. Сказал и о хороших сторонах. Было время, когда и ошибок учесть не удавалось. Почему? Очень просто, большей частью комбайн стоял, а сейчас ходит, и довольно прилично.

Конструктор с вниманием слушает водителя, затем задает вопросы, да столько, точно тот не от ностра вместе с ним отошел, а из кругосветного путешествия вернулся. Это ясно: все, что волнует людей на поле, не может не трогать конструкторов.

— Ни в коем случае не пишите, что комбайн готов! — замечает Тимофеев. — Кое-кто, зная, какая острая нужда в подобной машине, готов предвосхитить события, но, к сожалению, еще придется поработать. Идет соревнование, испытывается много образцов. Лучше побольше познакомиться с опытным экземпляром, чем затем калечить тысячи серийных.

— Но, с другой стороны, — вмешивается в разговор комбайнер, — сроки надо поджимать: ждать без конца колхозы и совхозы тоже не могут...

Пока мы разговариваем, один из

комбайнов, облепленный мокрым снегом и грязью, трогается в путь. Ведь, кроме рязанского, здесь десятка полтора других, все оригинальных конструкций, но работу выполняют одну — ни на секунду не перестают рыть землю, и сравнить их в этом смысле можно с гигантскими кротами.

На этом «картофельная автоматика» не кончается. Неподалеку можно увидеть сортировальный пункт, где картофель безошибочно делится на три группы: крупный, средних размеров и мелкий. Отсортированный, он в специальных контейнерах отправляется на склад. Все замечательно, однако и это умное сооружение нуждается во многих исправлениях.

Да, ни одной машине на Центральной машиноиспытательной станции Министерства сельского хозяйства СССР ничего не прощают. Весь рабочий день уходит на поиски ошибок. Простить ошибку здесь — это нанесет непоправимый урон и промышленности и сельскому хозяйству. Пока идут испытания, возникает немало конфликтов. Вот, например, некоторым конструкторам и испытателям непонятно, почему придается такое значение уменьшению веса машин. Ведь это не самолет и даже не автомобиль! Мы говорим, что перекуем мечи на орала, а к последним относятся и комбайны.

— Правильно, — отвечают им, — но металл надо экономить. Творческая мысль конструкторов приносит нам много новинок.

Любопытная полемика возникла между одним конструктором и селекционером. Конструктор упрекал агронома в том, что наука недостаточно активно участвует в формировании растений. Ведь родичи картофеля пришли к нам из Южной Америки; ясно, что понадобилось немало трудов русских ученых и крестьян, пока картофель почувствовал себя у нас не хуже, чем дома. Почему же сейчас не позаботиться о создании сортов с округлыми клубнями, которые легче бы поддавались механизированной уборке?

Здесь, неподалеку от Москвы, в Солнечногорске, узнаешь, каким станет в ближайшие годы наше земледелие, которому партия, правительство повседневно помогают еще более интенсивно завоевывать сокровища нашей старой и вечно молодой земли.

Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по автоматизации и машиностроению А. И. Костоусов беседует на поле с конструктором Н. Н. Колчиным.

Конструктор Н. И. Тимофеев.

производства коммунального оборудования. И тут одними силами города много не сделаешь. Для этого нужно привлекать колхозы. Ведь удобрения нужны им! Значит, и они должны участвовать в решении этой проблемы.

В управлении сельского хозяйства разговор носил еще более откровенный характер. Начальник управления Андрей Войцехович Прохорович говорит:

— Крайне нужна станция по переработке мусора. Мы уверены, что затраты на нее окупятся в два-три года... Кроме этого, пора построить завод по переработке отходов боев. На мясокомбинате используют все отходы убоя. Это дает отличную подкормку для кур. И в то же время совсем не используются отходы убоя скота в селах, районных центрах. Воронежская область смогла бы обеспечить сырьем завод, вырабатывающий до пятнадцати тонн подкормки в сутки. Пока же подкармливаем птицу сушеной рыбой. Город дает много сырья и полуфабрикатов не только для удобрений, но и для кормов.

Андрей Войцехович привел точный расчет сбора пи-

щевых отходов в городе. Вышло, что они могли бы обеспечить кормами два крупных свиновозов. Для этого и большие затраты не понадобятся.

Я побывал после Воронежа в Курске, Харькове, Сталино, Симферополе. Всюду на окраинах этих городов курились синеватые дымы свалок. Всюду сжигали драгоценное сырье. И в беседах приводились цифры выброшенных на свалку отходов, всюду пеняли на то, что нет проектов завода для переработки мусора, средств на его постройку, толковали о специальном оборудовании, которое никто не изготавливает.

Картина вырисовывалась неприглядная. Обрадовали лишь первые начинания металлургов. В Керчи я не мог отыскать отвалов томасового шлака. Главный инженер завода имени Войкова Александр Иванович Бологов рассказал, что еще до Отечественной войны все шлаки, получаемые после томасовского процесса (позволяющего выделять фосфор из чугуна), тщательно перемалывались на специальных мельницах и отправлялись для удобрения полей. Покупали их и загра-

ничные фирмы. Ведь в томасовских шлаках двадцать процентов фосфора! Агрономы утверждают, что они лучше суперфосфатов.

Инженер говорил:

— Пора налаживать полное использование томасовских шлаков. С ростом емкости конверторов количество этих шлаков будет быстро расти. В прошлом году у нас на заводе состоялась выездная сессия Академии наук. Обсуждали проблемы использования керченских каштановых руд, богатых фосфором. Керченская руда — отличное сырье и для металлургии и для химии полей. Сейчас на «Азовстали» фосфорные шлаки, получаемые в мартеновских печах из наших руд, перемалываются и используются в сельском хозяйстве как удобрения. Добрый почин!

Почин действительно добрый и значительный. Технический прогресс в металлургии дает возможность использовать богатые фосфором руды и в других местах нашей страны. Томасовские шлаки будут и в Сибири, и в Казахстане, и в других краях. Значит, богатые фосфором удобрения будут и здесь.

...Я заканчивал свои раз-

ведки уже в Москве: в Академии коммунального хозяйства имени Памфилова, в секторе очистки городов. Руководитель сектора кандидат технических наук Н. Ф. Гуляев поделился некоторыми экономическими соображениями. Оказывается, только одной бумагой Москва вышвыривает на свалки около двухсот тысяч тонн в год. Для того чтобы выработать такое количество целлюлозы, нужно израсходовать более ста миллионов киловатт-часов электроэнергии.

В городских отвалах пропадают десятки тысяч тонн меди, алюминия и других металлов. Чтобы получить тонну алюминия, на металлургическом заводе расходуют семнадцать тысяч киловатт-часов энергии. Чтобы получить тонну алюминия из отвалов, нужно израсходовать только пятьдесят киловатт-часов.

Кто этим должен заняться?

— В первую очередь организация, именуемая «Главвторсырье», — отвечает Гуляев. — Она должна вести механическую очистку мусора городов, а органические вещества сдавать колхозам для удобрений. Но пока ру-

ководители этого главка предпочитают ручную сортировку отвалов.

Н. Ф. Гуляев посвящает меня в «историю» вопроса. Десять лет назад Мосгорисполком вынес решение о создании завода по переработке мусора. Семь лет назад такое же решение принял Ленгорисполком. Пять лет назад такие же решения утвердили в Свердловске и Киеве. Заводов же пока нет, хотя первый проект типовой станции для извлечения вторичного сырья три года назад был закончен «Ленгипрокоммунстроем».

Сейчас «Ленгипрогор» разрабатывает типовой проект мусоросортировочной станции для городов с населением в 60—120 тысяч человек. Принято решение о выпуске специального оборудования. Определен круг действующих лиц в этом большом деле: коммунальные и сельскохозяйственные отделы исполкомов, «Главвторсырье», предприятия, получившие задание изготовлять оборудование для станций переработки мусора. Кстати, оно очень нехитрое: вращательные печи типа цементных...

Остается только действовать.

НА ЯРМАРКУ!

З. АБРАМОВ

Фото Е. Умнова.

У северных ворот Выставки достижений народного хозяйства СССР вытянулись ряды «Волг», «Побед», «Москвичей». Экспонаты? Нет! Просто со всех концов Подмоскovie прикатили сотни председателей колхозов, механиков, агрономов, бухгалтеров, инженеров. Их внимание приковано к орудиям и машинам для обработки земли, увеличения ее плодородия, уборки урожая.

Живой каталог машин! Здесь своими глазами увидишь и выберешь то, что по душе, в чем нуждается твой колхоз. Но ведь и вчера, и позавчера, и месяц назад можно было это сделать с таким же успехом. Почти вся техника красовалась на стендах выставки. Даже таблички остались прежние. Что же заставило добрую тысячу занятых людей бросить дом, работу и примчаться в Москву? Все не раз тут бывали, выставку исходили вдоль и поперек. Это все так. Верно и то, что таблички старые, но на каждой прибавилось по одному новому слову. Представьте, оно-то и привлекло всех сюда.

Очень коротенькое словцо: ЦЕНА!

Впервые на территории выставки можно не только ознакомиться с образцами новой сельскохозяйственной техники, но и приобрести их. Открылась ярмарка, и покупатели подолгу задерживаются возле машин и орудий.

Девушки, оформляя заказы, разговаривают таким тоном, будто речь идет о продаже в магазине булки или бутылки молока. А покупки тут бывают и на полмиллиона рублей. Если вдуматься, то для сельского труженика все эти машины и впрямь давно стали

насушным хлебом. Долгое время этот «хлеб» выдавался колхозам «по карточкам» через МТС, затем через РТС. Теперь на ярмарке машины можно покупать свободно, вволю.

Конечно же, самое интересное на ярмарке — люди, их планы, их надежды.

Начнем хотя бы вот с этих двух женщин. Увидев их, мы сразу же решили, что обе попали сюда случайно и отношения к комбайнам, тракторам и прочей технике не имеют. Мало того, мы даже безосновочно, как нам показалось, определили, кто они. Обе наверняка учительницы. Возможно, старшая — директор школы. Сомневались в одном: сельские или городские? И вот узнаем, что все наши догадки ломаного гроша не стоят. Ольга Александровна Зеленская девять лет возглавляет колхоз в Мытищинском районе, до этого была там же агрономом. Нелля Васильевна Терентьева еще только вступает на эту стезю. Была сперва на практике у Зеленской, понравилась, и ее оставили агрономом. Стоит лишь взглянуть на эту пару, чтоб убедиться: живут и трудятся они дружно. Смена у Ольги Александровны подрастает надежная.

Вскоре наше внимание привлék другой покупатель.

Председатель колхоза имени Кирова, Кунцевского района, Иван Андреевич Паншин попал на ярмарку прямо из Праги.

— Понятно, — говорит он, — что и в Чехословакии весь месяц, что там находился, прежде всего интересовался своим кровным делом — сельским хозяйством.

Без малого пять лет назад в чис-

В зале торговых операций.

ле тридцатитысячников попал он из армии на село. В колхозе у Паншина пятнадцать специалистов с высшим и средним образованием, он считает, что так должно быть повсеместно.

Повидались на ярмарке и со знаменитым председателем колхоза Федором Степановичем Генераловым. Как всегда спокойный, уравновешенный, осматривал он машину за машиной, внимательно выслушивал объяснения консультантов, советовался с приехавшими вместе с ним механиком, агрономом и зоотехником. Колхоз большой, богатый, у самих немало хороших машин, но кое-что не мешает и прикупить.

Разговор наш прервал репортер радиоузла, а вскоре уже транслировали на ярмарке беседу с Генераловым. В зале было шумно, и удалось услышать лишь несколько фраз:

— Вам бы пора, Федор Степанович, вертолетом колхозным обзавестись! — шутил репортер. — Земли у вас много, всего хозяйства на машине не объедешь...

— Что ж, можно, — раздался в репродукторе спокойный голос Генералова, — да что-то не видать их на ярмарке, вертолетов этих.

Когда дело коснулось оформления ярмарочных покупок, Федор Степанович попросил, чтоб отгрузили прямо с завода: это и обойдется дешевле да и скорее техника в колхоз поступит.

О многом узнали мы, знакомясь с покупателями. Люди говорили не только о машинах, но и о тех огромных надеждах, которые возлагает село на технику. Говори-

ли о подрастающем поколении сельских механизаторов, о стремлении старых и молодых к техническим знаниям: без них на селе теперь жить трудно.

В первые два дня почти на 19 миллионов рублей продали. Но ведь покупок здесь, как говорится, на руки не получают. И только возле одного прилавка товар вручается тут же. Книжки!

С завистью поглядываю на книголюбов, толпящихся возле книжного киоска. Торговля тут идет бойко. С трудом протискиваюсь поближе; хочется узнать, что чаще всего спрашивают. Неужели на ярмарку съехались и сельские библиотекари? Все заладили: дайте каталоги! Гляжу на руки покупателей. Что-то мало похожи они на руки библиотечарей. Это сильные руки трактористов, механиков! Но ведь, как я убедился, по внешним приметам здесь о людях судить трудно... Наконец, мелькнула и белая, тоненькая рука девушки. Это уж наверняка библиотечарь!

— Неужели ничего посвежее нет у вас? — слышу, как выговаривает она продавцу, возвращая книгу.

— Однако молодежь пошла! — ухмыляется пожилой человек.

— Ничего особенного, — откликается девушка, — просто я ожидала найти на ярмарке более новую литературу по эксплуатации машинно-тракторного парка.

Значит, и она из мира техники, как остальные...

Хорошие встречи, они настроили на веселье, радужные мысли о людях нашего семилетия.

Председатель колхоза О. А. Зеленская (справа) и агроном Н. В. Терентьева.

В ТУРКМЕНИЮ

Советская Туркмения сегодня — это белое золото хлопка, вызревающего на колхозных полях. Это текстиль Ашхабада, нефть Небит-Дага, химия Кара-Богаз-Гола. Это животворная влага четырехсоткилометрового Каракумского канала в плодородной Мургабской долине. Это университет, институты, республиканская Академия наук.

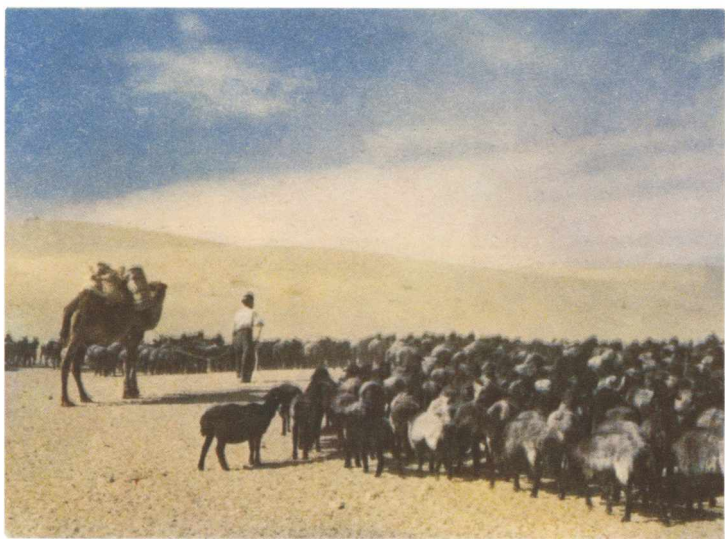
Новым бурным развитием производительных сил ознаменуется семилетка Туркменской ССР. Почти вдвое возрастет выпуск промышленной продукции, более чем в полтора раза — производство хлопка.

Предстоящий Пленум ЦК КПСС труженики республики встречают победами в труде, досрочным выполнением взятых обязательств.

Фото М. САВИНА.

Растут бунты на складе Марыйского хлопкоочистительного завода.

К пастбищу движутся отары совхоза «Уч-Аджи».

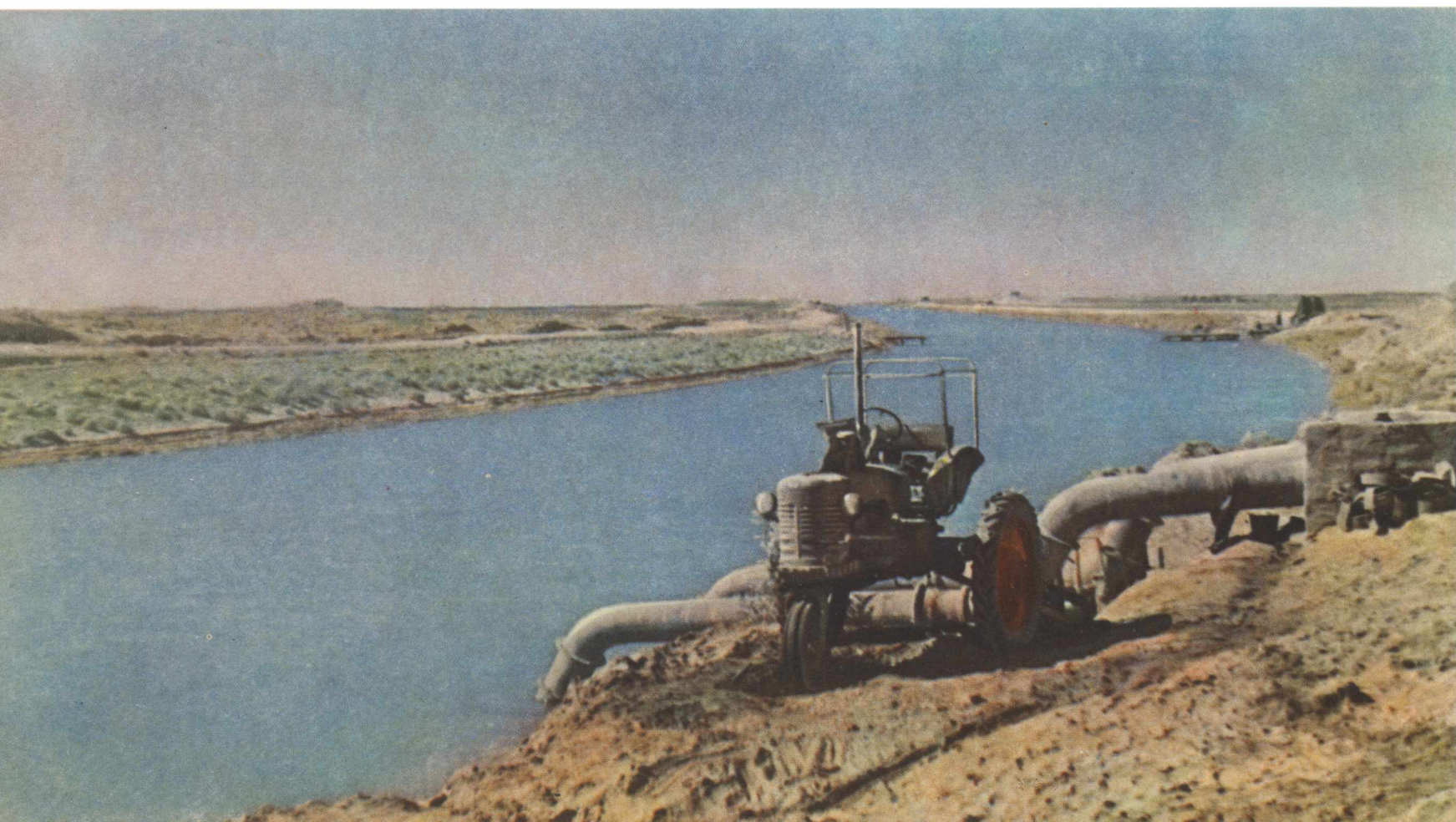
В этих цистернах идет нефть, добытая в недрах Туркмении.

Замечательные ковры создает ашхабадская мастерица Амансолтан Туванова.

Домой из школы.

Водозаборный пункт на Каракумском канале.

УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛЯМ

«Электрическая гравюра»

«Кто изобрел способ репродукции художественных произведений гальваническим путем?»
М. Петров (Москва).

Когда вы слушаете грамзапись музыкального произведения или проходите по залам московского и ленинградского метро, знайте, что все тончайшие оттенки мелодии, как и все прекрасные металлические решетки, красивые люстры, пилоны, а также многие скульптуры, обязаны своим происхождением электрохимической технике, открытой и развитой русским академиком Б. С. Якоби. Заключается она в электрическом осаждении металлов на разных предметах. Слой металла легко отделяется от поверхности предмета, и получается его точная копия.

И вот у Фролова появилась счастливая мысль: использовать изобретение своего учителя Якоби для размножения недоступных для многих сокровищ Эрмитажа.

Так в домах интеллигенции появились «электрические гравюры» — репродукции великих произведений искусства.

Мне досталась от деда обширная коллекция гальванопластических произведений, являющаяся теперь единственной в своем роде. Работы из меди или покрытые тончайшим слоем блестящего металла в рамках из черного дерева до сих пор висят в моем кабинете. Особенно интересен большой барельеф Б. С. Якоби.

К этому времени И. Г. Фролов получил доступ ко всем коллекциям Эрмитажа, в том числе и к произведениям античного искусства, напри-

И. Г. Фролов с гальванопластическим портретом Якоби.

В лаборатории академика и посчастливилось начать работу моему деду Ивану Григорьевичу Фролову (1821—1896), простому уральскому рабочему, а ко времени знакомства с Якоби матросу царского флота. Они познакомились в Кронштадте во время Крымской войны, где Якоби ставил свои опыты взрыва подводных мин. Помогавший ему матрос Иван Фролов обратил на себя внимание академика недюжинными способностями. После войны Якоби взял И. Г. Фролова к себе в лабораторию. Но у этого бывшего матроса, помимо его увлечения наукой, оказалась еще одна способность: он любил и понимал искусство. В то время «нижние чины» в Эрмитаж не допускались, и, только выйдя в запас флота, он получил возможность все свободные дни проводить в залах Эрмитажа.

мер, к золотым блюдам из раскопок на юге России. Ему удалось разработать технику снятия восковых копий и использования графита в виде порошка, так что безопасность антиков была полностью гарантирована.

Старый моряк-гальванер, достигнув признания своих трудов, не замкнулся в цеху. Он стремился передать опыт, знания. И. Г. Фролов преподавал в Большом ремесленном училище и в течение четверти века вырастил плеяду русских мастеров гальванопластики и художественной гальванопластики.

Его воспитанники выбрали в честь семидесятилетия деда медаль и воспроизвели ее во множестве экземпляров опять-таки гальванопластическим способом.

Профессор Ю. ФРОЛОВ, заслуженный деятель науки РСФСР

Как писался ЭТОТ портрет?

«В одном из изданий Кнебеля я видела серовский портрет С. Олсуфьевой. Мне бы очень хотелось знать: кто эта женщина и чем объясняется ее несколько странная поза?»
Е. Боровкова (Москва).

Портрет С. В. Олсуфьевой, написанный В. А. Серовым в 1911 году, всегда привлекал внимание исследователей загадочным сочетанием необычной на первый взгляд, модернистской постановки модели с мягкой и теплой трактовкой образа.

Софья Владимировна была хорошей знакомой Серова, женой Ю. А. Олсуфьева, ученого-византолога, издателя «Памятников старины Тульской губернии». Много лет вместе с мужем она изучала фрески в Новгороде, затем работала реставратором в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина и в Государственном музее керамики.

Я был знаком с Софьей Владимировной и как-то попросил объяснить мне загадочную позу серовского портрета. Рассказ показался любопытным, и я записал его. Это было незадолго до смерти С. В. Олсуфьевой.

«...Мы вернулись с Юрием из Греции и в пути попали в страшный шторм. Серов ездил туда почти в одно время с нами и, когда мы ближе сошлись, много рассказывал о своих впечатлениях о Греции. Работал он тогда над своей большой «Европой».

Характер у Валентина Александровича был очень неровный: то шутит, живо и остроумно разговаривает, то вдруг сидит бирюком, и не скажи ему ничего.

Юрию, когда он заказывал портрет, очень хотелось, чтоб я была изображена в черном бархатном платье.

Серов пришел, посмотрел исподлобья, попросил переменить несколько раз позу и сказал, как отрезал:

— Вы не привыкли в бархате ходить. Надо другое платье.

А я и правда не любила богатых платьев.

Выбрал он композицию совершенно случайно... Было свежо, я сидела дома одна, в сереньком будничном платье, накинула на плечи теплый шарф. Неожиданно вошел Серов.

— Вот так и буду вас писать. Это лучшее, что можно выбрать.

И тут же стал делать наброски.

Пришел вскоре Юрий, и, пока они с Серовым беседовали, я подошла погреться к печке. Стояла, стояла, и вдруг Серов меня спрашивает:

— Ну, а когда вы спину согрете, тогда что греть будете?

Подумав, что он смеется,

я повернулась и положила руки на теплые изразцы. Серов пересел, быстро стал делать наброски, и, сколько мы с ним ни спорили, стояла на своем, и выбрал эту позу...

Написал он меня за четыре сеанса, и нам с мужем портрет очень нравился. Вдруг приходит Серов (ему оставалось доделать что-то в фоне), берет портрет и все счищает и стирает. Я была тогда дома одна и страшно испугалась. Но Серов так весело и энергично принялся за работу, что в два или три сеанса все было закончено наново, и портрет очень выиграл в цвете.

Сейчас этот портрет хранится в Москве у родственников Олсуфьевой.

В. ПОПОВ,

главный хранитель фондов Государственного литературного музея

Невидимый враг

Какие приборы применяются на наших предприятиях для борьбы с пылью?

Н. Чуданова (Елец, Липецкой области).

С респиратором легко работать.

Фото Г. Санько.

Трудно поверить в то, что человек дышал такими легкими. Они похожи на отлитую из свинца скульптуру, но это легкие рабочего, много лет дышавшего свинцовой пылью. Рядом с этим экспонатом выставки «Охрана труда» другой. Вся легочная ткань проколота мелкими волосками, которые превратили легкие в двух гигантских ежей. Это легкие рабочего, проработавшего много лет в щетинной промышленности.

Так было до революции в царской России...

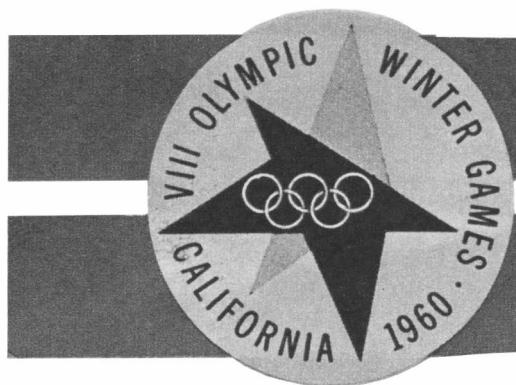
Во время работы во многих видах промышленности человека подстерегает опасность. Заключается она в пыли. Не в той пыли, которая заносится в помещение с улицы и которую добросовестная хозяйка каждое утро уничтожает мокрой тряпкой или пылесосом, а в пыли, образующейся при производственном процессе. Во время шлифовки детали образуется пыльное облако из мельчайших частичек шлифовального камня и металла. Пыль настолько мала по своим размерам, что способна длительное время находиться в воздухе. Но чем мельче пылинки, тем они страшнее для человека. Крупные частички можно видеть и улавливать, а мелкие? Оказывается, как ни малы частички, но и их можно поймать. Для этого существуют специальные устройства. Один из наиболее широко известных и распространенных способов — вентиляция.

Кроме общецеховой вентиляции, существует и местная — непосредственно на станке и около него. Она гарантирует очищение воздуха от производственной пыли до 95 процентов.

Не секрет, что работы в угольной и горнодобывающей промышленности считаются одними из самых тяжелых. При бурении породы человеку приходится работать в облаке мелкой пыли. Для защиты рабочего существуют респираторы и специальные пылеуловители. Пылеуловители дают возможность работать без индивидуального респиратора.

Специальный противопылевой резиновый респиратор применяется и при работах с цементом и с обычной мукой.

В. ТЕРЕХОВ,
научный сотрудник

СРЕДИ ГОР СЬЕРРА-НЕВАДЫ

В. ВЛАДИМИРОВ, М. ЗАСЛАВСКИЙ

У подножия двадцатипятиметровой стальной «Башни наций», украшенной фантастическими ледяными фигурами, десятки тысяч людей. Полощутся на ветру белые олимпийские стяги с изображением пяти переплетенных колец, разноцветные флаги многих государств.

Две тысячи певцов и оркестр из тысячи музыкантов исполняют олимпийский гимн. От факела с олимпийским огнем загорается большой светильник, пламя которого не погаснет в течение 11 дней. Раздается отраженный многократным горным эхом приветственный грохот мортир, которые выстреливают в воздух на высоту 250 метров флаги участвующих в соревнованиях стран.

Так примерно будет выглядеть торжественная церемония открытия VIII зимних олимпийских игр, которые состоятся в Скво Вэлли (США) 18 февраля 1960 года.

«Скво» — так североамериканские индейцы называют своих жен, «вэлли» означает по-английски «долина». Как гласит предание, отважные охотники, перед тем как отправиться в горы, ставили в долине свои вигвамы и оставляли там женщин и детей.

Несколько лет назад мало кто за пределами Америки знал об этой местности, затерянной среди гор Сьерра-Невады в штате Калифорния. Так бывало и раньше — именно благодаря «Белым олимпиадам» мировую известность приобрели несколько крохотных городков-курортов: Шамони (Франция), Сен-Мориц (Швейцария), Гармиш-Партенкирхен (Бавария), Кортина д'Ампеццо (Италия). Теперь наступил черед Скво Вэлли.

Летом будущего года в Риме состоятся XVII олимпийские игры. Почему же зимняя олимпиада будет только восьмой по счету? Дело в том, что лыжники и конькобежцы не сразу и не легко добились признания своих видов спорта в качестве олимпийских.

Первыми пробили брешь в стене

Прошлой зимой в Скво Вэлли состоялась генеральная репетиция «Белой олимпиады». Встретились на лыжне и сильнейшие гонщики мира. Победу на дистанции 15 километров одержал советский спортсмен Павел Колчин.

«олимпийского равнодушия» фигуристы. В программу IV летней олимпиады были включены состязания по фигурному катанию на искусственном льду. Это было в 1908 году в Лондоне. Интересно, что в число первых олимпийских чемпионов-фигуристов вошел и замечательный русский спортсмен Н. А. Панин-Коломенкин.

Только через двенадцать лет получили права олимпийского гражданства хоккеисты — видимо, в силу того, что и они могут состязаться на искусственном льду. Хоккейный турнир включили в программу VII олимпийских игр в Антверпене.

И лишь в 1924 году во французском городке Шамони у подножия Монблана состоялась первая «Белая олимпиада», включавшая и лыжные гонки, и прыжки с трамплина, и скоростной бег на коньках, и хоккей, и фигурное катание, и бобслей (гонки на специальных санях).

С тех пор программа зимних олимпийских игр неоднократно менялась, дополнялась, сокращалась и совершенствовалась. Какие же состязания увидят любители зимнего спорта в Скво Вэлли?

Лыжники-мужчины проведут гонки на 15, 30 и 50 километров, эстафету 4×10 километров, женщины — гонку на 10 километров и эстафету 3×5 километров. Впервые в программу олимпиады включен биатлон. Этим словом (от латинского «би» — два и греческого «атлон» — борьба) названо современное зимнее двоеборье — один из самых молодых видов спорта, получивший за несколько лет широкую популярность. Биатлон — лыжная гонка на 20 километров, во время которой спортсмен четыре раза должен стрелять по мишеням, расположенным на разных участках дистанции.

Захватывающими будут и состязания горнолыжников. Мужчин предстоит участвовать в скоростном спуске с крутых горных склонов, слаломе (спуске с преодо-

нием препятствий на дистанции 600 метров) и гигантском слаломе (дистанция 1 800 метров). Женщины также выступят в скоростном спуске, слаломе и гигантском слаломе, но у них, естественно, меньше и дистанции и количество препятствий.

Кроме того, мужчинам предстоит испытать свои силы в прыжках со снежного трамплина и двоеборье, включающем прыжки и гонку по пересеченной местности.

Конькобежцы, как обычно, встретятся на четырехсотметровой ледяной дорожке и в острой борьбе определят четырех чемпионов: в беге на 500, 1 500, 5 000 и 10 000 метров (на «Белых олимпиадах» ледовое многоборье не разыгрывается).

В Скво Вэлли впервые в истории зимних олимпийских игр на ледяную дорожку выйдут женщины и будут бороться за победу в скоростном беге на дистанциях 500, 1 000, 1 500 и 3 000 метров. Это большой успех в борьбе за равноправие женского спорта. Нужно ли говорить, что покоряющее мастерство советских спортсменок сыграло решающую роль в этом олимпийском нововведении. Олимпийский турнир по хоккею с шайбой и красочные состязания фигуристов достойно увенчают обширную программу VIII «Белой олимпиады».

Единственный вид спорта, который не увидят зрители в Скво Вэлли, хотя он и включался в предшествующие олимпиады, — это бобслей. Головокружительный спуск по ледяному извилистому желобу на специальных двух- и четырехместных санях не зря прозвали «дорогой на кладбище». Скорость спуска настолько велика и повороты так круты, что ни одно состязание по бобслею не обходилось без увечий и даже трагической гибели гонщиков. Немало жертв было и четыре года назад на олимпиаде в Кортине. Поэтому организаторы VIII олимпиады вполне резонно отказались от этого опасного вида спорта.

Итак, ареной грядущих олимпийских игр будут снег и лед. Снега в Скво Вэлли хоть отбав-

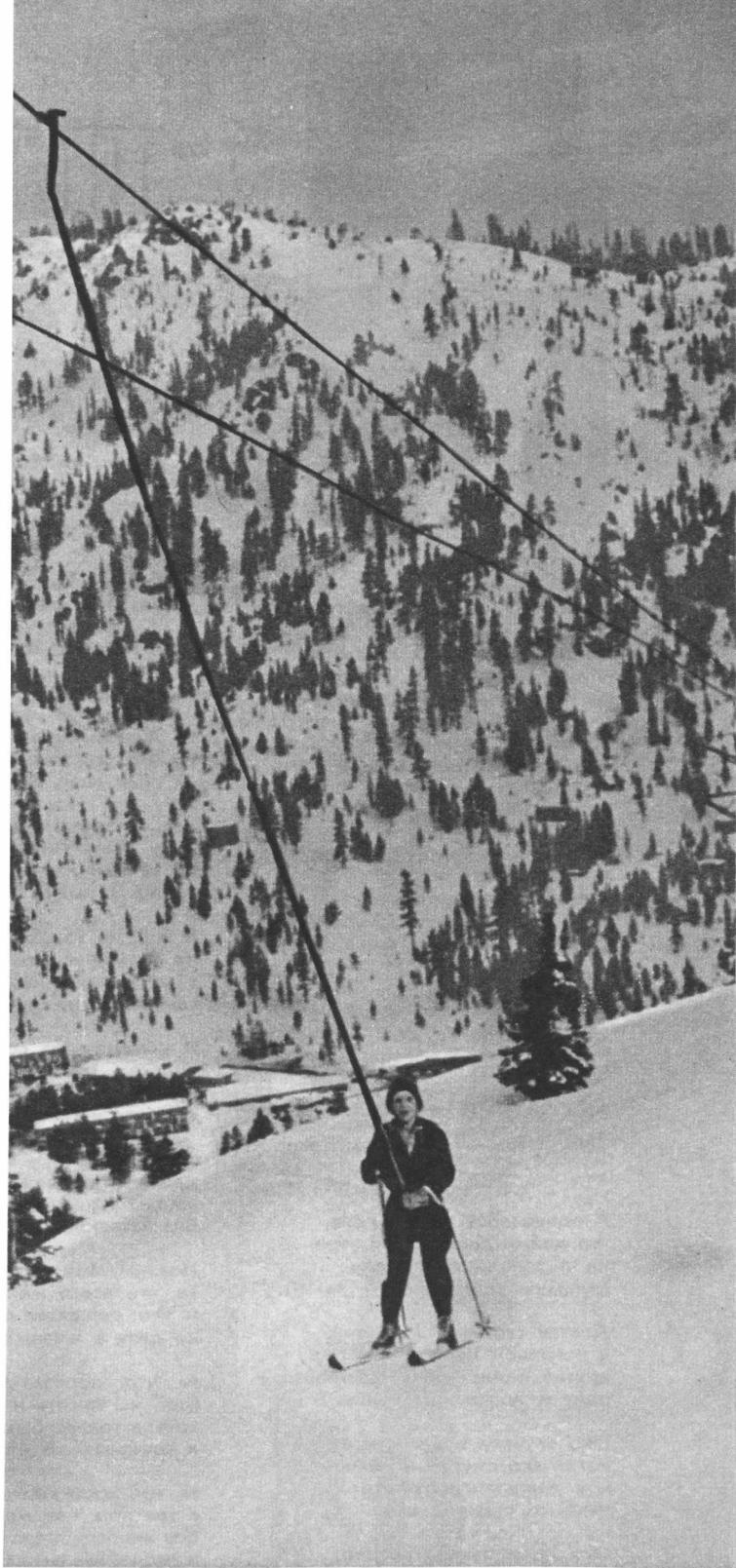
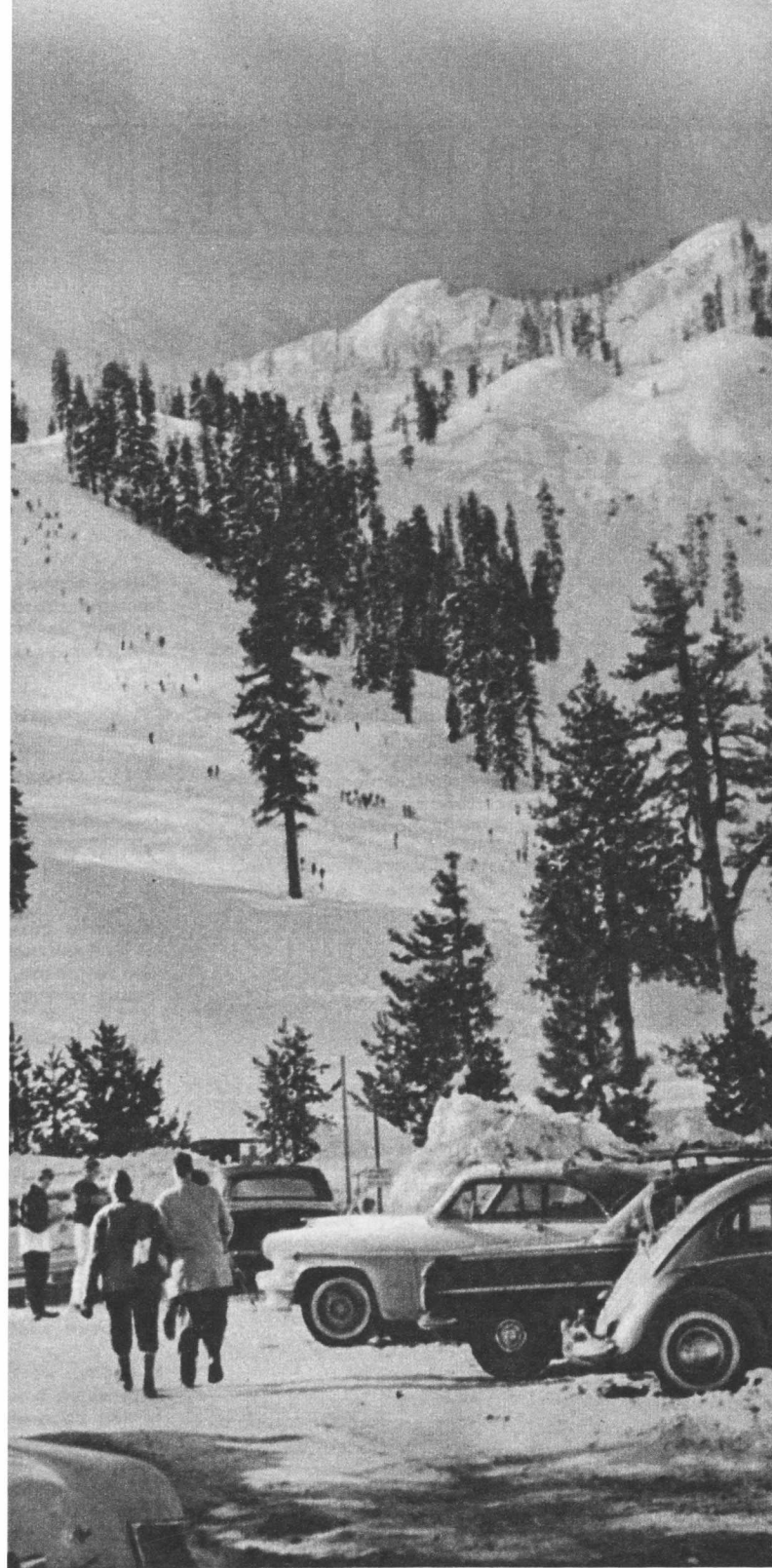
ляй: в феврале снежный покров превышает два метра. Поэтому не придется, как это было на некоторых прежних олимпиадах, привозить на трассы гонок снег в грузовиках и сгребать его с окружающих склонов. А вот со льдом дело похуже. Зима в Скво Вэлли мягкая, и нередко после ночных морозов температура днем поднимается до 15—18 градусов тепла. В связи с этим решено дорожку для скоростного бега на коньках под открытым небом делать на искусственном льду.

Огромный «Зимний дворец», постройка которого уже закончена, вместит на своих трибунах 11 тысяч зрителей. Здесь на искусственном накате площадью 1 400 квадратных метров пройдут состязания фигуристов и хоккейный турнир.

Рельеф склонов, на которых будут состязаться горнолыжники, таков, что зрители снизу смогут наблюдать почти весь ход слалома и скоростного спуска. Для того, чтобы поднять участников к месту старта, а зрителей — к трибунам, расположенным вдоль трасс, сооружается несколько подъемников.

Для тренировок и выступлений прыгунов сооружены 45-, 60- и 80-метровые трамплины. Эти трамплины, трассы состязаний и ряд спортивных сооружений уже опробованы крупнейшими специалистами из разных стран.

В прошлом году происходила

Скво Вэлли — «Долина жен», расположенная в горах Сьерра-Невады (США, штат Калифорния). Здесь состоятся VIII зимние олимпийские игры.

Фото заслуженного тренера СССР А. КАРПОВА.

своего рода «генеральная репетиция» VIII олимпиады: в Скво Вэлли состоялись сильнейшие конькобежцы, лыжники, слаломисты, прыгуны, в том числе и советские спортсмены.

Впервые огромный поток людей устремился в Скво Вэлли в середине прошлого века. По санному пути мчались на собачьих упряжках и на лыжах золотоискатели и вновь открытым приискам Сьерра-Невады. Теперь на смену золотой лихорадке пришла лихорадка спортивная.

И, подобно золотоискателям давних времен, первыми ринулись ставить «заявочные столбы» на обслуживание зрителей и участников олимпиады представители бизнеса.

Для того, чтобы фиксировать результаты спортсменов и сообщать о них зрителям и корреспондентам, нужны точные секундомеры, связанные проводами с огромными световыми табло, на которых электролампочки мгновенно «рисуют» фамилии участников и цифры.

Поэтому началось лихорадочное создание часовых фирм за право организовать «службу времени» на олимпиаде. До сих пор это состязание выигрывала обычно

швейцарская фирма «Омега». Однако теперь победу одержала не менее известная фирма «Лонжин»; ее секундомеры будут фиксировать время спортсменов с точностью до двух тысячных секунды.

Естественно, что за ходом олимпиады захотят следить не только те 35 тысяч туристов, которых ожидают в Скво Вэлли, но и миллионы любителей спорта всех континентов. Их любопытство должны удовлетворить телепередачи и телевизионные фильмы, которые будут рассылаться во все части света. Здесь также прошла своя «гонка» телевизионных компаний за монопольное право показывать олимпиаду. Победила «Эйбиси» («Эмеринен бродкастинг компани»), обставив всех конкурентов. Многие американские корпорации, фирмы и компании стремятся уже заранее обеспечить себе прибыли от эксплуатации будущего фешенебельного зимнего курорта. Так, нефтяная корпорация «Юнион ойл компани» закупила на 20 лет вперед монопольное право ставить в районе Скво Вэлли свои заправочные колонки и станции для обслуживания автомобилей.

Организаторы олимпийских игр

предполагают, что в Скво Вэлли съедется свыше 1 200 спортсменов из 34 стран. Так ли это будет, покажет будущее. Дело в том, что большинство участников составят, как и всегда, европейские спортсмены, а поездка за океан стоит очень дорого. У многих спортивных организаций буржуазных стран вряд ли найдутся средства, чтобы послать в США большие спортивные делегации. Об этом говорит и опыт III зимних игр, которые проводились в Лейк-Плэсиде (США) в 1932 году. Тогда в играх участвовало всего лишь 307 спортсменов из 17 стран.

Теперь принимаются специальные меры, чтобы облегчить поездку команд в Америку. Для этого оргкомитет VIII зимних игр намерен заказать самолеты, которые привезут объединенные группы спортсменов из нескольких стран. Например, будет создана группа участников из скандинавских стран, французы отправятся вместе с итальянцами, австрийцами и швейцарцами. Это мероприятие уже получило пышное название — «олимпийский воздушный мост». По этому «мосту» спортсменам придется переправляться в США дней за десять — двенадцать до

начала соревнований, чтобы привыкнуть к климату Скво Вэлли и освоить олимпийские трассы.

Большая суматоха царит в курортных городках и поселках, расположенных вокруг Скво Вэлли. Там рассчитывают не только на приезд настоящих любителей спорта, но и на десятки тысяч туристов. Поэтому сюда придут многочисленные звезды кино и эстрады, джазы, оборудуются различные аттракционы. Кстати, руководителем зрелищной части программы VIII олимпиады приглашен большой специалист по организации всевозможных массовых праздников и развлечений известный американский кинорежиссер Уолт Дисней.

Много хлопот доставляет организаторам «Белой олимпиады» устройство центров для работников печати, радио, кино и телевидения. Особенно большие заботы проявляются о так называемой олимпийской деревне — общежитии, где будут размещаться, отдыхать и питаться участники соревнований. Не за горами тот день, когда пустынные места Скво Вэлли заполнят спортсмены и болельщики всех пяти континентов и в историю «Белых олимпиад» будет вписана новая страница.

ПУТЕВЫЕ Замисли

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

ЛАНДЫШИ

Устав от тряски перепутый,
совсем недавно, в сентябре,
я ехал в маленькой каюте
из Братска вверх по Ангаре.

И полагал, вполне разумно,
что мне удастся здесь поспать,
и отдохнуть от стройки шумной,
и хоть немного пописать.

Ведь помогают размышлению
и сочинению стихов
реки согласное течение
и очертанья берегов.

А получилось так на деле,
что целый день, уже с утра,
на пароходике гремели
динамики и рупора.

Достав столичную новинку,
с усердием честного глупца
крутил радист одну пластинку,
одну и ту же, без конца.

Она звучала в час рассвета,
когда все смутно и темно
и у дежурного буфета
закрыто ставнею окно.

Она не умолкала поздно,
в тот срок, когда, сбавляя ход,
под небом осени беззвездным
шел осторожно пароход.

Она кружилась постоянно
и отравляла мне житье.
Но пассажиры, как ни странно,
охотно слушали ее.

В полупустом читальном зале,
где был всегда неверный свет,
ее парнишки напевали
над пачкой выцветших газет.

И в грубых ватниках девчонки
в своей наивной простоте,

поправив шпильки и гребенки,
слова записывали те:

«Ты сегодня мне принес
Не букет из пышных роз,
Не фиалки и не лилии, —
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но они такие милые...
Ландыши, ландыши...»

Нет, не цветы меня озлили,
и не цветы мешали жить.
Не против ландышей и лилий
решил я нынче говорить.

Я жил не только для бумаги,
не только книжицы листал,
я по утрам в лесном овраге
сам эти ландыши искал.

И у меня — от сонма белых
цветков, раскрывшихся едва, —
стучало сердце и пьянела —
в листве и хвое — голова.

Я сам еще в недавнем прошлом
дарил созвездия цветов,
но без таких, как эти, пошлых,
без патефонных этих слов.

Поэзия! Моя отрада!
Та, что всего меня взяла
и что дешевою эстрадой
ни разу в жизни не была;

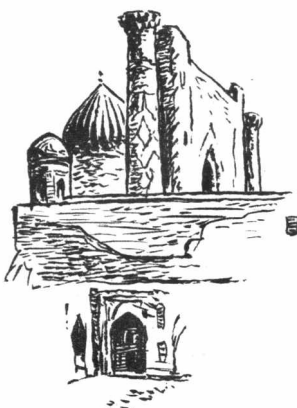
та, что, порвав на лире струны,
чтоб не томить и не бречать,
хотела только быть трибуной
и успевала ею стать;

та, что жила едва не с детства,
с тех пор, как мир ее узнал,
без непотребного кокетства
и потребительских похвал,

воюй открыто, без сурдинки,
гражданским воздухом дыши.
И эти жалкие пластинки
победным басом заглуши.

КЕТМЕНЬ

Я отрицать того не стану,
что у калитки глупо стал,

когда сады Узбекистана
впервые в жизни увидал.

Глядел я с детским изумленьем,
не находя сначала слов,
на то роскошное скопленье
растений, ягод и плодов.

А вы, прекрасные базары,
где под людской нестройный гуд
со всех сторон почти задаром
урюк и дыни продают!

Толкался я в торговой давке,
шалел от красок золотых
вблизи киосков, и прилавков,
и пчел над сладостями их.

Но под конец — хочу признаться,
к чему таиться и скрывать? —
устал я шумно восхищаться
и потихоньку стал вздыхать.

Моя душа не утихала,
я и грустил и ликовал,
как Золушка, что вдруг попала
из бедной кухоньки на бал.

Мне было больно и обидно
среди изобилия всего
за свой район, такой невидный,
и земли скудные его.

За тот подзол и супесчаник,
за край подлесков и болот,
что у своих отцов и нянек
так много сил себе берет.

И где не только в день
вчерашний,
а и сейчас, чтоб лучше жить,
за каждым садиком и пашней
немало надо походить.

Я думал, губы сжав с усилием,
от мест родительских вдали,
что здесь-то лезет изобилье
само собою из земли.

Сияло солнце величаво,
насытив светом новый день,
когда у начатой канавы
я натолкнулся на кетмень.

Железом сточенным сияя,
он тут валялся в стороне,
как землекоп, что, отдыхая,
лежит устало на спине.

Я взял кетмень почтенный в руки
и кверху поднял для того,
чтоб ради собственной науки
в труде испытывать его.

Случалось ведь и мне когда-то
держат в руках — была пора —
и черенок большой лопаты
и топориче топора.

Но этот — я не пожалею
сознаться в том, товарищ мой, —
не легче был, а тяжелее,
сноровки требовал иной.

Я сделал несколько движений,
вложивши в них немало сил,
и, как работник, с уважением
его обратно положил.

Так я узнал через усталость,
кромсая глину и пыля,
что здешним людям доставалась
не даром все-таки земля.

Она взяла немало силы,
немало заняла труда.
И это сразу усмирило
мои сомненья навсегда.

Покинув вскоре край богатый,
я вспоминаю всякий день
тебя, железный брат лопаты,
тебя трудящийся кетмень!

БЕЛАЯ ВЕЖА

Там, где мирные пашни,
на краю городском
молча высится башня,
окруженная рвом.

Солнце летнее светит,
снег из тучи летит.
Лишь она семь столетий
неподвижно стоит

возле близкой границы,
у текучей реки.
В этих старых бойницах
вы стояли, стрелки.

Нет, они не пустые:
как столетья назад,
очи древней России
из проемов глядят.

Башня Белая вежа,
словно башни Кремля:
очертания те же,
та же наша земля.

Ты стоишь на границе,
высока и стара,
красных башен столицы
боевая сестра.

Меж тобою и ними
зыбкий висится мост,
золотистый и синий,
из тумана и звезд.

РАЗГОВОР МАШИНИСТОВ

В этой чистенькой чайной,
где плафоны зажглись,
за столом не случайно
машинисты сошлись.

Занялись разговором,
отойдя от работ,
пред отправкою скорой
в Узловую на слет.

Веселы и плечисты,
хороши на лицо,
говорят машинисты,
попивая пиво.

Рук неспешных движение
в подтверждение слов —
словно бы продолжение
тех стальных рычагов,

словно бы отражение
за столом небольшим
своего уваженья
к содеповцам своим.

Кружки пенятся пеной,
а они за столом
продолжают степенно
разговор вчетвером.

Первый — храбрым фальцетом,
добрым басом — другой:
не о том да об этом —
о работе самой.

И, понятно, мы сами
возле кружек своих
за другими столами
молча слушаем их.

И вздыхаем согласно
там, где надо как раз,
будто тоже причастны
к их работе сейчас.

За столами другими
наблюдаем сполна,
как сидит вместе с ними
молодая жена.

Скрыла плечи и шею
под пуховым платком,
и гордась и робея
в окруженье таком.

Раскраснелась не слишком.
Рот задумчиво сжат.
И нетронуто «мишки»
на тарелке лежат.

С удивлением чистым
каждый слушать готов
четырех машинистов,
четырех мастеров.

Громяхают составы
на недалних путях...
Машинисты державы
говорят о делах.

ОДА

За широкой стеной кирпичной,
той, что русский народ сложил,
в старой крепости приграничной
лейтенант молодой служил.

Не с прохладцею, а с охотой
в этой крепости боевой
гарнизонную нес работу,
службу Родине дорогой.

Служба точная на границе
от зари до второй зари,
незадаром вы на петлицах,
темно-красные кубари.

...Не забудется утро это,
не останется он вдали,

день, когда на Страну Советов
орды двинулись и пошли.

В белорусские наши дали
налетев из земли чужой,
танки длинные скрежетали,
выли бомбы над головой.

Но, из камня вся и металла,
как ворота назаперти,
неподвижная крепость стала
у захватчиков на пути.

Неколеблемым был и чистым
этот намертво сбитый сплав:
амбразуры и коммунисты,
редюиты¹ и комсостав.

Ты не знала тогда, Россия,
среди великих своих утрат,
что в тылу у врага живые
пехотинцы твои стоят.

Что на этой земле зеленой
под разводами облаков
держат страшную оборону
рядовые твоих полков.

За сраженьем — еще сраженьем,
за разведкою — снова бой,
и очнулся он в окруженьем,
лейтенантик тот молодой.

Не бахвался и не канюча,
в пленном лагере, худ и зол,
по-за проволокою колючей
много месяцев он провел.

А когда, нагнетая силу,
до Берлина дошла война,
лейтенанта освободила
дорогая его страна.

Он не каялся, не гордился,
а, уехавши налегке,
как положено, поселился
в русском маленьком городке.

¹ Внутренние укрепления, последний оплот обороняющегося гарнизона.

Жил не бедно и не богато,
семьянином заправским стал,
не сутулился виновато,
но о прошлом не вспоминал.

Если же, выпивши, ветераны
рассуждали о той войне,
он держался заметно странно
и как будто бы в стороне.

...В это время, расчислив планы,
покая и ширь и высь,
мы свои залечили раны
и историей занялись.

В погребальные те окопы
по приказу родной земли
инженеры и землекопы
с инструментом своим пришли.

Открывая свои подвалы,
перекрыть своих глубин,
крепость медленно возникала
из безмолвствующих руин.

Проявлялись на стенах зданья
под осыпавшимся песком
клятвы, даты и завещанья,
резко выбитые штыком.

Тихо Родина наклонилась
над патетикой гордых слов
и растроганно изумилась
героизму своих сынов.

...По трансляции и газете
из столичного далека
докатились вести эти
до районного городка.

Скатерть блеском сияет белым,
гости шумные пьют вино,
просветлело, помолодело
лейтенанта того лицо.

Объявляться ему не к спеху
и неловко героем слыть,
ну а все ж, запоздняя, поехал
в славной крепости погостить.

Тут же бывшему лейтенанту
(чтобы время зря не терять)
пионеров и экскурсантов
поручили сопровождать.

Он, витийствовать не умея,
волновал у людей умы.
В залах памятного музея
повстречали его и мы.

В сердце врезался непреклонно
хрипловатый его рассказ,
пиджачок его немудреный
и дешевенький самовяз.

Он пришел из огня и сечи
и, прострелен и обожжен,
ни медалями не отмечен,
ни в реляции не внесен.

Был он раненым и убитым
в достопамятных тех боях.
Но ни гордости, ни обиды
нету вовсе в его глазах.

Это русское, видно, свойство —
нам такого не занимать —
силу собственного героизма
даже в мыслях не замечать.

ГРАД КИТЕЖ СТРОИТ СОЦИАЛИЗМ

Борис ПОЛЕВОЙ

Вот она, эта старая запись из военного дневника: «Сегодня на переправе в гуще препротивной дорожной пробки, растянувшейся на добрый километр, встретил капитана Л., которого не видел недели две. Он оброс, загорел, имел какой-то особо значительный вид. Зная, что профессия военного разведчика всегда позволяет ему видеть массу интересного, острожно спросил его:

— Откуда?

— Из града Китежа,— серьезно ответил он, чиркая о подошву спичкой и небрежно закуривая.

— Это что же, комендантский шифр или в Румынии действительно есть город с таким названием?

— Нет, я серьезно. Из настоящего града Китежа... Ну, из того самого, который, согласно сказанию, в воду ушел. Оказывается, легенда не точна: он вовсе не ушел под воду, он, так сказать, рассредоточился на отдельные села и деревни и расположился вот здесь, в Румынии, в дунайских гирлах...

Сохраняя серьезный, даже деловой вид, Л. извлек из планшета карту и показал на ней то место, где толстая синяя вена Дуная на подступах к Черному морю разбегалась на несколько ветвей и тянулась по сплошной серой штриховке болот.

— Вот здесь он и дислоцируется, рассредоточенный град Китеж. Там все, как в опере: и расшитые косоворотки, и бороды по пояс, и кокошники у женщин, и сарафаны у девчат. — И, хитро подмигнув зеленым глазом, капитан добавил в заключение: — И красавицу деву Февронию можете там встретить, если получше поищите, если повезет... Там такие русские красавицы!..

В это время пробка зашевелилась, пришла в движение, машины заревели. Вскрикивая в свой мохнатый от пыли вездеходик, Л., все еще наслаждаясь нашим недоумением, крикнул:

— Заберетесь в те края, кланяйтесь деде Февронии!»

На этом запись кончается, но я помню, когда некоторое время спустя, раздобыв связной самолет, я с грехом пополам добрался до дельты Дуная, а потом на трофейном военном катерке спустился от города Тулчи вниз, в его гирла, где среди вековых камы-

шовых зарослей, отгороженные от остального мира десятками и сотнями километров болот, расположились по берегам большие старинные липованские, то есть русские, села, образ, шутливо брошенный на военной дороге другом-разведчиком, все больше и больше укреплялся в сознании: сказочный град Китеж...

Действительно, было похоже, что когда-то все это скрылось от большой жизни и сама жизнь здесь вдруг замерла. Проходили десятилетия, века, гигантские войны и революции потрясали мир, а тут жизнь оставалась такой же, какой она была, может быть, в петровские времена, когда все эти русские мужики, спасаясь от религиозных реформ и страшной кабалы, бежали сюда, в чужие земли, в глухие места, где не было ни дорог, ни троп, куда можно доплыть лишь водой.

Странное ощущение, что ты силой какого-то колдовства заброшен из двадцатого века в восемнадцатый, не покидало меня во время этой необыкновенной экскурсии. Матросом на трофейном военном катерке, на котором мы «бежали» по дунайским гирлам, был молодой липованин, белокурый гигант с соломенными волосами и глазами такими голубыми, какие бывают у молодых угодников на иконах старинного письма. Звали его Мефодием. Был этот Мефодий сначала румынским пограничником, а потом, с приходом советских войск, добровольно вступил в Советскую Армию. Вот он-то, сын, внук, правнук липованских рыбаков, и рассказывал мне о жизни этих необыкновенных деревень, что вставали перед нами из камышовых зарослей.

— ...У нас вся жизнь вокруг церкви хороводом ходит,— говорил он сочным языком героев Мельникова-Печерского.— Церква у нас уж строга! Ежели кто от обряду отступится, не приведи господь. Ну, а ежели кто вздумает на румынке или на какой другой иноверке жениться, складывай всю свою пожиты в лодку и уплывай поскорей, куда судьба унесет. Ни тебя, ни родителей твоих, ни иных сродственников после того в церкву не пустят, руки им не подадут...

Совсем недалеко бушевала в те дни гигантская, страшная вой-

на. Над этим краем, где в камышовых зарослях не счесть уток, гусей, где во множестве водятся даже такие редкие в наши дни птицы, как пеликаны, то и дело пролетали эскадрильи боевых самолетов. Иногда в воздухе завязывались бои. По дорогам гремели самые совершенные танки. А тут этот Мефодий в красноармейской гимнастерке говорил своим певучим языком, и слова его звучали будто и впрямь в старой пьесе:

— ...Строгости у нас в божественном страсть какие! В церкву идем в особом кустоме. Бабы, те и шубки одевают с такими рукавами, что в каждом человека схранить можно, кофты да расшитые сарафаны, а на головах либо кичка, а то и кокошник. Ну, а мужеский пол — тот в черно-суконных поддевах. И без шапки идет; другой раз мороз, аж уши трещат, а шапку одеть не положено. От как...

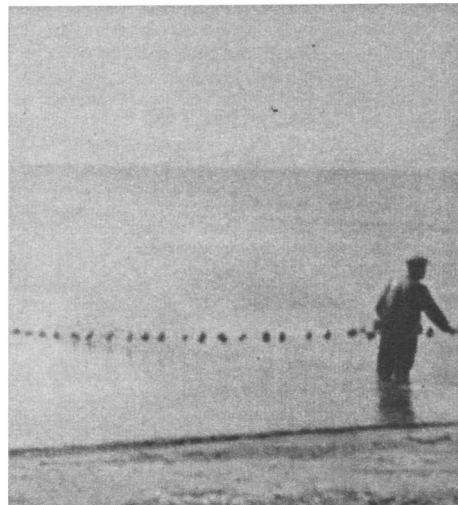
Пятнадцать лет прошло с тех пор, и по сей день, как живые, встают в памяти странные картины, которые открывались передо мной в ту первую поездку по Дунайской дельте. Деревни и села казались уголками этнографического музея старинного русского быта. Длинные, действительно по пояс бороды мужичин, низко повязанные темные платки женщин, девушки с косами до пят, в цветастых сарафанах. Приземистые, подслеповатые избы, где пахнет ладаном и шалфеем, а из красного угла строго смотрит целая компания мрачноватых угодников. Курные баньки. Ручные мельницы да деревянные сохи там, где при селе, среди камышей, был хоть крохотный клочок пахотной земли.

Жили эти люди рыболовством, техника которого держалась на уровне времен Александра Невского. В море даже в бурную погоду ходили на утлых челнах, и на каждом под особым навесиком на носу помещалось изображение Николы Угодника — покровителя рыбаков. Перед тем как отчалить, молился ему рыбак о ниспослании хорошего лова, ну, а ежели буря уносила сети или злой ветер-свиствоград отгонял рыбу, бралил рыбак Николу как зазнавшегося бездельника...

В этот раз мы попали в Румы-

нию в радостные для нее дни. Народ праздновал пятнадцатилетие освобождения Румынии от фашистского ига. Весь день на улицах Бухареста бушевали веселые толпы демонстрантов. Люди шли сплошными потоками, поднимая перед трибунами макеты вновь выстроенных фабрик, заводов, модели новых станков и машин, диаграммы, шли, как бы отчитываясь во всем том небывалом, невиданном, что построили за эти годы под руководством своей Рабочей партии. Мне вспоминалась Румыния военных лет. Вспоминались босые мужики, идущие за деревянной сохой по своей узенькой полоске, вспоминались старые крестьяне, норовившие при встрече поцеловать тебе, советскому офицеру, руку. Вспоминался Бухарест, который был в ту пору городом поразительных контрастов — кричащего богатства и вопиющей нищеты. Вспоминая все это, мы невольно поражались и радовались, как много сделал с тех пор этот талантливый, жизнерадостный народ.

А когда наши добрые друзья, румынские писатели, спросили нас, что бы мы хотели прежде всего посмотреть в стране, я вспомнил о дикийном крае, который мой друг-разведчик назвал когда-то рассредоточенным градом Китежем. И вдруг очень захотелось посмотреть, что принесли пятнадцать лет новой жизни

...Первые бригады тянут «ранние» невода.

Фото Ю. Полевой.

этим затерянным в камышах липованским селам, через которые, не задевая их, проходили столетия. Коллеги улыбнулись, но возражать не стали. И вот маленькое быстроходное судно, предоставленное в наше распоряжение комитетом партии города Тулчи, несет нас по водной глади уже знакомым мне маршрутом.

Провожает нас в этом увлекательном путешествии главный редактор тулчинской газеты «Друмуль социализмулуй» Ефим Яковлевич Николаев. Он, как и давний мой спутник Мефодий, тоже липованин, тоже из потомственных здешних рыбаков. Он невысок, широк в плечах, рус волосом. Это образованный, острого ума человек. И, может быть, только этакая особая певучесть его русской речи, в которой нет-нет да попадется старинное, вышедшее из употребления слово, напоминает о том, что и он успел походить когда-то в церковь без шапки, в кафтане темного сукна. Он влюб-

лен в свой край, в его суровую, своеобразную природу, в его мужественных людей, в его настоящее. Прошлое он не любит.

— А чего эту дикость вспоминать! Было, да былшем поросло. Осиновый кол в это прошлое еще пятнадцать годов назад вогнали.

Он тут же начинает объяснять, почему так замкнуто, отгородившись от всего мира, отгородившись от всех новшеств, закостеневшим, неизменным бытом жили его земляки. Этот маленький трудолюбивый народ, давным-давно поселившийся тут на чужбине, за Дунаем, был пасынком в королевской Румынии. Отважные, искусные липованские рыбаки, умевшие добыть улов в любую погоду, порою просто голодали, задыхаясь сами в сетях, которыми их опутывали румынская администрация и хищные скупщики, владевшие всеми пунктами приемки и ледниками. Они диктовали цены. Рыба, которую они принимали по нескольку десятков бань за килограмм, продавалась ими в Бухаресте по семь — десять лей. Даже самый смелый и проворный рыбак, работавший целой семьей, был у них всегда в долгу. А когда наставала жаркая погода, вся эта хищная банда договаривалась между собой, и начинался уже настоящий, узаконенный и благословенный властями грабёж.

— Вот, скажем, как прежде говорили, послал бог рыбака уда-

строенного в Польше, сделано в СССР, — сказал нам о нем капитан, тоже липованин, как, впрочем, и вся команда.

— Это как же понять, сердце? — Ну, дизели. Два дизеля по тысяче сил. Третий год без ремонта ходим...

Ровно, напористо, сильно бьется это механическое сердце, сделанное на ленинградском заводе, и дивные, своеобразные, неповторимые пейзажи плывут нам навстречу: просторная водная гладь, старые головастые ракиты, склоняясь к воде, купают в Дунае свои космы, стены камыша подступают к самой волне. Крупная рыба всплывает в омуты под ракетами. И деревни, старые русские деревни с маленькими избушками, окруженными то плетнем, то частоколом, с тропками, проторенными прямо к воде, с деревянными головастыми церквушками, окрашенными в небесно-голубой цвет, проплывают мимо нас. Сонно поют петухи. Молодица, высоко подоткнув подол и сверкая крепкими босыми ногами, сбегает с ведром к воде. Лыноволосые ребята играют перед домом в бабки. И откуда-то из-за плетня доносятся звонкие девичьи голоса:

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Ай-люли стояла,
Ай-люли стояла...

ном либретто, можно было бы в авторской ремарке указать: «Декорация прежняя, но между первым и вторым действиями прошло сто пятьдесят лет». Здесь нет описки. Не пятнадцать лет, а именно сто пятьдесят, если не больше, так изменились здесь человеческие отношения, так переменялось здесь все: экономика, техника лова, быт, а главное, люди, сами эти люди, которые совершают сейчас прыжок почти из родовой крестьянской общины прямо в социализм.

Под вечер мы сошли в селе, носящем название «28-я миля». Оно слыло когда-то в этих краях самым кондовым из всех липованских сел. У него нет по сухопутью связи даже с соседними, близлежащими деревнями. Сообщаются только водой. Окна изб смотрят с невысокого кособога прямо в Дунай. Кругом на многие километры камышовые заросли, вода, топи, болота. На рыбной пристани людно. Один за другим пристают к причалам тяжело осевшие в воду баркасы, наполненные, как кажется в вечернем свете, жидким серебром. Это рыба. Черпаками ее грузят в огромные корзины. Босые люди, что-то напевая, относят их по прогибающимся мосткам под навес, где улов взвешивается, обмывается, проходит первичную обработку. Там уже царствуют женщины. Улов удачный, на пристани и под

мунистов, в войну бывший партизаном, Антон Фокович Васильев, чисто выбритый, подтянутый, немногословный человек, ведет нас по своему селу. То же село и не то же. Не заросли, конечно, тропы, ведущие со всех концов к толстой, приземистой деревянной церквушке, ввинченной в сентябрьское небо синий пузатый куполок. Но над этой уже ветшающей церковью господствует новое здание сельской школы. Школа молодая, недавно обжитая. Пока что действует до пятого класса, а потом, по мере подрастания поколения учеников, станет семилеткой. Эта школа, клуб с читальней, Дом рыбака, где в прохладной комнатке размещается и контора Антона Фоковича, — это центр села. Местный же священник, молодой, дюжий, дико заросший огромной шевелюрой человек, встретивший нас у церкви, вздыхает:

— Разве теперь та вера! Молодежь-то и ход сюда забыла! Разве ненастье сюда какие парочки загонит... Я вот для прокормления семейства моего огородец завел: с приходу-то досыти и не прокормишься.

— Да, ныне на святого Николу рыбалка мало полагается, — отвечая на это простодушное признание, произносит Антон Фокович. — Ныне люди больше не на божью милость, а на свои руки надеются. Да еще вон на рыболовную технику, на советский рыболовный опыт опять же...

Священник вздыхает, пряча свои запачканные в земле руки под голубую рясу, а деликатный Антон Фокович, сохраняя серьезное выражение лица, ухитряется как-то очень весело смеяться одними глазами. А потом он рассказывает нам о всяческих новшествах, которые применяют сейчас рыбаки «28-й мили», о капроновых сетях, о соревновании, о большом значении советского опыта, который привезли здешние рыбаки, ездившие к нам в гости. Он с гордостью называет местного коммуниста Порфирия Козлова, сына самого яростного здешнего богомола. Порфирий одним из первых выбросил со своей лодки Николу Угодника и, применив ряд новинок, ловит теперь рыбу уже в счет плана 1965 года.

— ...Ох, и беспокойная же душа у человека! Реки ему уж мало. В неловные дни все кругом рыщет, рыбные озера выискивает. Он тут не один год шумел, чтобы мы путевой канал от Дуная до озера Глубокого прокопали, чтобы там из сезона в сезон рыбу брать. Аж в Бухарест писал человек, вот какой рыбалка! В Советский Союз, в Крым, отдыхать его посылали, так он и там как-то ухитрился до ваших рыбаков добратся и опыт их приволок... И, понятно, не он один... Коммунисты наши его поддерживают.

— А много у вас коммунистов? — Да не очень. Семьдесят человек в нашей сельской парторганизации, ну, а комсомольцев, по вашему называя, — этих пожалуй, вдвое поболее. — И вдруг, перебивая себя, Антон Фокович говорит: — Давно наши коммунисты собираются на соревнование ваших рыбаков из Волжской дельты вызвать. Только не знаем, куда письмо писать. На какой адрес. Может, вы нам поможете?..

Все дальше и дальше в глубь дельты несет нас прыткое суденышко. Мы то идем по основному,

чу, — рассказывает Ефим Яковлевич, улыбаясь навстречу свежему ветру, шелестящему в камышах и перебирающему его волосы. — Торопится он поскорее подвалить к магазину, пока рыба еще дышит, гребет сердечный, аж на руках кровь покажется. Подвалил к пристани, а купец ему: «Не принимаю, девать некуда!» Гребет рыбака дальше, еще сколько-то там миль отмахает, из сил выбьется; а другой скупщик ему опять: «Не беру». Еще против течения гребет, рыба аж сохнет, портится, хоть в воду ее бросай. Третий купец посмотрит: «Что ты привез, она же снулая! Ну, так уж и быть, за христа-ради приму». И дает несусветную цену.

А потом все три купца меж собой барыш делят да власти смазывают, чтоб они на все сквозь пальцы смотрели. Рыбалка туда, рыбака сюда: защитите от грабежа. А ему: «Пошел вон, грязная морда, тут тебе не Россия!» Вот и отгораживался народ от всех и жил своим миром.

Суденышко наше на редкость быстроходное.

— Сердце этого корабля, по-

Широка водная гладь. Ракиты у берега. Заросли камыша кругом, куда хватает глаз. Нет здесь на сотни километров вокруг ни поля, ни кудрявой березки. Но как воспоминания о земле предков, о русских раздольных краях, о шесте березовых роц живет здесь старая эта песня. И, подхватив девичий напев, уже издали доносящийся до нас по воде, вплетают в него свои голоса матросы нашего суденышка, и сам Николаев, обладающий приятным баритоном:

Ах, пойду я в лес погуляю,
Ах, белую березу залюбую...

Слушаешь эту старинную русскую песню, смотришь на эти проплывающие мимо, уже знакомые по прошлой поездке села — и кажется, что перед тобой проходят картины оперы «Сказание о граде Китеже». Но стоит судну причалить к рыбной пристани первого же села, сразу убеждаешься, что остались неизменными лишь внешние формы, да и то если глядеть на них издали. Если бы речь действительно шла об опер-

навесом веселая суета. Пахнет водорослями, рыбой, рекой, человеческим потом.

Лица работающих типично российских. Светлые волосы, голубые глаза. Говор, смех, шутки тоже русские. И песни, что доносятся из склада, знакомые нам. Но где же картузы, поддевки, кокошники, платки домиком, где, наконец, бороды по пояс? Обычные современные люди, одетые так, как одеваются на работу наши колхозники или румынские крестьяне сегодняшнего дня. Куда же девался этот этнографический заповедник? Умница Николаев отлично понимает ситуацию и спешит на помощь:

— Все это было. Только ведь мы не зря прожили пятнадцать лет в народной Румынии.

И действительно, может быть, именно в этом, некогда заброшенном краю можно с особой силой ощутить, сколь плодотворными были для страны годы социалистического строительства. Руководитель местной секции государственного рыбного промысла предприятия, сам в прошлом рыбак, один из первых здешних ком-

Народный художник

Н.А. КАСАТКИН

1859—1930

судоходной артерии, и тогда нам навстречу попадают огромные морские пароходы под румынским, советским, чехословацким, югославским, турецким и даже итальянским флагами. Они идут, будто прямо по земле, будто дома, двигающиеся над камышами. То мы сворачиваем с этой бойкой, международной большой дороги в боковые гирлы, и тогда над водой чернеют рыбацьи челны. Целые стаи уток и гусей, свистя крыльями, проносятся над рекой, а если прислушаться, можно, говорят, услышать доносящиеся из зарослей покрякивание пеликанов.

Но и природа уже не напоминает заповедник. Тут и там мы видим у берега причалы и возле них огромные, как холмы, скирды камыша. Камыш используют как первичное сырье для писчебумажных фабрик. В Тулче построен большой механизированный комбинат для изготовления камышита — чудесного строительного материала.

Поскитавшись по рыбацким деревням, мы на третьи сутки подходим к морю. Вдали вырисовывается город Сулина. Еще в дороге нас встречает катер. Он пришвартовывается к суденышку, и с него поднимается на палубу высокий пожилой человек.

— Михаил Трифонов Якович, по-вашему говоря, председатель тутошнего горсовета, — рекомендует он и, поглядев на рыжеющую в лучах заходящего солнца водную гладь, весело добавляет: — А вон и Заяц бежит. Тут как тут!

Мы с удивлением смотрим по направлению его руки. Вода, только вода. Откуда тут быть зайцу, животному, как известно, сугубо сухопутному! В это время к судну пристаёт моторка. С нее, подхваченный под мышки матросами, на палубу грузно перебирается громадный, плечистый русоволосый гигант. Он протягивает огромную, как лопата, руку. Пожатие у него такое, что после этого хочется подуть на онемевшие пальцы.

— Заяц Филат Петрович. Директор здешнего государственного рыбного промысла, — рекомендует он.

На следующее утро, едва лишь поднимается солнце, идем осматривать промыслы. Провожаем рыбаков суда, выходящие в море. Наблюдаем, как первые бригады тянут невода и долго черпают, «выливают из мотни» живое серебро рыбы. Заяц и Якович, оба бывшие здешние рыбаки, страшно гордятся своим промыслом; будто свой дом, показывают новые, большие цеха для солки и переработки рыбы, холодильные погреба, чистые рыбацкие общежития, по-местному «кабаны», где каждый рыбак имеет койку, тумбочку, свою яичку в стенном шкафу. Показывают и смотрят: как, мол, неплохо? И в этих взглядах хозяйская гордость всем этим новым обзаведением. Заяц, вероятно, позабыв, откуда мы прибыли, даже не прочь поагитировать нас в пользу социализма.

— Раньше-то здесь, на мысу, только сараюха ледника стояла, а жил рыбака, конечно дело, под лодкой. В дождь, в ветер опрокинет лодку, сам брюхом на песок — вот и все жилье. А сколько раньше тонуло! Ужас! Бывало, что ни сезон, по пять, по десять покойников. Так и говорили: море требовало... А уж какое тут море, когда лодчонки были со времен Николая Угодника! А те-

перь промысел и лодки и сети рыбаку дает. Мотор вместо собственного человеческого пара употребляется... Советский опыт изучаем... В пять раз, между прочим, в наше время добыча выросла. Это вы себе запишите, запишите! А заработок и того больше, потому как теперь у рыбы никаких мазуриков и кровососов не толчется. И власть своя. Вон Михаил Трифонович — власть. Свой рыбака. Все знают.

И опять вдруг слышится знакомая песня, на этот раз песня про гармониста, который бродит по окрестности села, музыкой своей не давая спать девушкам. Поют в унисон, голоса чистые, звонкие. Идя на звук этой песни, доносящейся из просторного помещения, где, как оказывается, группа девушек и молодых женщин да старичок-пенсионер, быстро действуя плицами, плетут сети, мы поражаемся тому, как хорошо спелся этот согласный хор. Но стоит открыть дверь, как песня сразу обрывается.

— Здравствуйте, девки! Чего смолкли? — здоровается директор промысла.

— Здравствуй, Заяц! Заморились, вот и смолкли, — слышатся голоса.

— Не верю. Такие девки да чтоб заморились, не может того быть! А ну вместе!

Песня вспыхивает с новой силой. И в строй женских голосов впеваются тонкий тенорок директора промысла, бархатистый баритон редактора областной газеты и ухажующий бас мэра города. Где-то в перерыве между куплетами Заяц кивает в сторону белокурой красавицы с толстой косой, красиво прикрытой по-женски платком.

— Во-он та, что всех ловчей, Ксюшка Маркова, недавно за румына замуж вышла. Раньше б ее всем селом съели, а теперь молодым от рыбаков подарок был...

Так, постепенно, из отдельных каких-то штрихов и складывается цельное представление о возрождении этого края, картина его бурного роста, преобразования, приобщения к радостному процессу строительства социализма, который идет в стране. И сутки спустя в маленьком кабинете секретаря Тульского комитета партии Пырву Кирыя мы подводим итоги нашего путешествия. Невысокий, плотно сколоченный смуглый человек, в прошлом клепальщик железнодорожного депо, внимательно и несколько ревниво слушает наш рассказ. У него на столе стопкой алгебра, геометрия, еще какие-то учебники. В свободное время секретарь райкома, оказывается, готовится сдать экзамен на аттестат зрелости.

— Скажем по совести, мы обрадованы тем, что увидели. Дельта совсем преобразилась, — говорим мы.

Секретарь райкома довольно усмехается:

— Ваш советский опыт. Дружба народов... У нас в Тулче живет тринадцать национальностей: румыны, русские, украинцы, татары, турки, сербы, армяне, албанцы, евреи, немцы, болгары, хорваты, даже итальянцы. Когда-то, как пауки в банке, жили. И вот вы сами теперь видели.

Секретарь райкома тоже, должно быть, не прочь поагитировать нас за социализм:

— Убедились, что дает ленинская национальная политика. Теперь все — одна семья. И дружная семья! Тулча, РНР.

Сто лет назад в Москве в семье художника-литографа Алексея Касаткина родился сын Николай. С малых лет любил он наблюдать, как трудится отец за рабочим столом или у мольберта. В раннем детстве Николай Касаткин начал рисовать вместе с учениками отца, а четырнадцатилет уже поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В то время там преподавали известные художники: А. Саврасов, И. Прянишников, В. Перов. У них и занимался Касаткин. Он считал В. Перова своим любимым учителем.

1883 год. Училище окончено. За картину «Нищие на церковной перти» Николай Касаткин получает Большую серебряную медаль и звание классного художника. Но целых шесть лет — из-за болезни отца — Касаткин вынужден был заниматься выполнением различных мелких заказов, давал уроки рисования.

На выставках передвижников Николай Алексеевич Касаткин начал выступать с 1890 года. Сперва это были превосходные по живописи небольшие бытовые картины: «За хворостом», «Шлагбаум», «Соперницы», «Осиротели», «Шутка», «Трамвай пришел», «Клевета»...

Примерно в это же время началась дружба Касаткина с Л. Н. Толстым и его семьей. Под влиянием великого русского писателя у Касаткина сложилось резко отрицательное отношение к господствующим классам, к царскому самодержавию. Однако влияние Л. Н. Толстого на Касаткина шло сложным и своеобразным путем: художник взял объектом своего творчества не крестьянство, находившееся, как известно, в центре внимания Толстого, а рабочий класс России.

Касаткин посвящает жизни рабочих картины «Семья», «Тяжело», «Перед отправлением в воспитательный дом», а затем берется за тему, совершенно не тронутую тогда в русском искусстве, — труд шахтеров.

Условия, в которых работали шахтеры, были ужасающими. Из-за частых обвалов, взрывов газа, затопления шахт они всегда находились под угрозой смерти или увечья. Рабочие и их семьи ютились в отвратительных землянках. «Могилы для живых», — звали их шахтеры.

Начиная с 1892 года Касаткин почти ежегодно приезжал в Донбасс. За десять лет он выполнил там сотни этюдов. Уже в 1895 году художник представил на выставку серию работ из жизни углекопов: картину «Сбор угля бедными на выработанной шахте», ряд портретов и «Шахтерку» — первое в русском искусстве замечательное изображение женщины-работницы. Тогда же Касаткин закончил сложную монументальную композицию «Углекопы. Смена». В центре произведения — забойщики. Они уже отработали двенадцать часов. По бокам — шахтеры, ждущие спуска под землю. Вся рабочая масса производит впечатление мощной силы, сплоченности.

В 1897 году на выставке появилось новое полотно Касаткина — «Шахтер-тягольщик»; изображенный на нем молодой рабочий тащит по штреку санки с грузом антрацита.

Бурные революционные события 1905 года вдохновили художника, расширили его тематику. Он создает картины: «9 января», «Последний путь шпиона», «Рабочий боевик», «После обыска» и другие.

Касаткин всегда сохранял верность реализму. В 1923 году, когда открылась 47-я выставка передвижников, художник показал циклы картин: «Завоевание свободы», «Реакция 1906 года», «Донбасс», «Заводы и фабрики»... А в 1926 году художник совершил поездку к углекопам Англии, откуда привез много интересных набросков и этюдов.

В последние годы своей жизни Николай Алексеевич Касаткин с особенной любовью работал над изображением советских людей. Он пишет «Вузовку», «Комсомолку», «Пионервожатую», «Селькора».

Касаткин получил почетное звание народного художника республики; во время чествования его горячо приветствовал А. В. Луначарский.

Высоко ценил Касаткина величайший русский реалист И. Е. Репин. Он писал Касаткину: «...сколько бы ни жило человечество, чего бы ни пережило оно в будущем, ваши вклады в сокровищницу времени вечно будут расти в своей ценности, и интерес к ним никогда не зарастет плевелами, народ тяжелыми ступнями найдет к ним столбовую дорогу».

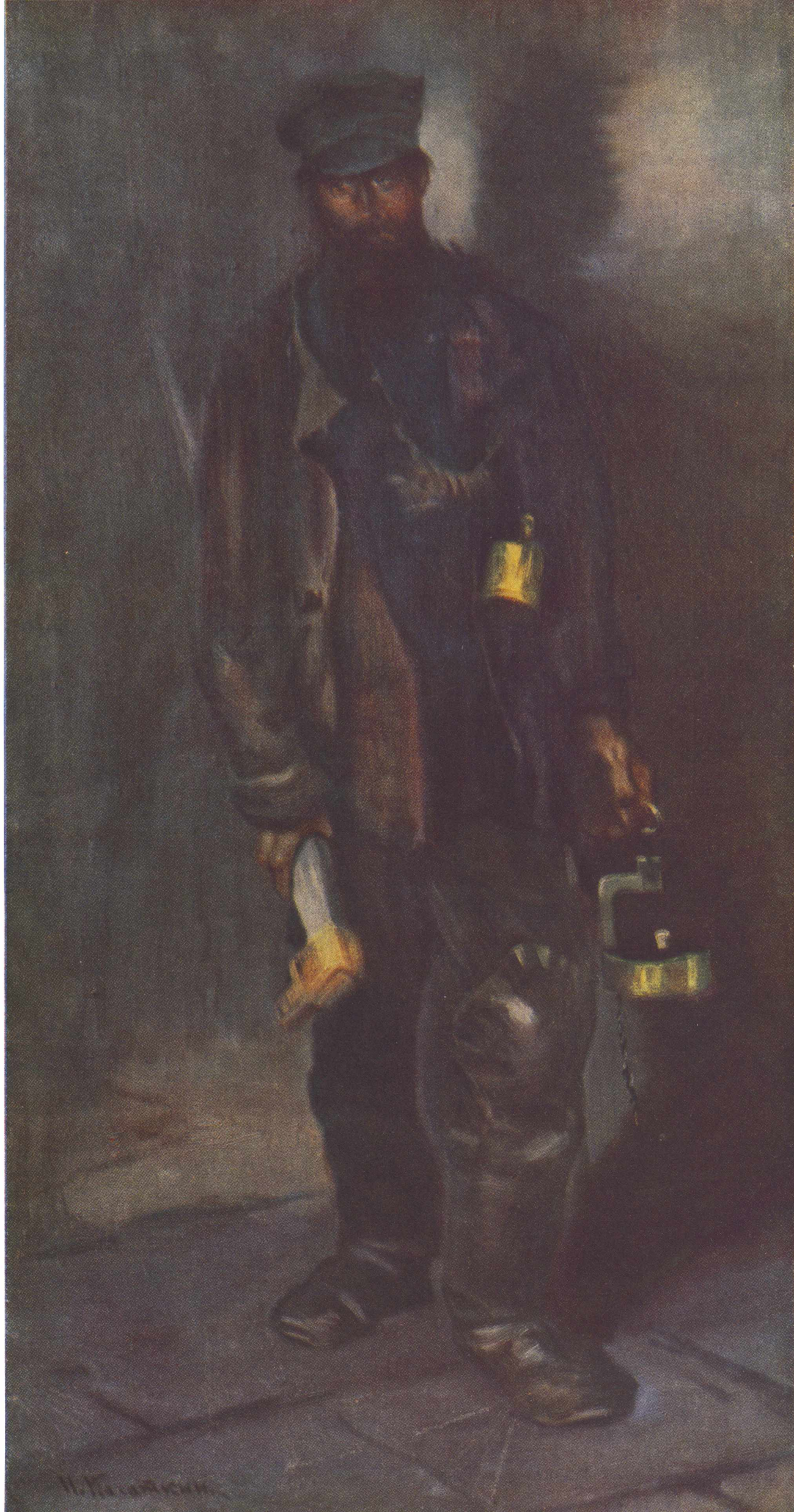
Заслуженный деятель искусства РСФСР
В. ЖУРАВЛЕВ

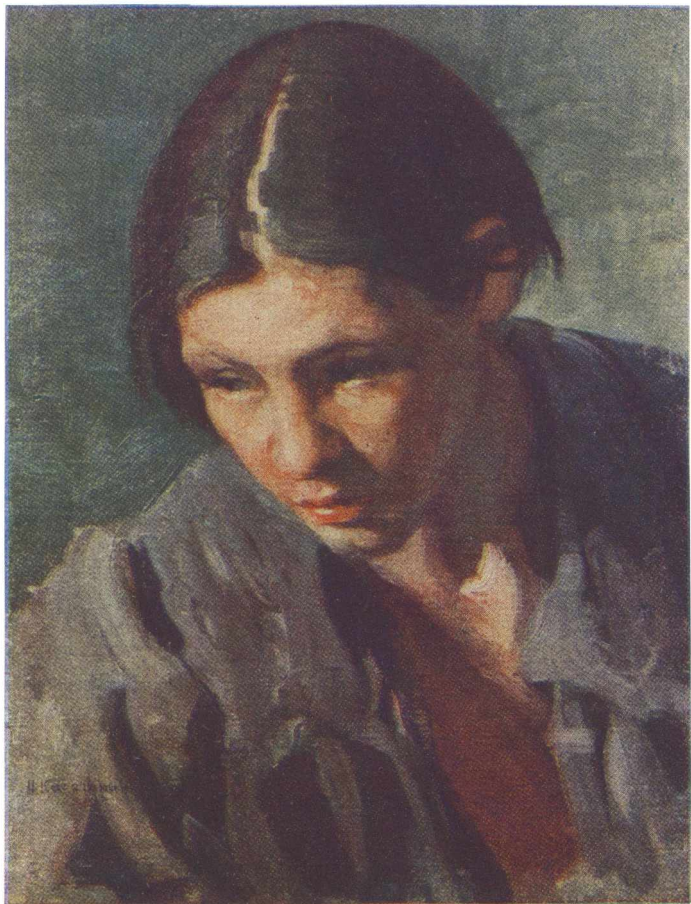
Н. А. Касаткин (1859—1930). СБОР УГЛЯ. 1894.

«Огонек».

Государственный Русский музей.

Н. А. Касаткин.
ШАХТЕР С ОБУШКОМ
И ЛАМПОЙ. 1895.

Н. А. Касаткин. ТОРФЯНКА. 1901.

Музей Революции СССР.

ТКАЧИХА. 1904.

Филиал Музея Революции СССР.

В КОРИДОРЕ ОКРУЖНОГО СУДА. 1897.
Музей латышского и русского искусства.

Н. А. Касаткин. АКТЕРСКАЯ ТРУППА. 1924.

Рязанский областной художественный музей.

КЛЕВЕТА. 1893.

Государственный Русский музей.

ДЕРЗОСТЬ МЕЧТЫ

Это край, где бушуют степные грозы, гребни трав колышутся на ветру. Гул идет по Прииртышью... Только чайки носятся над опустевшим раздольем. Здесь в иной полдень, когда пересохла уже весенние недовечные озера, над землей, подрагивая и струясь, текут чудесные реки — «шафранного марева» — «пшеничного». Это край, где осенью деревни затопляются пшеницей, сизый дым машин и тракторов висит над полями, а хлеба нет и нет конца...

Пробужденную Кулунду — край, открытый ветрам, солнцу, всем высоким человеческим страстям, — увидел и раскрыл Михаил Бубеннов в новом своем романе «Орлиная степь». Он уверенно ведет читателя к своим героическим друзьям, туда, где

Михаил Бубеннов.

...Строителя огромная работа Развернута сказаньем предо мной.

Может быть, М. Бубеннов отчасти влекла и справедливая обида на то, что слишком уж много внимания иные литераторы, писавшие о целине, уделяли героям никчемным, болезненно самолюбивым, поплавающим на целину случайно. Не они ведь стали подлинными героями этого великого деяния. И преобладающая стихия бубенновского повествования — романтическое возвышение, благородная возвышенность. Писатель увидел главного героя современности — прекрасного человека, пришед-

Михаил Бубеннов. Орлиная степь. Роман. «Октябрь». 1959, №№ 7—10.

шего на прекрасную землю.

...Вот, схватив ком влажной земли, идет по первой борозде Леонид Багрянов, бригадир целинников.

«Он жадно вдыхал запах рыхлой, пахучей земли, размятой в руках, и чувствовал, что вместе с этим запахом что-то новое входит в его жизнь, в его кровь...»

«Он вдруг почувствовал себя крестьянином, со всем тем, что живет в его душе ранней весной порой: с радостным ощущением пробуждающейся земли, с нежнейшей любовью к ней, извечной нормильнице, с тревогой о пахоте и севе, с раздумьем о сказочной земной силе и красоте...»

Рядом с этим звучат в душе Леонида и другие страсти: нежная любовь к довер-

чивой Светлане, гуманная забота о «растрепанной», беспутной, не согретой сердечным участием Аньке Ракитиной... Всякого жита по лопате встретишь на целине, но душевная щедрость, подлинная человечность делают Леонида близким для всех.

Счастье Леонида Багрянова выглядит таким достойным и увлекательным потому, что не крадется оно, не «промышляется», а добывается в коллективном труде, оно блещет крупными зернами пота, озарено раздумьями о Родине, сверено с коммунистическими идеалами народа. Леонид живет и борется вместе с людьми. И трудности, ополчающиеся против целинников, больно ударяют по его сердцу... Бригада терпит лишения, вспыхивает ссора с местным колхозом, нелепо гибнет лучший друг Леонида, Куприян Захарович, бегут малодушные, приехавшие полюбоваться собой на целине. И кровь и беды — все это подлинное, не бутафорское. Смешное и трагическое, чистое и дурное порой оказываются рядом... Но Бубеннов, лучшие его герои не теряются среди этой чересполосицы впечатлений...

Романтика естественно пришла к М. Бубеннову — героическое дело требует героического слова. Правда, иногда, размазывая яркие шелка романтики, М. Бубеннов впадает в цветистость, излишнюю пенимость фраз; на плечи героев ложатся накладные плечи для вящей величественности... Но ведь человек и сам по себе не мелочь своих дел. А подъем целины — великое народное деяние!

В. ЧАЛМАЕВ

ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ

Корнелий Зелинский

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ

У нас есть литература, но история ее еще не написана. Одна из причин этого — отсутствие в самой литературе мемуаров. Этот замечательный для читателя и необходимый для историка литературный жанр долгое время не поощрялся. И напрасно. Разнообразие интересов, взглядов, сочувствий, отраженных в записках и воспоминаниях современников, позволяет будущим историкам сообщать своим исследованиям живость и движение, которых лишены школьные учебники.

«Мои записки, — пишет К. Зелинский в своей книге, — не история в обширном смысле, написанная современником, и не специальное исследование по архивным источникам. Это воспоминания и заново перечитанные литературные страницы Октябрьских лет». И это точно определяет характер его труда.

Книга К. Зелинского, повествующая о первых трех годах послереволюционной литературной жизни, создает живое ощущение литературной борьбы и творческих исканий в годы, переломные в истории человеческого общества, в дни социалистической революции. Книга вызывает хорошую зависть к ее автору. Подумать только, ведь он знал, встречался, и именно в те «минуты роковые», с теми, кто навечно жив в литературе, — Блоком и Маяковским, Есениным и Демьяном Бедным, с Горьким и Брюсовым — и с теми, кто умер для нее, еще будучи живым. Он воочию видел и ныне забытого кумира поэтов, мономаньяка-проходца Хлебникова и скромного Полетаева — зачинателя реалистической советской лирики. Автор помнит и дореволюционный литературный быт, распавшийся под грозой Октября, и сохранил в сердце то бурление страстей и чувств, в котором творилась новая, советская литература.

В годы, о которых вспоминает автор, сам он «еще находился на подступах к литературе», был студентом, военным журналистом, одним из тех фанатически влюбленных в литературу людей, из которых впоследствии вырастают профессиональные писатели. Этим, вероятно, объясняется его скромность в личных воспоминаниях, щедро восполняемых меткими литературно-критическими характеристиками заново перечитанных страниц былого. Не все страницы перечитаны им с оди-

Корнелий Зелинский. На рубеже двух эпох. Литературные встречи 1917—1920 годов. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1959. 338 стр.

А. МАКАРОВ

«Синий свет Урала...»

Поэтесса Людмила Татьяничева работала токарем на заводе, училась на вечернем рабфаке. Ее творчество наполнено пейзажами Урала; перед читателем зримо возникают горы, самоцветы, таежные леса и трудовые люди. Когда мы перечитываем новые книги поэтессы, изданные в Свердловске и Челябинске, то ощущаем теплоту строк, которые убедительно рассказывают о богатых уральских местах. Татьяничева не любит многословия, она хорошо помнит отчий завет: Мой отец — охотник, Человек таинственный. Он слова, как порохов, Тратил осторожно.

А. ЕЛКИН

наковом вниманием и интересом. Характеристика Ключева дана менее уверенной рукой, отношение автора к его писаниям нечетко, образ этого лжеугодника как бы двоится. Но мы охотно предоставим историкам литературы разбираться в точности и полноте отдельных характеристик.

Нас в книге К. Зелинского привлекли прежде всего смелость самого шага к осмыслению литературного процесса в целом, достойное историка стремление единым взглядом охватить разнородные течения и чувства, классовых симпатий и антипатий, вызванную критическим, решающим моментом в жизни народа. Взгляд этот состоит в том, что «Октябрь и Ленин спасли русскую литературу», освободили художественную интеллигенцию от тяжелых «накладных расходов» на пути к истине, вызвали из народных недр сотни и тысячи новых талантов — будущих строителей литературно-социалистического реализма.

Для широкого круга читателей книга К. Зелинского открывает дверь в мир почти неведомый, знакомый им куда меньше, чем мир поэтов пушкинской поры, хотя именно в этом мире совершалось в грозе и буре таинство рождения литературы, которая отображает жизнь читателя-современника, будит его мысль и окрыляет душу. Заветная дверь открыта автором так, что, входя в этот мир, читатель познает как бы запах времени, его краски, его голоса. Будем надеяться, что эта книга не останется единственной дверью в славное былое нашей советской литературы. Хочется думать, что и ее автор, ступив на трудный путь мемуариста-исследователя, не остановится в начале пути и продолжит свой труд во времени.

НЕЗАБВЕННЫЙ КАМО

КАМО

Семен Аршанович Тер-Петросян (революционная кличка Камо) прожил недолгую жизнь (1882—1922), но даже и десяти части совершенного им достаточно, чтобы прослыть отважным бойцом революции и завоевать всеобщую любовь нашей партии.

Еще при жизни о Камо слагались легенды. Правди-

Л. Шаумян. Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна. Госполитиздат. Москва. 1959. 304 стр.

вые рассказы о подвигах, о необыкновенной находчивости и дерзости его передавались из уст в уста и воспринимались как революционные легенды. А. М. Горький писал, что рассказы эти «были настолько удивительны и легендарны, что даже в те героические дни с трудом верилось, чтоб человек был способен совмещать в себе так много почти сказочной смелости с неизменной удачей в работе и необыкновенную находчивость... Мне тогда подумалось, что, если написать о Камо все, что я слышал, никто не поверит в реальное существование такого человека...»

В партийных архивах, в газетах нашей страны, в газетах Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Швеции, Болгарии, в полицейских архивах различных стран хранятся сведения о подвигах пламенного большевика, любимца Ленина, любимца партии — Камо. Однако до сих пор документы эти как следует не изучены.

Лев Степанович Шаумян сделал первую удачную попытку создать научную биографию Камо. По обстоятельности, с которой здесь прослеживаются жизнь и деятельность Камо, по богатству использованных документов труд этот следует назвать научным, но материал излагается с такой живостью, так темпераментно, что книга читается как увлекательнейший роман. В ней около сорока глав, и в каждой — цепочка изумительных подвигов: создание нелегальных типографий, организа-

ция и обучение боевых дружин, закупка и транспортировка оружия — все это выполняется остроумно, бесстрашно. Не только охранка России, но и полицейские западноевропейских стран охотятся за Камо, но этот выдающийся конспиратор, превращаясь то в князя, то в торговца, то в офицера или купца, ускользает из рук полиции. Арестовать его удается лишь с помощью провокатора.

По мнению А. М. Горького, самый изумительный из подвигов Камо — его «гениальная симуляция, которая вела в заблуждение премудрых берлинских психиатров». Л. Шаумян, повествуя об этом, пишет: «Палачи в медицинских халатах втыкали под ногти Камо булавки, кололи иглами спину, жгли бедро докрасна раскаленными металлическими стержнями. При той форме заболевания, которую Камо себе избрал, некоторые участки тела не должны реагировать на уколы и ожоги. И Камо не подавал виду, что чувствует боль».

Трагически оборвалась жизнь Камо. Свою глубокую скорбь возмужавший выразил выдающийся революционер, близкое знавшие и любившие Камо. Среди множества венков, окружавших катафалк, были венки с надписями:

«Незабвенному Камо — от Ленина и Крупской». «Бессмертному часовому пролетарской революции — от ЦК РКП». Вас. ИЛЬИН

Чета Великий Альберти

Рассказ

Альберт МАЛЬЦ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Цирк был полон, и сразу чувствовалось, что публика настроена благодушно и доброжелательно. Заканчивались одновременные выступления на трех манежах, исполнителям щедро аплодировали. Сколько раз, подумала Мэй, выходила она с Руди на эту арену смелых, и от ослепительного света, музыки и запаха опилок начинало громко стучать сердце, а горло перехватывало от внезапной сухости. И не только десятилетние мальчуганы, сосавшие леденцы, становились жертвами этих чар: супруги Альберти, за шестнадцать лет исколесившие весь земной шар, были так влюблены в цирк, что всякая жизнь вне его казалась им нестерпимо скучной.

— Кто скажет Форелу: ты или я? — спросила Мэй.

— Лучше бы ты. Мне даже смотреть на него не хочется. — Руди затянул потуже шнур на халате. — Но не жди его возражений. Скажи и повернись спиной.

— Что-то я его не вижу. — Мэй подошла к группе клоунов, обступивших миниатюрную пожарную машину. — Никто не знает, где Форел?

— В зале, в первом ряду, — ответил чей-то голос.

Очередной номер кончился. Клоуны выбежали вперед и начали интермедию, а Руди проскользнул на центральный манеж проверить, как ставят аппаратуру. Мэй подошла к Форелу и потянула за рукав.

— Ну, как идет?

— Неплохо. Только «Железная Челюсть» мазал изрядно; к счастью, публика, кажется, не заметила. Что у вас?

Кругом хохотали, и Мэй пришлось повысить голос:

— Сделайте одолжение: Руди хочет еще разок попробовать переднее сальто.

Форел соорудил кислую мину.

— Войдите в его положение!

— Но я уже предупредил оркестр и церемониймейстера...

— Вы успеете еще распорядиться. Прошу вас, Форел!

Он поглядел на нее и ответил, насмешливо скривив губы:

— Ладно, но только один раз, не забудьте сказать ему об этом. А если у него сорвется, пусть придумает еще что-нибудь для эффекта. Так просто уйти я не разрешаю.

— Спасибо, вы ангел!

— А что решил Руди насчет субботы?

— Он еще ничего не знает. Я боялась расстроить его перед спектаклем.

Форел что-то проговорил, но хохот публики заглушил его слова.

— Простите, я не расслышала...

— Дай бог, чтоб у него не вышло.

— Это почему?

— Лучше ему не помогать. Это вы сами должны понять, раз его любите. Если, допустим, сегодня сойдет благополучно, он может

сорваться завтра. Да и вообще, я уже вам говорил, весь номер у него разболтался.

Мэй ничего не ответила и отошла, кипя от возмущения. Ясно, что Форел уже принял решение, и попробуй теперь его переубедить! Мэй увидела Руди, идущего навстречу, и заставила себя улыбнуться.

— Эти идиоты крепят проволоку с правой стороны выше, чем с левой! — раздраженно пожаловался он, сбрасывая халат. — Что сказал Форел?

Мэй принялась вытаскивать из саквояжа обувь.

— Пожелал удачи. Он думает, что сегодня ты себя покажешь.

Переобулись молча. Руди надел шляпу и плащ. Клоуны покинули манеж. Послышалась барабанная дробь. Церемониймейстер начал привычную тираду:

— Сейчас перед вами выступит блистательный, неподражаемый исполнитель танцев на проволоке, артист, чье имя прогремело на весь мир, — Великий Альберти!

Оркестр заиграл танго, и чета Альберти быстрым шагом направилась к центральной арене.

Окончание. См. «Огонек» № 50.

не: Мэй — расточая улыбки, Руди — сохраняя на лице надменное, сосредоточенное выражение, с каким он всегда представлял перед публикой. Остановившись в самой середине, они раскланялись. Вдруг Руди прошептал взволнованно:

— Никак не избавлюсь от спазмы в горле. Давно со мной такого не бывало.

— Пустяки! — успокоила его Мэй, чувствуя, однако, как леденеет у нее все внутри. Нет, это не пустяки! Каждому актеру знакомы минуты, когда от страха застывает комок в горле, и все в этом откровенно признаются. Но сегодня Руди должен во что бы то ни стало перебороть себя!

С театральной изысканностью Руди вручил Мэй плащ и шляпу. Она отошла в сторону, а он взбежал по ступенькам на мостик. Вытер подошвы о резиновый коврик, взял в руки баланс и на миг застыл в ожидании. Оркестр тоже сделал паузу, потом снова заиграл, и Руди вскочил на проволоку.

Музыка играла плавное, медленное танго, и, грациозно покачиваясь в такт, Руди дошел до противоположного мостика, повернулся и заскользил обратно. «Как хорошо! Как красиво!» — восторженно думала Мэй. Она старалась смотреть глазами зрителя, того же Форела например, и приходила к выводу, что Руди выступает, как в самые лучшие годы: движения его все так же ловки и ритмичны. И, тем не менее, сегодня на дневном и в предшествовавшие дни он выступал хуже. Что-то произошло, какая-то неуловимая перемена... Форел отметил это как потерю блеска, нехватку огонька. А это что, не огонек, не блеск? Мэй чувствовала радость, но в то же время и беспокойство.

Руди остановился посередине. Медленно нагнулся вперед, положил баланс на проволоку и под треск барабанов сделал стойку. Этот трюк, со стороны казавшийся очень трудным, вызвал аплодисменты. Гораздо труднее, однако, было вернуться на проволоку, но Руди выполнил это гладко, пригнув колени, актерски пошатываясь и делая вид, будто ему не хватает баланса. Это вышло очень здорово, но Мэй вздрогнула: ей показалось, что он в самом деле потерял равновесие. Впрочем, это длилось одно мгновение. Руди приблизился к Мэй танцую, публика зааплодировала, а он, взглянув на жену, процедил сквозь зубы: «Чуть не упал!» И Мэй ужаснулась, прочитав страх на его лице.

— Не думай об этом! — взволнованно зашептала она. — Ты сегодня в таком ударе! Смотри, как тебя принимают!

Оркестр заиграл новое, очень быстрое и темпераментное танго. Отбросив баланс, Руди вскочил на проволоку. При первых звуках Мэй заметила, что он слишком поторопился и пошел не в такт. Но он сумел попридер-

он вообще довольно часто сбивался с трюка. Очевидно, это имел в виду Форел, когда критиковал его. Со всеми знаменитостями случались подобные накладки, но они не нарушали общего впечатления. И у Руди не нарушали. Только так ли это? Может быть, она просто не замечала, а он давненько уж начал сдавать?

Следующий танец — бешеное испанское фламенко — Руди исполнял, как показалось Мэй, вяло, словно выбился из сил. Но нет, дело не в том: работа никогда его не утомляет, тут другое — страх. Руди, как и она, боится за исход.

Фламенко завершилось барабанной дробью. Руди стал посередине проволоки, выпрямился, трижды подпрыгнул и затем — у Мэй захватило дух — сделал заднее сальто. Ноги его снова пришли на проволоку, но Мэй видела, каких усилий стоило ему удержаться. Он не притворялся, как случалось делать ради эффекта, а напрягал каждый мускул, чтоб не упасть. Аплодисменты неслись со всех сторон и все росли, момент опасности миновал, но Мэй, понимавшая, что он был на волосок от катастрофы, не ощущала никакого ликования.

Опять забили в барабаны. На заднем мостике Руди приладил ходули. Потом повернулся и двинулся по проволоке, не отрывая от нее взгляда. Этот трюк неизменно приводил публику в восторг, хотя был легче, чем танец на проволоке. Но он тоже был сопряжен с большим риском, и Мэй следила за мужем, испытывая такое волнение, какого не испытывала уже много лет. Все шло хорошо. Руди остановился, готовясь поднять ногу. Но почему-то застыл неподвижно, и Мэй догадалась, что его сковал страх. Пауза затягивалась, становясь томительной. Наконец ходуля медленно отделилась от проволоки. Раздались аплодисменты. Ходуля пришла на место, Руди судорожно покачнулся и поднял другую ногу. Мэй впиалась в мужа глазами, стараясь мысленно внушить ему, чтоб он не делал переднего сальто: «Не надо, милый, не надо!» Совершенно произвольно она очутилась почти рядом с мужем и едва не произнесла это вслух. Но, взглянув на его потное, искаженное нечеловеческим усилием лицо, она воскликнула:

— Получится обязательно, ты сегодня в ударе, любимый!

Он не ответил ни словом, ни взглядом, неизвестно даже, расслышал ли ее среди шума аплодисментов. Он машинально простирает руки к публике, взглядом по-прежнему прикованный к проволоке.

Церемониймейстер объявил в микрофон:

— Сейчас вы увидите один из наитруднейших акробатических номеров, какие когда-либо демонстрировались на одинарной проволоке, — переднее сальто. Исполнение его соп-

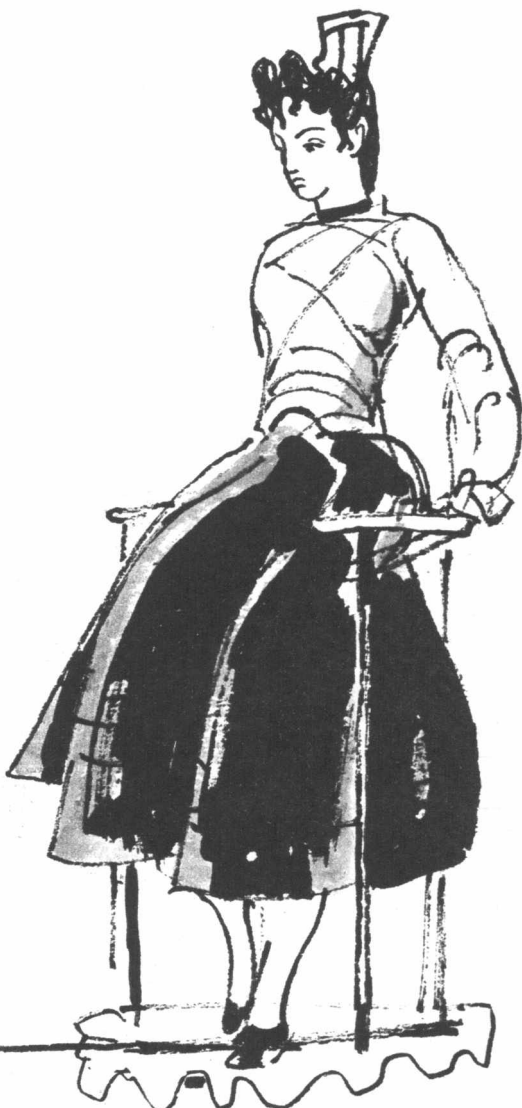
углом, раскинув ноги и ударившись грудью о проволоку. Публика охнула, когда Руди упал на землю. С тихим криком Мэй подбежала к нему. Он лежал неподвижно, выкатив глаза и раскрыв рот, с лицом, искаженным от боли. Мэй бросилась на колени рядом с ним, взывая: «Руди! Руди!» В ужасе она решила, что он парализован, что у него поврежден позвоночник. Их окружили служители. Один схватил было Руди за плечи, но Мэй крикнула не своим голосом:

— Не троньте его, бегите за доктором!

В эту минуту Руди начал дышать. Он ловил ртом воздух, как пловец, вынырнувший из пучины.

— Дух ему отшибло, ничего страшного нет, — сказал один из служителей.

Лицо Руди порозовело и расправилось. Он поднял голову и сделал попытку встать. Мэй помогла ему подняться, тревожно спрашивая:

— Как ты себя чувствуешь? Как спина?

— Спина цела, — с трудом выговорил он и шагнул в сторону.

— На сегодня хватит! — уже не сдерживаясь, закричала Мэй. — Ты убьешься! Кланяйся — и пойдём!

Руди остановился в нерешительности, глубоко опечаленный... Он медленно простер руки к публике. Раздались вежливые хлопки, и Мэй видела, как он содрогнулся. Музыканты доиграли свой неистовый аккомпанемент. Первое отделение окончилось, и церемониймейстер провозгласил двадцатиминутный антракт.

Они вышли. Мэй обняла Руди за талию, чувствуя, как он дрожит всем телом. Только сейчас она заметила, что трико на нем порвано и грудь сильно расцарапана.

— Думаешь, был только шок? Ребра целы?

Он кивнул.

Служитель, охранявший их вещи, сочувственно заметил:

— Слава богу, что я не акробат. Не сладок ваш хлеб, господа хорошие!

Руди промолчал. Он достал полотенце, вытер лицо и шею, завернулся в халат. Мимо по-

жать шаги и восстановить ритм. «Форел... Все из-за него, проклятого!» — злобно подумала Мэй.

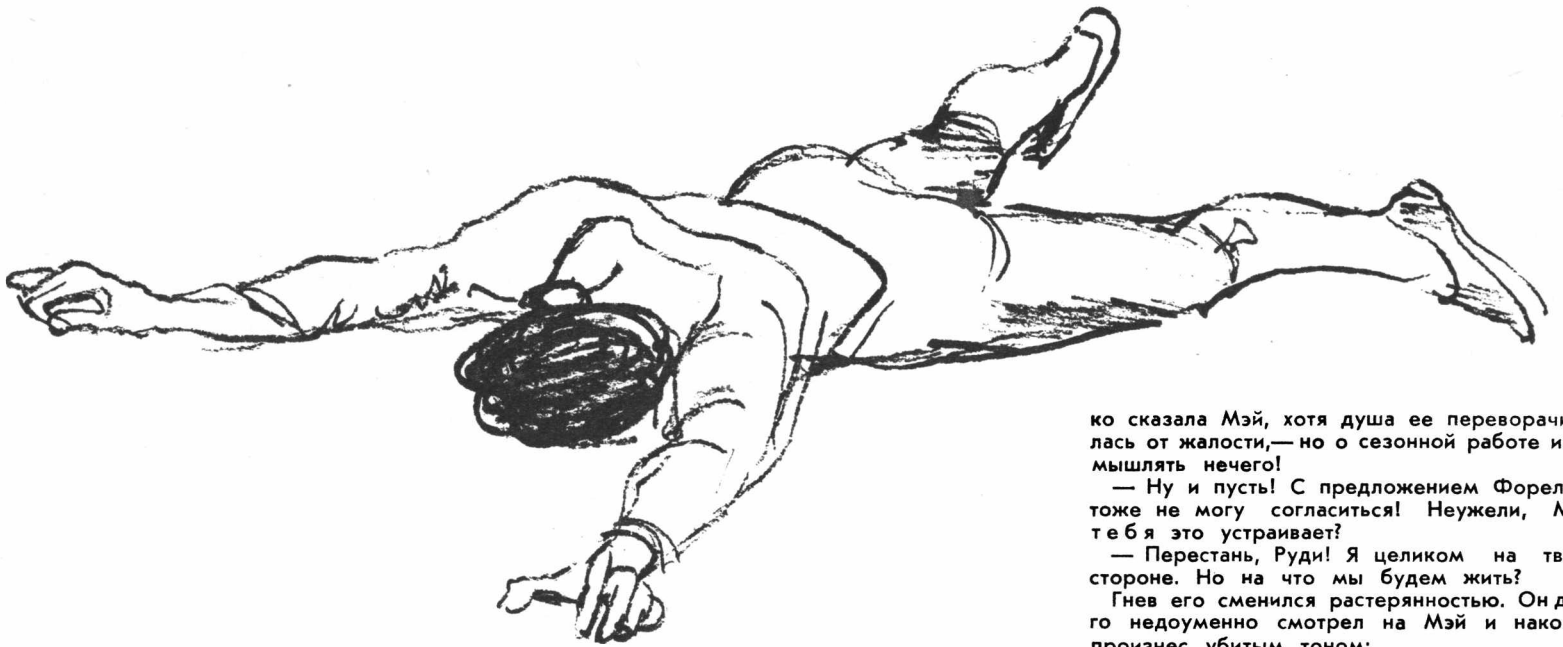
Далее все опять пошло гладко. Руди ловко и быстро двигался по проволоке из конца в конец, безупречно совершая повороты. И рубашку он снял артистически, присев на корточки и ловко подпрыгнув. Рубашка полетела к Мэй; зрители опять разразились аплодисментами. Потанцевав еще немного, он скинул панталоны — и этот трюк сошел гладко, хотя никогда не был легким, даже для Альберти.

Теперь Руди оставался в одном трико. Музыка играла все лихорадочнее и оглушительнее. Руди сбился с ритма, поторопился, стараясь попасть в такт, и... сорвался, как тогда, на первой репетиции, в середине танца. Чоб обмануть публику, он ухватился руками за проволоку, изогнулся дугой и, спрыгнув на землю, широко раскинул руки, как бы по ходу действия. Но так совсем не требовалось. Он знал об этом, и она знала, да и Форел, наверно, понял.

Мэй уже не могла спокойно смотреть. Правда, первую часть номера Руди провел более гладко, чем в предыдущие дни, но вторую начал, безусловно, плохо. Мэй вспомнила, что

ряжено с огромной опасностью для артиста, поэтому покорнейше прошу соблюдать полную тишину. Внимание... Великий Альберти исполняет... переднее сальто!

Оркестр снова заиграл первое — медленное — танго. Руди достиг, танцую, середины проволоки. Раскинув руки, пришел в равновесие. Опять раздалась барабанная дробь. Зрители замерли. Кровь застыла в жилах у Мэй, тело покрылось холодной испариной. Руди начал раскачиваться, а она отсчитывать в такт: раз, два, три, четыре; наконец он подпрыгнул. «Браво!» — возликовала Мэй. Но, судорожно ища опору, Руди сорвался. Правда, он легко спрыгнул на землю и ему хлопали, но когда он возвращался на мостик, Мэй заметила, как он расстроен. Она вдруг вспомнила, что не взяла с него слова не повторять трюк. Теперь Форел потеряет к ним доверие. Но Руди уже ступил на проволоку, и снова загремели барабаны. Он подпрыгнул раз, другой — и остановился. Подпрыгнул еще раз — и снова пауза. И снова: раз, два, три, четыре, пять... Но, не дождавшись нового прыжка, Мэй уже почуяла беду. Она видела, как Руди передернулся в воздухе, стараясь выправить корпус, и сорвался под

тянулись зрители, некоторые оборачивались и с любопытством разглядывали чету Альберти. Какая-то юная девица подбежала к ним, протягивая программу.

— Ваш автограф, мистер Альберти, пожалуйста!

Руди любил раздавать автографы, но сейчас хмуро и резко ответил:

— Зачем? Подумаешь, ценности!

— Извините, деточка, сегодня он не может, — скороговоркой объяснила Мэй ошеломленной поклоннице.

— Пошли! — процедил Руди, направляясь к выходу.

Взяв саквояж, Мэй последовала за ним.

Они возвращались молча: Руди — с каменным лицом, Мэй — слепая от слез. Поднявшись в фургон, Руди постоял, глядя себе под ноги, потом пробормотал:

— Впервые в жизни мне захотелось напиться.

— Налить коньячку, милый?

— Да-а, надо бы чего-то, меня всего трясет.

Мэй достала из ящика фляжку и налила немного в бумажный стаканчик. Руди пригубил, поморщился и выпил залпом, потом фыркнул и ядовито заметил:

— И это, по-вашему, вкусно?

— Глупый, коньяк так не пьют. Сперва надо посмаковать во рту и пить не спеша. Это ж тебе не пиво!

Руди сел и протянул ей стаканчик.

— Налей-ка еще! Сразу стало теплее.

— Сммотри, разберет тебя! — Она подлила немного. — Пей помаленьку, увидим, как он на тебя подействует.

Руди кивнул.

— Расстегни-ка халат. Хочу посмотреть, что у тебя на груди.

— Царапина, пустяки, — замотал он головой. — Положим горячие примочки, когда сядем в поезд.

— Больно тебе?

— Немножко.

— Я так огорчена, милый! Я понимаю, как тебе хотелось показаться сегодня.

Руди не ответил. Он сидел потупившись. В ярком свете лампы лицо его казалось осунувшимся и старческим. Вдруг Руди поднял голову и, осушив стаканчик, бросил его в угол. Откашлялся и негромко сказал:

— Сядь поближе!

Мэй придвинула складной стул. Он крепко сжал ее руку и с тревогой и болью заглянул ей в глаза.

— Я заметно сдал в этом году, как по-твоему?

Стараясь уклониться от прямого ответа, Мэй проговорила с запинкой:

— Сложное стало реже тебе удаваться, это правда...

— Не только о сложном речь, — нетерпеливо перебил он, — важна общая оценка. — Он испытующе посмотрел на Мэй. — Такого срыва, как был у меня сегодня, я не упомню.

— Ну, первые дни... Ты еще не вошел в колею.

— Да нет! Я что-то утратил. Теперь уже не я владею проволокой. Она, злодейка, меня отталкивает, борется со мной, как в ту, раннюю пору... Начну, бывало, упражнение и сам не знаю, чем кончу.

— Руди...

— Я потерял кураж! — горячо продолжал он, не слушая ее. — В этом все дело. Верно я говорю?

— Не знаю, мне трудно судить. Я стою слишком близко. Может быть, ты и прав, дорогой, как ни горько это признать.

— А ведь как хорошо я справлялся еще в прошлом году! Помнишь, как я кончил в Рио? Великолепно же, правда? — Он отвернулся. Щека его стала нервно подергиваться, и Мэй представилась та ночь, когда их сын лежал на операционном столе. — Пропала ловкость! — сдавленным голосом воскликнул он. — А ведь я старался, из кожи лез вон... Что тут скрывать: вершина пройдена! Как же это могло случиться за такой короткий промежуток между одним сезоном и другим, всего за несколько месяцев?

Они замолчали. Щека у Руди нервно подергивалась, Мэй еле удерживалась от слез.

— Захмелел я все же, — пробормотал он. — Но я думал, мне от коньяка легче станет. Несчастный день! Эта неудача подорвала во мне веру в собственные силы. Начал я в прекрасном настроении, но как только сорвался, все пошло прахом. Не следовало мне делать переднее сальто. Теперь уже Форелу ничем не докажешь. Придется исключить его на время из номера, а на досуге порепетировать. Авось, наладится.

— Милый, — заговорила Мэй, чувствуя невыносимую тяжесть на сердце. — Я вынуждена тебя огорчить. И даже очень сильно...

— Что еще?

— С этой субботы Форел вводит новый аттракцион. Если... если ты хочешь остаться в цирке, тебе придется... ну, понимаешь... отказаться от сольного номера.

Тик прекратился. Взгляд Руди стал страшен.

— Он сам тебе сказал? Когда?

— Перед спектаклем. Я не хотела тебя огорчать.

— Иными словами, он желает, чтоб Альберти попал в число рядовых. Поди, и плату решил снизить?

— Да, Руди. Ни много, ни мало — на сорок процентов.

Он вскочил. Худое лицо побелело от гнева. — Плевал я на это место! Сегодня же уедем. Пойду сейчас и заявлю ему.

— Даже не обдумав?

— О чем еще тут думать, боже праведный!

— О том, куда мы теперь денемся.

— Как куда? Отправлю телеграмму Ральфу, подыщет нам что-нибудь.

— Сейчас-то, в конце апреля?

Руди не нашелся что ответить и только сердито нахмурился.

— Получишь разовые ангажементы, — рез-

ко сказала Мэй, хотя душа ее переворачивалась от жалости, — но о сезонной работе и помышлять нечего!

— Ну и пусть! С предложением Форела я тоже не могу согласиться! Неужели, Мэй, тебя это устраивает?

— Перестань, Руди! Я целиком на твоей стороне. Но на что мы будем жить?

Гнев его сменился растерянностью. Он долго недоуменно смотрел на Мэй и наконец произнес убитым тоном:

— Итак, ты этого желаешь? Оповестить весь мир, что Альберти покатылся с горы?

— Ты же сам сию минуту сказал, что вершина уже пройдена! Что ты имел в виду? Руди, дорогой мой, тебе сорок семь лет. Врач или юрист этого возраста находится в расцвете сил, но не акробат. Ты не в состоянии сохранить свою легкость навеки. Никому это недоступно.

Щека Руди снова задергалась, и он прижал ее рукой.

— Конечно, — забормотал он, — я понимал, что когда-нибудь... но еще не скоро... Вспомни, в прошлом году в Южной Америке...

Мэй обняла его и поцеловала руку, прижатую к щеке.

— Милый, мы оба не хотели этого видеть — ни ты, ни я. Теперь я начинаю прозревать. Тебя уже пять лет не приглашают в «Гарден». Почему? Мы говорили: из-за личной неприязни к тебе Ринглинга. Правда, ты за это время много ездил по свету, и тебе хорошо платили, но все же не так хорошо, как платит «Гарден». И учти, что, кроме цирка, где мы сейчас, нас нигде в этом году не пригласили. В Европу тоже не звали.

— Да, верно, — пробормотал он, совсем обескураженный. — Но в Европе мы были в позапрошлом году, а там любят разнообразие.

— Не в этом дело, нет! — Губы Мэй дрогнули. — Мне тяжело говорить, Руди, но ты, по-видимому, уже давно начал сдавать, и только мы с тобой этого не замечали.

— И все-таки для меня неприемлемо требование Форела! — воскликнул Руди. — Пойми ты это! Как только я перестану быть солистом, все полетит к дьяволу. Через пять лет мы докатимся до грошового балагана в Дакоте — за харчи и двадцать долларов в неделю. Это неминуемо, если я соглашусь. А покинуть цирк я не могу. Не стать же мне продавцом в обувном магазине!

— Зачем же так мрачно, милый? — горячо запротестовала Мэй. — Ты все еще великолепен. Закончи ты сегодня ходулями, публика осталась бы вполне довольна. Даже если твое имя и не будет стоять первым на афишах, это далеко не грошовый балаган. Мы с тобой еще не один год поработаем! Начнешь принимать с зимы приглашения в театры, на сельские ярмарки, сезон получится на славу. Но сейчас мы попали в переплет. Нам нужны деньги. Мы не можем уехать отсюда.

Руди прикусил кулак, подавив тяжелый вздох.

— Нам предстоит еще один расход, о котором я тебе не говорила. Сразу по окончании гастролей мне придется лечь на операцию... Потребуется много денег.

Руди изменился в лице. Он сразу отвлекся от своих мыслей, и Мэй отметила это с облегчением.

— Когда ты узнала об этом? Почему молчала до сих пор? — встревоженно заговорил Руди.

— Я была у врача в Питтсбурге. У тебя начинались репетиции, и я не хотела вносить лишнее волнение.

— Что с тобой, Мэй?

— У меня опухоль; это, милый, не редкость у женщин моего возраста.

— О Мэй... Мэй, я просто не могу в себя прийти! — Он схватил ее за локоть. — Но это не рак?

— Доктор заверил, что нет.

— Операция опасная?

— При хорошем хирурге — нет. Раз полостная, значит, уже серьезная, но для здорового организма не смертельная. Все же мне хочется попасть в хорошие руки.

Руди крепко обнял ее.

— Разумеется, детка! Мы обратимся к лучшему хирургу. У тебя будет все, что необходимо, все! А потом ты хорошенько отдохнешь. Где-нибудь в Майами или Бермуде.

Мэй улыбнулась.

— А деньги где мы возьмем, дорогой? Лучший хирург... Неделя в больнице... Плата за пользование операционной... На одно это потребуется не менее тысячи долларов!

Руди вскочил и возбужденно забегал из угла в угол.

— М-да... Размах у меня под стать миллионеру! Мэй, а не опасно ждать до конца сезона?

— Нет, но врач советовал не оттягивать. Он порекомендовал обратиться к его знакомому хирургу в Де-Мойне, обещал ему написать.

— Деньги, деньги, деньги! — как бы про себя твердил Руди. — Да, попали мы в капкан! Конечно, теперь не уедешь. Не будь разборчивым, коли покатылся с горы! Есть-пить надо. Жене нужно сделать операцию. Не вечно быть солистом. Многие за всю жизнь этого не достигают.

Он застонал, жалобно, по-детски. Мэй испугалась, что с ним начнется нервный припадок. Лицо Руди вдруг задергалось, из горла стали вырываться рыдания вперемежку с бессвязными выкриками:

— Что я натворил? Что нас теперь ждет?.. Идиот! Самоуверенный дурак!.. Столько просидел на все эти дурацкие изобретения!.. Господи, мы могли бы уже уйти на покой! Никто бы не тыкал в меня пальцами: мол, этот старый пень когда-то здорово работал на проволочке!

— Руди, замолчи! — воскликнула Мэй. — Не пропадем же мы сразу!

— Я говорю так, как оно есть! — перебил он. — Начал водоносом и кончу водоносом. Ты вышла замуж за болвана. Это еще не пришло тебе в голову? Мне не сорок семь, а пятьдесят четыре, я обманывал тебя. Боялся вовсе отпугнуть, если признаюсь. А после женьбы было уже неловко рассказывать. Тебе только тридцать девять, а бывшему солисту — пятьдесят четыре! На что тебе нужен такой? Можешь от меня избавиться. Легко найдешь другого мужа. Детей заведешь. Только не выбирай больше пустоголового!

Мэй не верила своим ушам. Куда девались его благородство, самолюбие, мужество? Как больно было вдруг понять, что, прожив бок о бок шестнадцать лет, они не научились понимать друг друга! Руди, значит, был убежден, что дорог ей как знаменитый артист с большим жалованьем, а не просто как человек, которого она любила, любит и будет любить, несмотря на все перемены в его положении. Она понятия не имела о том, что за внешним самообладанием скрывается детский страх и полная неуверенность в себе. Первая неудача — и он уже решает, что ничего не стоит! Мэй нестерпимо было видеть Руди таким униженным, жалким, и она прибегла к нечестному приему. Впрочем, ей он в ту минуту не казался таким уж нечестным...

— Никогда ты меня не любил по-настоящему! — крикнула она, вскакивая. — Сейчас ты наконец себя выдал!

Слова ее и тон ошеломили Руди. Он дико уставился на нее.

— Тебе нужна была партнерша для номера, — резко продолжала Мэй, — но ты никогда меня не уважал, не замечал во мне женщину, которая тоже может что-то чувствовать!.. Знал, что у тебя есть хорошенькая ассистентка на манеже, и был доволен!

Он поднял руку, словно защищаясь от жестоких слов.

— Ничего не понимаю! Что на тебя нашло? Что за вздор ты мелешь?

— Вздор? — взвизгнула Мэй. — Если завтра меня разобьет паралич, ты сразу меня бросишь!

— Нет, ты с ума сошла! — завопил Руди. — Как ты смеешь это говорить? Мне, который любит тебя всей душой! Неужели ты этого не чувствуешь? Прожила со мной столько лет и до сих пор не почувствовала? И я буду любить тебя всегда, что бы с тобой ни случилось!

Мэй сорвалась с роли и разрыдалась.

— Так почему же ты оскорбляешь меня? Как ты можешь советовать мне искать другого мужа?

— О Мэй! Я сам не знал, что говорил!

— Не знал, так не говорил бы! По-твоему, я столько лет была предана тебе только потому, что ты был знаменит? А по-настоящему не могу любить! Что ж я, продажная вертихвостка какая-нибудь?

— Да нет же, Мэй! Вовсе я этого не думал! Голубка моя, не плачь, я не могу видеть твоих слез! — Но Мэй не успокаивалась, и Руди, опустившись на колени, обнял ее. — В тебе вся моя жизнь, Мэй! Я погибну, если ты когда-нибудь покинешь меня!

— Как же ты мог не знать меня? — Обида все еще звучала в ее голосе. — Неужели для меня самое главное — норковая шуба? Или очень важно, сколько тебе лет: сорок семь или пятьдесят четыре? Признайся, хоть раз за всю нашу жизнь слышал ты от меня упрек, что у нас нет детей? — Она сжала его лицо в своих ладонях. — Глупый, пойми же наконец, что я останусь с тобой, сколько бы ты ни зарабатывал: пятьдесят тысяч долларов или только двести. Я живу с тобой не из-за денег!

— О Мэй! — Руди прильнул к ней и зарыдал.

Она обняла его и, легонько раскачиваясь, нашептывала: «Милый мой, милый!» А он все не мог справиться с собой, и Мэй продолжала прижимать его к себе, как ребенка, не стараясь утешать.

— Что это со мной? — пробормотал он сквозь слезы. — Жалкий я человек! А воображал себя сильным! — И вдруг Мэй услышала: — Грег был такой славный мальчик, такой славный...

Мэй обнимала его, гладила, и целовала, и плакала вместе с ним. Она поняла, что этот

человек, ее муж, ни слезинки не проронивший с детства, сейчас оплакивает все сразу: и собственные ошибки, и смерть сына, и надвигающуюся старость, и необеспеченное будущее.

Припадок длился долго. Но постепенно Руди начал дышать ровнее, напряженно вздрагивавшее тело стало успокаиваться, и он еще крепче прижимал к Мэй. А у нее было счастливое ощущение, что они вместе перевернули еще одну страницу жизни и, заглянув друг другу в душу, стали от этого еще ближе и роднее. Она любила его за все: за силу и за слабость, за мастерство и за ложное самолюбие, и даже... за жалость к самому себе.

— Руди, дорогой мой, послушай! — тихонько проговорила она. — Ты меня слушаешь?

Руди не ответил, хотя, несомненно, слушал.

— Знаешь, чего нам не хватает прежде всего? — Она засмеялась негромко и мягко. — Снисходительности. Пусть я была транжиркой, пусть даже вела себя преглупо с мужчинами до того, как познакомилась с тобой... Теперь уж поздно этого стыдиться! И ты не угрызайся, что не нашел в себе достаточно мужества, как хотелось бы, что впустил просадил много денег... Да, вели мы себя не очень-то благо-разумно, но каждый остается самим собой. А самое главное, не будем пенять на себя за то, что стареем. Вон сколько у тебя седых волос, и у меня, смотри, морщины вокруг глаз! Я хочу примириться и с тем, что было, и с тем, что будет. Есть один способ этого достичь. Знаешь какой, Руди?

Он молчал, спрятав лицо на ее груди.

— Будем любить друг друга, и тогда это окажется легко. Сохраним участие друг к другу, даже если жизнь приведет нас в балаган и придется жить на двадцать долларов в неделю!

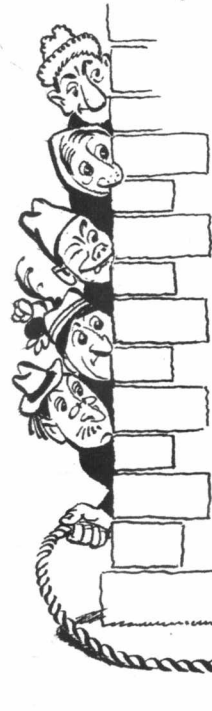
Он еще теснее прижался к ней, нежно поцеловал и вздохнул с облегчением.

«Милый ты мой большой ребенок, — подумала с ликующим сердцем Мэй, — самое дорогое существо на свете! Какое это счастье — любить!»

Перевела с английского
В. ЛИМАНОВСКАЯ.

Во дворе налево

Я. МИЛЕЦКИЙ

Рисунок Ю. Черепанова.

Девушка шла по улице Горького, останавливаясь у рекламных щитов «Мосгорсправки». Она растерянно переводила взгляд с одного объявления на другое.

— Ищите работу? — спросил ее благообразный старичок, что-то старательно записавший в свою потрепанную записную книжку. — Вон на соседнем щите полно таких объявлений!

— Нет, мне не то надо... — ответила она.

— Ага, ищите комнату! — Старик был словоохотлив.

— И не комнату... — Она что-то заметила в дальнем углу щита и быстро перешла туда.

Это были объявления частных преподавателей, яркие, броские, разрисованные художниками. Объявления призывали учиться печатать на пишущих машинках, секретарскому делопроизводству, черчению, начертательной геометрии, кройке и шитью, машинной вышивке...

Девушка — она искала преподавателя машинописи — записывала адреса и телефоны. Преподавателей-магов, обещавших за один месяц обучить печатанию на пишущей машинке по десятипальцевому слепому методу, оказалось много.

«Обучаю за один месяц... Практика на машинках разных систем...»

«Обучаю зрячих и слепых печатать двумя и одной рукой... Вниманию учреждений и учебных заведений! Берусь подготовить в группах-кружках служащих и учащихся...»

«Окончившие обучение получают справку!»

«Занятия каждый день. С каждым учеником занимаюсь отдельно!»

«Обучаю... Адрес: Тверской бульвар... рядом с кино «Новости дня», во дворе налево, два звонка...»

«Ускоренное обучение... Стоимость всего курса обучения 200 рублей...»

«Обучаю на секретаря-машинистку... Вниманию слепых!... Готовлю секретарей-стенографисток за 6 месяцев, квалифицированных стенографисток — за 9 месяцев!»

А рядом другие объявления: некий Григорий Григорьевич уверял, что он готовит «ускоренным методом» чертежников-конструкторов, копировщиков и дает уроки черчения, начертательной геометрии, деталей машин; «опытная преподавательница», пожелавшая остаться неизвестной и сообщавшая только свой номер телефона, приглашала желающих «в короткий срок обучиться художественной вязке носильных вещей». Столь же скромна и другая преподавательница: она дает уроки по конструированию женского легкого платья и ограничила право зво-

нить ей по телефону только с пяти до девяти вечера...

— Ну что, нашла? — снова по-любопытствовал старичок.

— Нашла... — неуверенно ответила девушка. — Пойду на Дегтярный. Это близко отсюда. Обещают за месяц научить печатать на машинке слепым методом. Не знаю, правда ли это? Вы не знаете, можно за месяц?

— Чего не знаю, того не знаю, дочка... — Старик оживился. — Если сомневаешься, иди на государственные курсы, слышал, есть такие. Там уж без обмана!

— Не принимают меня.

— Чего ж ты такого натворила, что такой тебе запрет?

— Говорят, еще молода: не минуло семнадцати...

— Ишь ты, чего придумали!

Что ж, тогда тебе другого пути нет — иди к частнику, авось, чему-нибудь и научит...

Девушка повернула на Дегтярный, а я отправился разыскивать государственные курсы машинописи, на которые так трудно поступить.

Вот и учебный комбинат Мосгорисполкома. Читаю правила приема учащихся на отделение машинописи. Действительно, принимают здесь лиц лишь в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет. Не моложе и не старше! Они должны иметь образование не ниже семи классов и, кроме того, сдать вступительный экзамен по русскому языку. Далее следовал длинный перечень документов, которые нужно представить, чтобы допустили к экзамену. Анкета с девятию вопросами. Затем требуется автобиография, написанная обязательно чернилами. Копия документа об образовании должна быть заверена у нотариуса, не иначе! Нужно приложить справку с местожительства о прописке, справку с места работы и даже справку от врача о состоянии здоровья, словно учащимся предстоит тяжелый физический труд и выдержать его смогут лишь богатыри. Паспорт предъявляется лично, и только тогда раскрываются двери этого храма науки...

Да, девушка у рекламного щита, видимо, не зря искала частника!

— Горим! — этим возгласом встретил меня директор учебного комбината Ефим Степанович Комраков. — На отделение машинописи мы недобрали и половины учащихся!

— Зачем же столько рогаток на их пути? Хотите девушку стать машинисткой — пусть учится, тем более что обучение платное.

— Да, шестьдесят пять рублей в месяц, а срок обучения — десять месяцев...

— Разве нельзя сократить этот срок? Ведь частники обучают за месяц.

— Это обман! За месяц невоз-

можно научить слепому методу.

Враки!

Директор показывает учебные планы и программу обучения машинописи. Боже мой, чего только тут нет! И машиноведение, и физкультура, и многое другое, не имеющее прямого отношения к машинописи.

— Кое-что, пожалуй, можно и подсократить, — вынужден согласиться Ефим Степанович. — Но, учтите, у нас учебное заведение! — Эти слова он произносит несколько торжественно.

Мы идем в классы, где стрекочут пишущие машинки. В других классах идут уроки по делопроизводству, русскому языку. К услугам учащихся 120 пишущих машинок последних выпусков, опытные педагоги. Питомцы комбината работают во многих учреждениях столицы.

В одном из классов я познакомился с Марией Буровой, которая раньше училась у частного преподавателя. Ее прельстил срок: один месяц. И она тоже свернула на Дегтярный...

— У Веры Алексеевны Карташевой я училась три раза в неделю, — рассказывает Мария. — Нас было пять девочек, и мы сидели в полуметровой комнате. Сама Вера Алексеевна весь день «щеголяла» в домашнем халате и большую часть времени проводила на кухне, представляя нам возможность «стукнуть» на машинке. Двести рублей она потребовала вперед, и мне волей-неволей пришлось ходить к ней весь месяц. Когда срок подходил к концу, я едва печатала четырьмя пальцами. Пришлось перейти сюда...

И вот вместе с финансовым инспектором мы навестили Веру Алексеевну Карташеву. Она уже много лет занимается преподаванием машинописи, как, впрочем, и ее старшая сестра. Доходы их достаточно велики и намного превосходят заработки преподавателей на государственных курсах. Поэтому частники с наступлением лета прекращают свою деятельность и отдыхают до осени. Карташева тоже аккуратно подает финансовым органам заявления: «С апреля до октября закрываю свои курсы машинописи». И так из года в год. Осенью на десятках рекламных щитов появляются объявления с адресом: Дегтярный переулок.

Дверь нам открыла молодая женщина в домашнем халате. Она хорошо знает финансового инспектора и пропускает нас в свою комнату. Вот он, полуметровый закуток, где совершается таинство обучения.

— Много ли у вас учениц? — спрашивает инспектор.

— Я только начинаю занятия после летних каникул. Пока всего несколько человек, — отвечает Вера Алексеевна.

— А какое у вас образование? — Окончила среднюю школу, потом курсы машинописи...

— Но вы обучаете и стенографии?

— Да, я окончила и курсы стенографии.

— И работали где-нибудь?

— Нет...

— Вашим ученицам вы выдаете справки об окончании курсов?

— Да...

Кто же учится у Карташевой и что привело их сюда, к частнику, в этот полуметровый закуток? Это те, для которых учебный комбинат почему-то закрыл свои двери, установив бюрократические рогатки и препоны при поступлении. Одним нет семнадцати, другим больше тридцати пяти. У одних нет семилетки, а другие не сдали экзамен. Но больше всего вынуждены идти к частникам жители подмосковных поселков. Где им достать справку о московской прописке? И среди учениц Карташевой оказались девушки из села Петрово-Дальнее, из Тушина, Лосиноостровского, Домодедова.

— Что же вы жалуетесь на отсутствие учеников, а сами их отталкиваете и бросаете в объятия частников? — спросил я у директора учебного комбината Е. С. Комракова.

— Действуем по правилам, утвержденным Мосгорисполкомом, — сухо отвечает он.

Городской учебный комбинат Мосгорисполкома готовит не только машинисток, но и чертежников-конструкторов, сметчиков-строителей, обучает кройке и шитью. Из четырех с половиной тысяч учащихся добрая половина падает на курсы кройки и шитья. И это понятно: женщины хотя бы научиться шить — и приятно, и на их бюджете скажется.

Ловкие люди спешат и здесь сделать «бизнес». В Москве появились тысячи кружков при клубах, домоуправлениях, где частные преподаватели учат кройке и шитью. В это предприятие включились и Ждановский парк культуры и отдыха, и Краснопресненское райжилуправление, и управление бытового и коммунального обслуживания.

Мы беседуем с Верой Михайловной Калининской, директором таких курсов при учебном комбинате Мосгорисполкома.

— Трудно попасть на ваши курсы?

— Трудно, — отвечает она. — Дело даже не в том, что от поступающих требуют московскую прописку, семилетнее образование и прочие справки. Слишком велик наплыв желающих. И особенно в группы, которые занимаются вечером. Между тем, занятия построены так, что больше всего дневных групп.

— Почему бы вам не организовать при крупных жилых массивах филиалы курсов и изгнать оттуда безответственных частников?

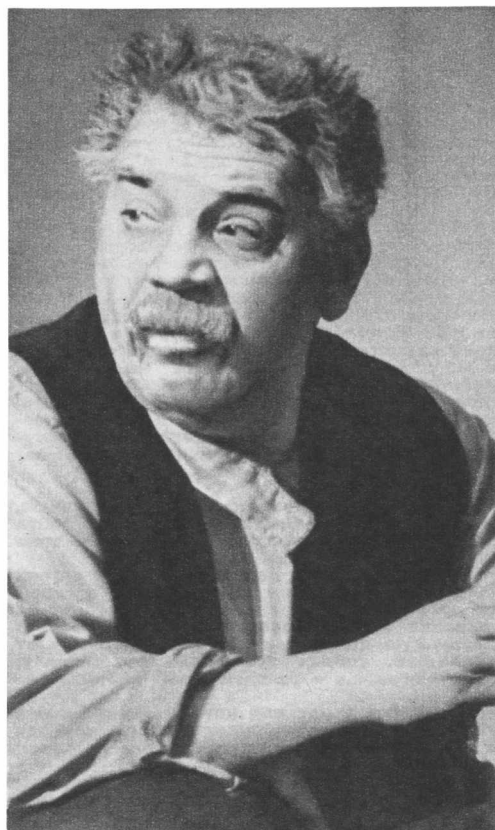
— Да, верно, — соглашается Калининская. — Но как-то не получается...

Вера Михайловна лучше других знает, как широко развернули свою деятельность частные учителя кройки и шитья, среди которых немало и людей небросовых, хапуг. Конечно, она слышала и фамилию Пржевальской, владелицы частных курсов, — ее объявление красуется на рекламном щите «Мосгорсправки». Это она сообщает, что дает «уроки по конструированию и пошиву легкого женского платья».

Пржевальская прочно обосновалась в крупном жилом массиве на 1-й Хорошевской улице, хотя сама живет на другом конце города. Неведомыми путями ей удалось найти ключи к сердцу хорошевских домоуправителей, «окупировать» большой подвал, где и стоят ее швейные машины. Жильцы дома давно заметили, что сюда, на курсы Пржевальской, съезжаются совершенно посторонние люди, но им и невдомек было, что собирает она их сюда с помощью объявления на рекламном щите. Удивитесь, вероятно, и руководители клуба 1-го часового завода, узнав, что «скромная» преподавательница на заводских курсах кройки и шитья является еще и владелицей собственных курсов, доходы от которых в десять раз превышают клубный заработок.

Почему так процветают карташевы и пржевальские? Думается, что за благополучие свое должны они благодарить тех товарищей из управления кадров и учебных заведений Мосгорисполкома, которые обязаны заботиться об обучении машинописи и черчению и о том, чтобы каждая женщина могла легко и недорого научиться шить.

Московский премьеры

«БИТВА В ПУТИ» НА СЦЕНЕ МХАТа

Спектакль по роману Галины Николаевой «Битва в пути» увидел огни ramпы уже во многих городах. Недавно премьеру показал и МХАТ имени Горького (постановка В. Станицына и В. Монюкова, художник — Б. Эрдман). Народный артист СССР А. Грибов с блеском играет в новом спектакле МХАТа роль старого мастера Василия Васильевича, кадрового рабочего.

Фото А. Гладштейна.

КЛЮЧИК ОТ СТРАНЫ СЧАСТЬЯ

Тук-тук! Отскочила под руку мастера большая щепка, за ней другая... И вот уже вертится на тонкой шейке смешная головка с длинным и острым, любопытным носиком, со смеющимся ртом до ушей и задорными завитушками из стружек на затылке. На глазах детворы — зрителей спектакля «Золотой ключик» А. Толстого в Центральном детском театре — «рождается» Буратино. Его появление встречается криками восторга и рукоплесканиями всего зала.

Едва «родившись», Буратино в исполнении артистки Г. Ивановой прочно захватывает симпатии всего зала. И, правда, трудно устоять перед обаянием заразительного веселья, наивности, доброжелательности и любопытства, которыми наделен этот деревянный мальчишка, нашедший ключик от Страны счастья.

Герой Г. Ивановой проходит через весь спектакль с веселой песенкой, которую подхватывает весь зрительный зал: «Был поленом — стал мальчишкой!» (музыка А. Спадавенки).

Спектакль «Золотой ключик» в постановке А. Некрасовой и В. Сперантовой стал праздником для маленьких москвичей.

В. ГРОХОВСКАЯ

Фото Б. Фабисовича.

— Вот он, золотой
ключик!

Сцена из спектакля «Сын века». В роли Большакова — А. Краснополяский, Настя — Г. Малькова.

Фото С. Фридлянда.

Разговор о жизни

Мне всегда казалось и кажется, что наряду с теми планами, которые составляют на ближайший сезон театры, существуют нигде и никем не писанные планы зрителей... И когда присутствуешь в зрительном зале Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя на спектакле «Сын века», то отчетливо ощущаешь, что и спектакль этот и пьеса И. Куприянова давно уже «запланированы» зрителем.

Сюжет пьесы И. Куприянова прост. На большое строительство приезжает Федор Федорович Большаков; он будет руководить здесь партийной организацией. Еще не приступив к делам, по дороге к месту работы, побеседовав с рабочими, убеждается Большаков, что плохо живется человеку в этих местах. Начальник строительства Прокофьев все подчиняет задаче скорейшего пуска электростанции, но он холоден к людям, безразличен к кровным их нуждам. О борьбе Большакова с Прокофьевым, о борьбе Большакова за Прокофьева и рассказывает пьеса.

Радостная атмосфера царит в зрительном зале на этом спектакле. Никакая иная, а именно радостная, хотя со сцены нередко звучат и горькие слова да и события открываются зрителю порой совсем не веселые...

Мечется в поисках счастья Настя Буланова. Темна ее жизнь. И в какие-то моменты зрителям кажется, что не будет в этой жизни просвета... Галина Малькова играет Настю широко и, я бы сказал, бесстрашно, не оглядываясь на зрительный зал, как бы совсем не заботясь о том, что понравится зрителю, а что нет, и создает яркий образ потерявшей себя женщины, но в существе своем хорошей, нежной, правдивой...

Нелегкая задача у А. Толбузина, играющего начальника строительства. Ведь Прокофьев искренне верит в то, что поступает правильно. Он много и самоотверженно работает. Он честен. Никто не сомневается, что, случись необходимость, Прокофьев, не задумавшись, пожертвует жизнью своей во имя дела.

Впрочем, не менее трудную задачу решает и А. Краснополяский-Большаков. Разве имеет право Краснополяский оставить у зрителя хоть малейшее сомнение в том, что он, секретарь партийной организации, «победил» Прокофьева!

Трудно многим героям. И задаешь себе вопрос: почему же так легко дышится в зрительном зале на этом спектакле? Почему царит в театре такое жизнерадостное возбуждение? Ведь на сцене серьезнейший разговор о жизни, о сложностях ее, ничем не смягченный конфликт между сыном века, действующим от имени и по поручению нашего века, и теми, кто вольно или невольно тянет нас в век минувший.

Повторяю, дело в том, что зритель давно уже ожидал такого разговора! Зрителю, что называется, обрыдли маленькие людишки на сцене с их мелкими, копеечными радостями и горестями, днями и вечерами, ноющие в своем захолустье, зрителю надоели обыватели, прославляющие задворки нашей жизни.

На спектакле «Сын века», с большим вкусом поставленном П. Васильевым, зритель узнает себя, своих близких, своих товарищей в героях пьесы; он видит, ощущает нашу сложную и прекрасную жизнь, которую сам создает в борьбе и в труде. И, несмотря на то, что пьеса «Сын века» куда «острее» пьес о маленьких, ничтожных людях, зритель испытывает на спектакле Театра имени Н. В. Гоголя чувство оптимизма. А это, как известно, — очень радостное чувство!

Конст. ФИНН

Тетя Паша — Л. Добржанская.

ПО ЗАКОНАМ СЕРДЦА

Талантливый и красивый человек, наш современник, Зоря Дановская за свою недолгую жизнь много думала о человеческом призвании. Она всем сердцем любила людей, ненавидела все ложное, фальшивое.

Большие раздумья Зори Дановской открываются нам в ее богатом литературном наследии. Ими пронизана и пьеса «Любка-Любовь», поставленная Центральным театром Советской Армии.

Пьеса эта, рассказывающая о Поморье, о сильных, цельных людях Севера, — первое драматургическое произведение Дановской, произведение юношеское, во мно-

гом еще неумелое. Автор следовал прежде всего законам сердца и чувств. Все, чем была наполнена душа Зори в дни ее студенческой практики на Северном море, она высказала в своей пьесе, где переплетаются и личные, авторские переживания, и литературные ассоциации, и большая правда жизни.

Именно она-то — правда жизни — и привлекла к пьесе «Любка-Любовь» внимание театра, внимание режиссера Б. Львова. Режиссер, так же как исполнительница заглавной роли Л. Фетисова, показывают неисчерпаемое духовное богатство Любки, простой девочки с маяка. Вот она входит в красном сарафанчике, легкая, мечтательная. Любке трудно: она не может жить в одном доме ни с матерью своего мужа, ни с ним самим. Это эгоисты, равнодушные ко всему окружающему. С их отношением к жизни не может мириться честный, прямой, бескомпромиссный характер Любки.

Любовь возвращается на маяк. К тем людям, которые любят жизнь, радуются ей, умеют понимать красоту и радость труда.

В пьесе — а значит, и в спектакле — есть сцены, овеянные оперной пышностью. Эта ложная патетика не украшает образ героини: чудесны у Фетисовой именно те сцены, где она по-молодому искренна, по-человечески проста.

Истинную романтику чувств и страстей вносит в спектакль Л. Добржанская в роли хранительницы маяка тети Паши. Ее героиня уже не молода, но какой же это красивый, гордый, прямой человек! Понимаешь, почему к ней так тянутся люди, почему Любка называет ее матерью, а ребята делятся с ней своими мечтами... Талант Добржанской, несомненно, открылся еще одной гранью в этом спектакле.

М. КВАСНЕЦКАЯ

Задумайтесь над этим!..

В этот вечер в Московском театре Сатиры идет пьеса Назыма Хикмета «Дамоклов меч».

Тревожно звучит предостережение драматурга: «Задумайтесь над тем, что на Западе летают самолеты с грузом смертоносного оружия! Неисчислимы бедствия войны могут постигнуть мир неожиданно, почти случайно!»

В подтверждение этих слов Хикмет рассказывает нам историю А. Б., военного летчика, который, пережив тяжелую душевную травму, принял безумное решение отомстить человечеству, обрушив на него груз атомных бомб.

Нервный, полный внутреннего напряжения ритм спектакля, поставленного В. Плученом, беспокойная игра света, музыка, в которой задумчивую мелодику внезапно сменяет возбужденный джазовый ритм, — все подчеркивает внутреннее смятение А. Б.

Тягостна и унизительна жизнь А. Б., простого, бедного парня, в городе, где царит закон чистогана, где правят деньги и произвол. Артист О. Соллос, наделяя своего героя простодушием и доверчивостью, в то же время показывает, что окружающая жизнь уже заразила его честолюбием, тщеславием, научила жестокости.

Образы тех, кто властно распоряжается судьбой А. Б., — изящно-наглый Сын аптекаря (Р. Александров), тулой Боксер (А. Папанов), Комиссионер (В. Лепко), — за внешней невозмутимостью которого таится свирепая хватка хищника, — образы, несколько прямолинейные в пьесе, — обрисованы и театром в манере броской, лишенной полутонков. Как олицетворение безобразной, страшной действительности, перед которой беззащитен А. Б., на сцене время от времени возникают, пританцовывая и кривляясь, нечеловечески уродливые маски, жуткие чудовища в элегантных костюмах.

Но вот А. Б., кажется, повезло: самая красивая девушка в городе. Дочь судьи (З. Зелинская), дарит юноше свою любовь. Ему удается устроиться в школу военных летчиков. Но счастье А. Б. призрачно. Путем шантажа и угроз его заставляют отказаться от любимой девушки. Пожалуй, эта сцена и есть логическое завершение истории А. Б.

Жаль, что дальнейшие события — мнимая измена и смерть Дочери судьи, муки ревности А. Б. — не раскрывают ничего нового в основной, большой теме пьесы. Видимо, поэтому и выразительный язык театра становится к концу спектакля беднее, однообразнее... А. Б. не сбросил атомную бомбу на мирный город. То хорошее, что еще жило в его душе, взяло верх... Но нельзя оставаться бездельным, не видеть опасности, говорит нам театр своим спектаклем.

И. САХАРОВА

Артисты О. Соллос и З. Зелинская в спектакле «Дамоклов меч».

«Давайте обвал!..»

«...Снег... снег... снег... снег...
Снег над палаткой кружится.
Скоро окончится краткий ночлег.
— Милая, что тебе снится?
— По берегам замерзающих рек
Снег, снег, снег...»

Песня доносится в нашу сотрясаемую ветром палатку свозом визг пурги и шипение снежной крупы, трущейся о полотняные скаты крыши. Голоса наших товарищей по кино съемочной группе альпинистов-актеров — перворазрядника Бориса Шляпцева, мастера спорта Аллы Галайдиук и значкиста Виктора Максимова, живущих в палатке напротив, временами заглушаются близкой канонадой грозовых разрядов.

Летний сезон этого года на Кавказе не баловал хорошей погодой нашу киногруппу, снимавшую в Домбае учебный альпинистский фильм. Кончались сроки, иссякала смета, а количество «полезных метров», снятых режиссером-оператором Владимиром Пустоваловым, росло очень медленно.

Обычно по утрам удавалось начать съемку, но после первых же снятых метров, а то и после репетиции солнце «накрывалось», и через несколько часов бесплодного ожидания под шум снежной крупы, засыпающей склоны, мы брели в свой лагерь, приютившийся на плече скального гребня над перевалом Джоловчат на высоте 3500 метров. Снимаемый нами фильм называется «Передвижение по снегу и фирну». Мы живем в зоне вечных снегов. Утром по морозцу мы снимаем приемы ходьбы по насту, днем — изготовление ступеней в мягком снегу, а вечером растапливаем снег на ужин и завтрак (из-за экономии бензина мы не обедаем).

Целыми днями мы бродим по снежным циркам, склонам и гребням, отыскивая нужную для фильма подгорную трещину, карниз или снежный мостик.

Когда наступил сентябрь и работы осталось на один съемочный день, появилось опасение, что такого дня мы не получим. Но однажды, во время очередного сидения в лагере, после особенно сильной пурги при двадцатиградусном морозе, вечером вдруг раскидало тучи, и полузабытое нами солнце безмятежно засияло над скальной громадой Домбай — Ульгена, окрасив в розовое уступающие за горизонт легкие облачные перышки.

Прозрачное морозное утро нашло нас на снежном карнизном гребне, куда мы с трудом пробились по тяжелому, рыхлому снегу. Съёмочные точки были подготовлены заранее, еще в плохую погоду, и Володя Пустовалов, сбросив рукавицы, обмотав полотенцем простуженное горло и поволодав с замерзающими аккумуляторами, уже кричал:

— Съемка! Внимание, начали!..

Проходим по гребню, подползаем к краю карниза, снимаем общие и крупные планы, делаем дубли. Работа идет быстро. И вот самый ответственный кадр на этом объекте: обвал карниза.

Пять раз включается камера, но подрубленный с трех сторон карниз словно прилип к гребню. Взятая с собой пленки может не хватить. Мы с Борей Шляпцевым на надежной страховке наших товарищей опускаемся в траншею, отделяющую подрубленный кусок карниза от остального гребня, и, собрав все силы, по сигналу: «Снимаю! Давайте обвал!» — толкаем край карниза ногами.

Легкий треск, и вдруг у нас под ногами вместо снега голубая пуста, а по километровому склону, клубясь и грохоча, несется снежная лавина, сметая все на своем пути.

Кадр за кадром снимаем последние метры. Наконец снято почти все, кроме двух метров обвала снежного моста.

Ночью начался снегопад, а под утро поднялся ветер. Но мы все же выходим на последнюю съемку. На седьмой или восьмой попытке засыпанный снегом Володя Пустовалов, стоя в глубине трещины, между двумя приступами пурги снимает наконец обрушивающийся мост и болтающегося на веревке «актера».

Сейчас фильм готов. Он имеет в длину немного более полукилометра. Его демонстрация продолжится всего 18 минут. Но когда мы, участники съемки, сидя в зале, смотрим этот фильм, то за каждым из его «полезных метров» видим нелегкий, но захватывающий труд, который сопровождал нашу работу.

М. АНУФРИКОВ

Новое высеруменая ОГОНЬКА

«НАПРОКАТ»

Редакция получила множество откликов на репортаж Г. Футова «Напрокат», опубликованный в № 34 «Огонька». Все читатели единодушно высказывают мнение: выдача вещей напрокат — очень хорошее дело. И нужно расширять сеть прокатных пунктов: спрос на них растет все больше.

Председатель правления Роспромсовета А. Загавельев сообщил редакции, что в Российской Федерации в ближайшие три года должно быть открыто 290 новых прокатных пунктов. Но для решения этой задачи промысловая кооперация, как говорится в письме А. Загавельева, «нуждается в серьезной помощи». Камнем преткновения здесь является недостаток помещений и ассортимент вещей. «Местные исполкомы должны предоставить под прокатные

пункты соответствующие помещения, а Министерство торговли — широкий ассортимент предметов проката».

А как быть с разнообразием в ценах на одни и те же предметы? Правление Роспромсовета сообщает, что «разработан и разослан на места примерный прейскурант цен... Согласно прейскуранту, стоимость проката холодильника составляет от 50 до 100 рублей в месяц (в зависимости от марки), телевизора — 75 рублей в месяц, швейной машины — 5 рублей в сутки, пылесоса — 4 рубля, электропроигрывателя — 2 рубля, радиоприемника — от 2 до 10 рублей в сутки и т. д.»

Надо надеяться, что в скором времени новое полезное дело будет поставлено на широкую ногу.

Чудесна природа золотой Домбайской Поляны. За густыми кронами буков и кленов, за стройными силуэтами пихт и сосен поднимаются горные вершины, покрытые сверкающим на солнце вечным снегом.

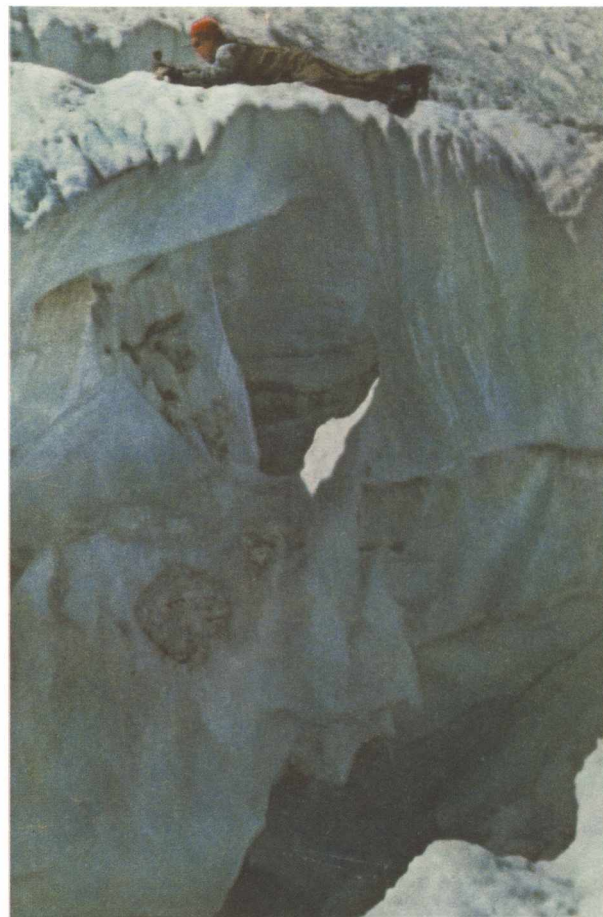
Фото М. АНУФРИКОВА.

Киногруппа разбила лагерь на неприютных камнях скального гребня, поднятого над Джоловчатским ледником. Отсюда она делала выходы к съёмочным объектам.

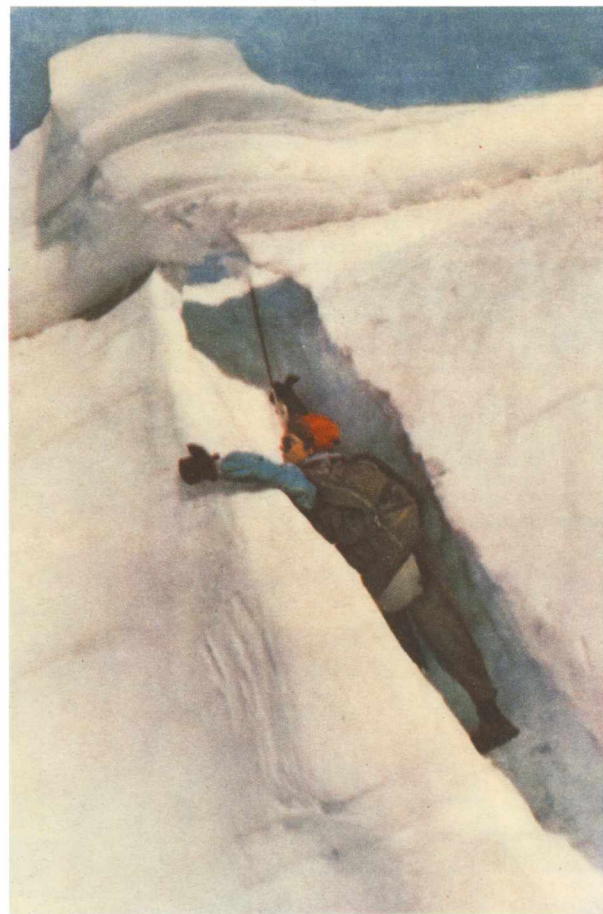

В перерыве между съёмками группа спустилась в Алибекскую долину к голубому Турьему озеру.

Альпинист осторожно переползает хрупкий снежный мостик, переброшенный через ледниковую трещину.

Приходилось передвигаться верхом по узким снежным гребням.

Нелегко выбраться по отвесному снежному склону.

Изо дня в день режиссер-оператор Владимир Пустовалов фиксировал на пленку разнообразные приемы альпинистской техники.

Великолукская драма

Вера ШАПОШНИКОВА

10 августа этого года в городе Великие Луки из квартиры Елены Васильевой была похищена девушка. В полдень в фабком швейно-трикотажной фабрики прибежала уборщица Меланья Смирнова и заголосила, что какой-то злодей украл ее дочь.

— Помогите найти беззащитную! — причитала маленькая, юркая женщина, а сама скользила круглыми, как бусинки, глазами по растерянными лицам работников, словно оценивая, какое впечатление произвела на них эта ошеломляющая весть.

На фабрике пропавшую хорошо знали: она здесь раньше числилась работницей. Было известно, что Нина больна и что врачи, договорившись с общественностью фабрики, устроили девушку только для стаж, необходимого, чтобы исхлопотать ей пенсию. Нина у всех встречала сочувствие, однако после того, как пенсия была получена, о ней забыли. Ушла, и все. А вот теперь выясняется...

Вызвали милицию, начали поиски. И тут обнаружилось, что вместе с Ниной исчезла и некая Елена Васильева. В ее неприбранной, опустевшей квартире сидели голые дети, молчали и плакали. И неизвестно, к чему привели бы поиски, да тут подвернулась одна старушка.

— Э, милые, зачем их искать? Они в Ленинграде теперь, на Стрельне. Святое к святому. Слышали, небось, о чуде? — сказала она загадочно и, широко перекрестившись, поплелась к скамейке, где сидела любознательная, жадная до всяческих происшествий детвора.

Прежде чем рассказывать дальше, необходимо вернуться к началу этой тяжелой истории.

...В Великих Луках мне сообщили, что девятнадцатилетняя Нина Смирнова тяжело болеет. Несколько лет за ней наблюдали врачи. На исходе прошлого года ее положили в больницу. Находилась в ней Нина Смирнова несколько месяцев, дело шло как будто к поправке, но неожиданно мать заявила, что решила забрать свою дочь домой.

Пронесли слухи, что домой она ее не повезла. Нина стала кочевать по чужим квартирам.

Я пошла в больницу разузнать: а верен ли слух?

— Это очень грустная история, — сказала мне София Моисеевна Дреге, у которой лечилась Нина. Она показала мне многолистную историю болезни девушки, попавшей в беду.

Впервые Нина обратилась к врачам шесть лет назад. Она жаловалась на головокружения, силь-

ные головные боли, общую слабость. Вскоре жалобы повторились. Появились боли в спине. Диагноз: ушиб позвоночника. Рентген показал искривление. Нине назначили массажи, физиолечение, рекомендовали носить корсет. Два года назад было установлено, что сильные боли, которые испытывала девушка, вызваны ущемлением нервных корешков.

— Почему же взяли девушку из больницы?

— Я и сама понять не могу. До меня доносились слухи, что ее решили лечить у знахарей. Но ведь это только слухи, как можно верить им?..

— Нет, это не слухи. Все это правда. Но действуют здесь не только знахари, — сказали мне соседи Смирновых. — Просто невозможно смотреть, что здесь происходит. Человек беспомощный, что хочешь с ним, то и сделаешь. Окружили ее попы, монашки — и старые и молодые, в темных платьях, зловещие. Надвинут платки на лоб и идут со смиренным видом. Набьется полная комната, жгут свечи, читают библию, молебны служат. А тут задумали соборовать. Несчастная девушка. К корыстным людям попала.

— Какая же им от нее корысть?

— А вот послушайте. Вывели как-то Нину во двор, и шум пошел: смотрите, святая! У врачей лечили — не помогли, а тут молитвами исцелилась.

Все это было как-то нелепо и непонятно.

Я разыскала квартиру Елены Васильевой. Дверь открыла девочка лет двенадцати.

— Никакой Нины Смирновой у нас нет! — выпалила она и исчезла в комнатах. Оттуда вышла высокая женщина с молодежьим лицом, хозяйка квартиры.

— Нина? А зачем она вам?

— Хотелось поговорить с ней. Хозяйка поджала тонкие губы и провела меня в дальнюю комнату. На высокой постели лежала девушка.

Бывает так: проживешь с иным человеком бок о бок полжизни и не знаешь: а что же у него на сердце? А другие открываются сразу. С первых слов чувствуешь их мягкую, богатую, живую душу. Так было и здесь.

— Давно ты болеешь, Нина?

— Давно. В третьем классе была, когда упала. Каталась и упала. Ушиблась сильно. До шестого доучилась, а потом слегла, не смогла ходить.

— А хотела бы учиться дальше?

— Очень хотела бы. Но как же учиться? Я ходить не могу.

— Ты с подругами не советовалась?

— Подруги ко мне почти не заходят.

— А книги? Читать ты любишь?

— Люблю! Только книг у меня нет.

Неужели даже книг никто не приносит? Я уже хочу задать этот вопрос и вдруг замечаю на тумбочке у кровати два томика в светло-коричневых переплетах.

Нина перехватывает мой взгляд.

— Это евангелие, а это молитвенник.

— Ты их читаешь?

— Да, читаю...

— Правда, что ты лечилась у знахарей?

— Да, правда. Говорили, что поможет. Я очень хочу поправиться. Вы даже не знаете, как мне трудно!

Женщина, стоявшая в дверях, кашлянула и строго посмотрела на Нину. Девушка замолчала. Мне показалось, что она хочет сказать что-то еще, но стесняется. Я тоже помолчала. И, видя, что женщина не уходит, перевела разговор на другую тему.

— А что у тебя за тетради?

— Дневники. По ночам мне приходят самые интересные мысли. Я подолгу не сплю, все думаю. Вот и решила записывать главное.

— О чем же ты пишешь?

Девушка колебалась только секунду, затем взяла одну из тетрадей и протянула мне.

Я открыла страницу, и сразу пахнуло ароматом полей и антоновских яблок.

Нина описывала впечатления детства и юности. Они связаны у нее с природой, с ясным, горячим солнцем, бездонным небом и пением птиц. Вспоминала она, как однажды ночью лежала под яблоней, укрывшись тулупом. Над ней нависали звезды и спелые яблоки. Она все ждала: не сорвется ли с неба звезда или с ветки яблоко? Звезды мерцали, а яблоки пахли тревожно и остро.

Пока я читала, Нина лежала, прикрыв глаза.

На минуту у меня мелькнула мысль: как же это так, взять вот и отдать постороннему человеку свой дневник, самое дорогое, сокровенное, что не всегда и другу поведаешь? Но, глядя, как вздрагивают и трепещут веки закрытых глаз, как сдержанно тихо дыхание девушки, я поняла другое, страшное: как же она одинока!

Я сказала:

— Нина! Дай мне этот дневник. Я обещаю тебе никогда не использовать его против твоих интересов.

И опять она поколебалась, но всего с минуту, а потом сказала:

— Возьмите!

И я взяла.

Уже прощаясь и пожимая тонкую руку Нины, я спросила у караулившей нас женщины:

— А кто вы ей?

— Так, знакомая. Доброе дело делаю. Я люблю по больницам ходить, помогать страдающим...

— И книги вы ей приносите?

— Это святые книги. От них добро!

— А кто же вы?

— Работница из артели «Швейбы».

Зачем ей потребовалась девушка, у нее свои дочери? — подумала я.

Дальнейшие поиски вдруг повернули в сторону, но опять все же привели к истории Нины Смирновой.

Очень часто верующие говорят: «В бога мы не верим. Нам нужна не церковь, а мораль, которой учит священник». С проявлением этой церковной морали мне и пришлось столкнуться в Великих Луках.

Жила семья — муж и жена. Жили в достатке. Как в каждой семье, бывали у них и ссоры и радости. В семье родились сын и две девочки. Муж и жена работали. От производства им дали квартиру. Новую квартиру в новом доме.

И вдруг жена заявила мужу:

— Не хочу с тобой жить. Мы не венчаны в церкви, священник только церковный брак, а всякий другой есть блуд.

— Да что ты, белены объелась? — удивился муж. — Пятнадцать лет прожила, молчала. Какой тебя шмель укусил?

Оказалось, виноваты тут проповеди великолукского священника Желудкова, отца Сергия. Он не только сказал, что грех от такого развода не будет, но и запугал легковерную женщину.

— Ты знаешь, что сожигатель твой проклят богом? — зловеще спросил он однажды. И, видя смятение женщины, пояснил: — Он не своей смертью умрет: либо удавится, либо бросится под машину. Ты гони, гони его поскорее. А то грех не замолишь!

И вот уже Елена Васильева угрожает мужу: «Уйду от тебя...»

— А что же ты будешь делать?

— К отцу Сергию мыть полы пойду.

Все чаще и чаще стала она исчезать из дому, детей забыла, запустила хозяйство. Правда, когда муж уезжал, в квартире все сразу преображалось. Мылись полы, расстилались салфетки. Вечером собиралась святая братия и пьяно гуляла. Назывались эти попойки «водосвятием».

— Ну и жизнь у меня. В тюрьме и то, небось, легче, — признался как-то Алексей Васильев секретарю своей партийной организации.

Так церковь насаждает свою мораль в семье великолукчан Елены и Алексея Васильевых. Вот к этой Елене Васильевой и попала больная девушка Нина Смирнова. Женщина наблюдала за ней давно, когда девочка еще училась в школе. Потом навещала ее в больнице. Неизвестно, какие указания получала она на этот счет от отца Сергия, только после больницы Васильева повела Нину в церковь.

Знала ли обо всем этом Меланья Смирнова? Конечно, знала, но смотрела сквозь пальцы. Больная дочь была для нее обузой. А вот теперь дочери дома нет. «Добрые люди взяли», — умиленно рассказывала она соседям. Но, видно, чувствовала, что делает

подлое дело, боялась ответа. Иначе зачем комедия похищения?

А между тем Нину привели в церковь. В душной тесноте, наполненной чадом и запахом ладана, с неокрепшей еще девушкой случился припадок. Ее обступили молящиеся. И тут как герой, преисполненный человеколюбия, появился отец Сергей. Он распорядился перенести больную в свой дом. Там ее окружили кликуши, монахи, начались молебствия, долгие разговоры о божественном промысле. Потом одна из «активисток» Желудкова, некая Таисья Федотова, отвезла Нину в монастырь, в Печоры. Под предлогом консультации у профессора Юсевича в институте ортопедии и травматологии Нину переправили в Ленинград. А там наряду с консультацией продолжались молебны у Ксении блаженной. Чтобы завоевать доверие Нины, было использовано все: и болезнь ее, и слабость, и одиночество, и желание поправиться, и материальные затруднения Смирновых.

Для чего все это делалось? Догадаться нетрудно! Нужно же как-то завоевывать души людей, привлекать к себе внимание. Вот, дескать, смотрите, какие мы бескорыстные, добрые, помогаем страждущим. Нужно создать общественное мнение, а там кто-то, глядишь, и откликнется на это «добро». Кто-то и не разберется в сущности происков. Смотришь, и попался в сети.

...Болезнь девушки была долгой, тяжелой, не поддающейся быстрому излечению. Но помощь врачей оказалась действенной. Именно в тот момент, когда дело пошло на поправку, и появились «добрые люди». Не раньше и не позже, а точно в срок.

Точно так же этим засушливым летом в Псковской области после сводок по радио о предстоящем

дожде в церквях начиналось необычное оживление. Служили молебны, просили дождя. А потом, если дождь выпадал, говорили: «Помогли молитвы!».

Так было и здесь. Как говорят очевидцы, Нину привели к могиле блаженной Ксении. Кадили, читали молитвы, а потом сказали: «Брось костыли и иди». И она якобы бросила и пошла. Сделала несколько шагов. Она делала их и раньше. Но тут ее подхватили под руки. И с тех пор кликуши уже говорят о Нине не иначе, как о святой. В Великих Луках ее — по-прежнему больную — встречали цветами, и начались паломничества к этой хрупкой сероглазой девушке.

Может возникнуть вопрос: а что же Нина, почему же она не противилась всему этому ловко задуманному спектаклю?

Трудно предъявлять обвинения беспомощному, больному человеку. Он часто становится послушным орудием чужой и злой воли. А вот он, тот внутренний мир, на который посягнули отец Сергей и его кликуши.

Пусть простит мне Нина, что я привожу отрывки из ее дневника. Я уверена, что это не принесет ей вреда.

«22 ноября 1958 г. Сегодня меня положили в больницу. Мучают сильные боли, но я твердо решила переносить их, бороться, не хныкать. Ко мне приходили подруги. Валя — очень хорошая девочка. Бывают же такие люди, им легко, и с ними легко. Мы с Валей считаемся друзьями. Не знаю, настоящая ли это дружба? А ведь дружба, по-моему, — это если можно открыть человеку всю душу, не держать в себе никаких тайн. А могу ли я это сделать? Рассказать о себе? Мне кажется, что я не такая, как все, я хуже других, и жизнь моя хуже, чем у других, и я не могу никому о ней рассказать...

Я очень люблю мечтать. Мне очень хочется другой жизни —

содержательной и широкой, хочется учиться, заниматься спортом, бороться. Ведь что такое жизнь? Мне кажется, жизнь — это здоровье, ловкость, сила, дружба, знания и работа. Жизнь — это деятельность. Все иное — существование. Я хочу жить, а не существовать. Я хочу сделать что-то большое, красивое...»

«15 декабря. Все эти дни не вел записи. Очень плохо себя чувствовала. Все упиралось в одно: думать-то я думаю, а дела нет. Если бы кто-нибудь дал мне уверенность, что я смогу быть полезной в жизни! Я так хочу, чтобы кто-то толкнул меня вперед. Но на кого опереться, выправиться? Кому же можно поведать свое горе? Никому!»

Мне очень хочется ходить, быть здоровой...»

«17 декабря. К нам в палату зашел Михаил. Мы с ним заговорили о дружбе, о любви, о красоте. Я не испытала любви, но много о ней думала. Некоторые люди понимают любовь как слепое увлечение красотой. Мне кажется, что в настоящей любви нет некрасивых. По-моему, самая гордая красота в человеке — это его душа, выражение всех благородных качеств человека: честность и верность долгу, простота и скромность, смелость и самоотверженность в труде, великодушие, прямота, бескорыстие, постоянство, твердость, общительность, принципиальность, широта интересов.

Все эти качества советская девушка хочет видеть в своем друге. И поэтому я сказала: «Знаешь, Миша, мне кажется, нам нужно больше говорить о человеческой личности. И тогда не будет ошибок в любви».

«2 января. Я снова дома. Из больницы меня выписали, но боли по-прежнему мучают. Я очень не хотела делать уколы, и мама снова стала ругаться. Милая мама! Почему ты со мной так груба? Ведь мне так трудно! Кто может меня утешить, приласкать? Но ты смотришь на меня, как на пустое место. Как тяжело мне об этом писать!»

Да, тяжело писать об этом. Особенно тяжело сознавать, какой глубокий ущерб нанесли цер-

венных организаций оказать настоящую человеческую помощь девушке.

Надо полагать, что они раскроют подлинную сущность поступков церковников. Но нельзя не сказать и о других виновниках несчастья Смирновой Нины.

Девочка училась в 9-й великолукской школе. Еще в третьем классе она заболела. Прошел год, другой, третий. Нина вынуждена была оставить школу. Ушла девочка, и все — учителя и подруги — о ней забыли.

Врачи и лечили и хлопотали о пенсии, а в самый ответственный момент проявили пассивность. Софья Моисеевна Дреге — добрый, внимательный человек, а на то, что девушку стали возить по знахарям, по святым местам, посмотрела сквозь пальцы. Знала? Да, знала! Она даже посетила одну из старух перед тем, как готовить лекцию против знахарства. Вот тут, между прочим, и сказывается неувязка у наших лекторов между делом и словом.

Фабрика, цех, комсомольская организация — там, где работала Нина, — и они тоже не задумались о том, что где-то рядом с ними страдает живой человек, с горячей, чистой душой. Он рвется к знаниям, к свету, а попадает в сырую, затхлую тьму, а ее заунывными песнопениями, зловещими предсказаниями, страхом и рабской приниженностью.

Только после того, как Нину «похитили» и опять повезли в Ленинград, после этой комедии, разыгранной Меланьей Смирновой на всякий случай — вдруг придется отвечать, а она в стороне, — профсоюзные, комсомольские и партийные организации фабрики наконец по-настоящему заинтересовались судьбой Нины.

А что же делают общественные организации города? И их сейчас взволновала судьба Смирновой Нины. Но слишком много уже упущено! Слишком много принесено вреда! Но разве дело только в одной Смирновой? А другие больные, за которыми зорко следит Васильева? А те дети, которые робко жмутся на церковной паперти, горько сетуя на бабок и матерей, заставляющих их отбивать земные поклоны? Я их видела, этих испуганных девочек. Мне они рассказали, как домашние заставляют их надевать кресты, отправляют ко всенощной и вносят смещение в юные, чистые головы.

Ниной Смирновой сейчас занимаются многие. Хочется верить, что девушка помогут окончательно вылечиться, закончить школу и занять достойное место в жизни. Хочется верить, что и Васильевой помогут разобраться в ее семейных делах. Но еще больше хочется верить, что люди извлекут урок из этой тяжелой истории и усвоят, что атеистическая пропаганда — это не только чтение лекций. В городе много делается для просвещения, ведется широкая воспитательная работа. Но, видимо, еще не во все уголки она проникает.

Паутина никогда не удержится под солнцем, на свежем ветру. Она вьется лишь в затхлых, непроветриваемых, темных углах.

Мы должны каждодневно помнить о том, что в сети Елены Васильевой и ей подобных все-таки попадают слабые души. Их немало, но если бы это был даже всего один человек, мы обязаны поднять тревогу.

Нина Смирнова.

Фото Риммы Дихач.

Елена Васильева.

ковники сознанию юного человека, стремящегося к здоровью, к труду, к земной и прекрасной жизни, где по ночам поют соловьи, дуют ветры, тревожно и остро пахнут яблоки.

Насколько глубоко отравили сознание девушки все эти молебны, поездки к «святым», грубая лесть и ханжество, это покажет время и умение великолукских общест-

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

М. М. Герасимов за новой работой — пластической реконструкцией головы крестьянина XII века.
Фото Е. Войханского.

Как выглядел древний житель Подмосквья

В густом Одинцовском лесу, в ближайших окрестностях Москвы, разбросано множество земляных насыпей-курганов. Местные жители называют их «французскими могилами», связывая свою догадку с событиями Отечественной войны 1812 года. Но в действительности эти курганы на много веков старше. Они принадлежат древним славянам. При раскопках, проведенных Музеем истории и реконструкции Москвы, был обнаружен хорошо сохранившийся череп, который передал известному скульптору-антропологу профессору М. М. Герасимову.

М. М. Герасимовым воссоздана целая галерея портретов знаменитых исторических деятелей: Ярослава Мудрого, Тимура, Рудаки, адмирала Ф. Ф. Ушакова...

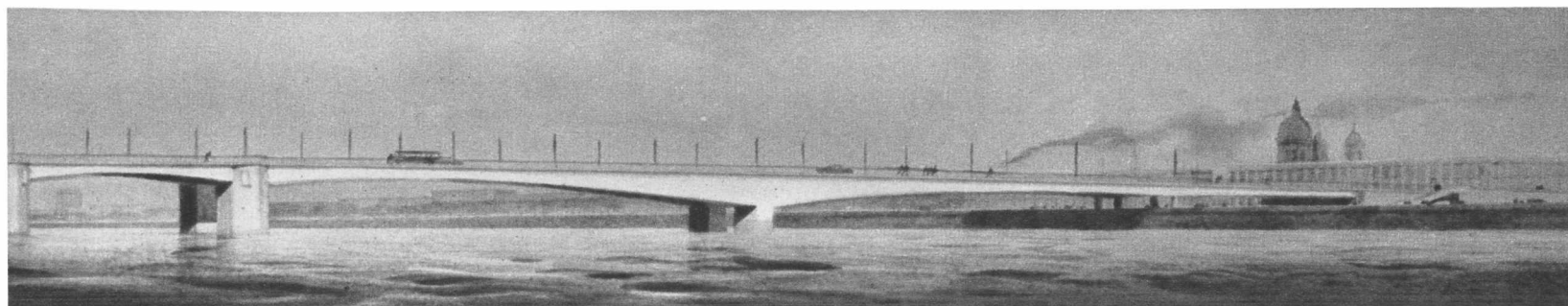
По черепу, найденному в одинцовских курганах, скульптор-ученый создал портрет московского смерда — крестьянина XII века. Это сорокалетний, высокого роста и красивый человек. У него прямо посаженная голова и мужественное лицо: покатым широким лбом, тонко очерченный нос, энергичный, сильно выступающий подбородок. Облик его, по мнению М. М. Герасимова, типичен для северо-восточных славян того времени.

Прическа, усы, борода и одежда крестьянина воссозданы по миниатюрам древнерусских летописей и археологическим материалам. На скульптурном портрете крестьянин изображен в рубаше с небольшим стоячим воротничком, застегнутым бубенчиком. Застежка-бубенчик и остатки одежды с вышивкой были обнаружены при раскопках курганов. По талантливой работе скульптора мы можем судить, как выглядел современник Юрия Долгорукого, простой труженник, который, вполне вероятно, мог участвовать в постройке первого, еще деревянного, Московского Кремля.

А. ВЕКСЛЕР,
археолог

Шестьсот девятый

Множество мостов украшает Неву. Нет в нашей стране ни одного города, который мог бы соперничать с Ленинградом по количеству мостов. Их здесь 608! Самый большой — Кировский — имеет в длину более полукилометра.

Проект нового разводного моста через Неву.

Вертолет «МИ-4» в Иемене.

Фото Г. Ремезова.

ЗДЕСЬ ИСПЫТЫВАЮТ ВЕРТОЛЕТЫ

За окном виднеется присыпанное снегом летное поле. На его краю выстроились в ряд вертолеты: «МИ-1», «МИ-4», «МИ-6»... Здесь расположена летная станция известного авиаконструктора Михаила Леонтьевича Миля.

— Сейчас мы испытываем один из вариантов «МИ-4» — на поплавках, — говорит начальник станции Дмитрий Тихонович Маццкий. — Один водоем еще не замерз, вот и торопимся закончить работу.

— А кто проводит испытания?

— Летчик Лешин Николай Васильевич.

— Это он вез Никиту Сергеевича Хрущева с Внуковского аэродрома в Кремль?

— Да!

В комнату входит средних лет летчик.

— А вот и сам Лешин, — говорит Дмитрий Тихонович.

Мы знакомимся, и по моей просьбе Лешин рассказывает о полете с Никитой Сергеевичем.

— Предварительно мы сделали несколько полетов по новой «линии», — вспоминает Лешин. — Первый раз я полетел с шеф-пилотом нашей станции, опытным летчиком Рафаилом Ивановичем Капрэляном. После этого я совершил много тренировочных полетов. Когда товарищ Хрущев занял место в кабине на моем вертолете, «линия» была хорошо освоена. Думается, что она будет действовать регулярно. Ведь товарищ Хрущев, прощаясь, сказал мне, что теперь будет часто видеться с нами, вертолетчиками. Ну, конечно, было очень приятно услышать отзыв Никиты Сергеевича о нашей машине, что кабина «МИ-4» ему кажется просторней, чем в американском вертолете, и что шума у нас, пожалуй, меньше.

Лешин прощается: он готовится к очередному вылету. А Дмитрий Тихонович Маццкий рассказывает:

— Мнение Никиты Сергеевича о вертолете «МИ-4» совпадает с мнением крупнейших зарубежных специалистов. Например, президент вертолетной ассоциации США мистер Алекс, полетав на «МИ-4», сказал, что это очень удачная машина. Полет на ней приятен и безопасен. В пассажирской кабине можно разговаривать, не напрягая голоса, уровень вибрации невелик.

Дмитрий Тихонович достает альбом и показывает фотографии американского вертолета «С-58» фирмы Синорского.

— Эта машина одного класса с «МИ-4», — рассказывает он. — Именно на «С-58» товарищ Хрущев поднимался в воздух вместе с президентом США господином Эйзенхауэром. В сравнении с ней «МИ-4» имеет некоторые преимущества. Обладая более мощным и более высотным двигателем, наша машина может летать на больших высотах. Несущий винт на «МИ-4» обеспечивает мягкую и безопасную посадку в случае остановки двигателя. Наконец, в наш вертолет можно погрузить грузы, обладающие большим объемом.

Достоинства «МИ-4» ценятся на мировом рынке. Партию наших вертолетов закупила Австрия, отдав им предпочтение перед «С-58», которые оказались менее удобны для полетов через Альпы. Вертолеты «МИ-4» применяются в Китайской Народной Республике, Польше, Чехословакии, Иемене и других странах.

— А каковы перспективы строительства новых вертолетов?

— Вертолеты делаются все более надежными и рентабельными в эксплуатации. Будут создаваться различные типы вертолетов в соответствии с потребностями народного хозяйства. Например, вертолеты типа «Кран» — для работы на стройках, для транспортировки габаритных и тяжелых грузов. Пассажирские вертолеты будут делаться все более вместительными — на 25 и более человек.

Есть у нас уже и вертолеты большой грузоподъемности с турбореактивными двигателями. Например, «МИ-6». На нем, как известно, установлено несколько мировых рекордов по грузоподъемности и скорости. Подобных машин за рубежом пока еще нет.

А. ГОЛИКОВ

Недавно инженеры и архитекторы «Лентрансмостпроекта» разработали конструкцию нового разводного моста через Неву. По своим размерам он значительно превосходит Кировский. Длина нового, семипролетного моста — 795, ширина — 43 метра. Под пандусами расположатся гаражи на 300 автомашин.

Этот, шестьсот девятый по счету, мост Ленинграда соединит площадь Александра Невского с правым берегом Невы, с Заневским и Новочеркасским проспектами Малой Охты.

К. ПЕТРОВ

Слово.

ИМ НУЖЕН МИР!

Мысль.

Альберт Кан фотографирует детей

Три года назад наша семья переехала из Нью-Йорка в ту часть Северной Калифорнии, которая известна под именем Лунной долины, где когда-то жил и писал Джен Лондон. Наблюдая, как привыкают к этим чудесным местам и растут здесь мои три сына, катаясь вместе с ними верхом, рыбака и охотясь в широких долинах, на террасах, покрытых виноградниками, в поросших лесом горах, следя за их школьными занятиями и спортивными увлечениями, встречаясь с их приятелями по школе и играм, — как часто все это время я думал о сходстве между ними и красотой мира, которая окружает их! Как часто я мечтал о том дне, когда весь мир станет достойным своих детей, когда красота природы будет гармонировать с их счастьем! Я знаю: это зависит прежде всего от одного — от прочного и настоящего мира на земле.

Я помню встречу с одним человеком в небольшом городке на западе Соединенных Штатов. Я говорю «с человеком», хотя на самом деле он был чудовищем. Он сказал мне: «Конечно, я надеюсь, что войны не будет. Я не хочу видеть, как умирают дети. Но если им придется умирать в случае войны, то мы должны сделать так, чтобы это были не наши дети, а дети наших врагов». Он был подобен зверю, этот человек в городке на западе. В случае войны ракеты и водородные бомбы не будут делать различия между детьми разных наций. Жизнь всех окажется под смертельной угрозой. Будущее американских детей не меньше, чем будущее советских детей, зависит от мира.

Для нас с женой, как и для всех родителей, наши дети — это самое дорогое на земле. Но для нас также дорога и жизнь чужих детей в других странах. И с гордостью в сердце я говорю, что наши три сына (одному из них двенадцать, другому пятнадцать, третьему восемнадцать) считают других детей, какой бы национальности и какого бы цвета кожи они ни были, своими братьями и сестрами. Если бы мне пришлось выбирать среди их дел и поступков последних лет то, чем больше всего я горжусь, это были бы не их отметки и награды, полученные за учение в школе, и не призы, завоеванные в спорте: я горжусь тем, что все трое упорно убеждали своих школьных друзей, что дети негров такие же, как и дети белых, и что дети в других странах, как и американские дети, принадлежат к одной великой человеческой семье.

Не могу выразить словами нетерпение, с которым я жду, когда мои сыновья побывают на замечательной земле Советского Союза, где я нахожусь теперь и где побывал их дедушка, инженер Кан, участвовавший в строительстве Сталинградского тракторного завода. Здесь они увидят общество, которое не только учит братству людей, но и осуществляет его на практике. Они уже знают это, но я горячо желаю, чтобы они увидели все своими глазами. И я должен сказать, что они не меньше, чем я, ждут того момента, когда пожмут руки своим советским братьям и сестрам.

На недавней выставке моих фотографий в Сан-Франциско меня не раз спрашивали, почему я «специализируюсь» на снимках детей. Ответ дать нетрудно. Это не имеет ничего общего с техникой фотографии. Это просто любовь. Кто из тех, кто любит жизнь, не любит больше всего детей — самое богатое выражение жизни? Кто из тех, кто любит жизнь, не станет бороться за мир, чтобы сделать спокойным и благодатным их будущее? И это будущее уже встает из-за горизонта. Я вижу светлые лучи солнца этого будущего повсюду.

Альберт КАН

→
У них еще много дорог.

По секрету.

Стивен.

Они вырастут...

Памела.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

В мастерской скульптора И. Рукавишникова.

Фото Ф. Короткевича.

Новый памятник А. П. Чехову

В Литературном музее имени Чехова в Таганроге находится памятник Антону Павловичу. Писатель изображен в последние годы жизни. Он стоит задумчивый, опершись на палку, чуть прищурены глаза на исхудалом лице...

Это работа московского ваятеля И. Рукавишникова, созданная еще несколько лет назад.

Сейчас скульптор работает над новым памятником Чехову. Ведь близка знаменательная дата — 29 января 1960 года. Сто лет исполняется со дня рождения великого русского писателя.

В юбилейные дни в Таганроге на площади, за полукружием старинных зданий, где некогда находились торговые ряды, будет воздвигнут памятник Чехову — дань уважения города своему славному земляку. Скульптуру поставят лицом к прямой, как стрела, Чеховской улице, на которой в маленьком домике родился мальчик Антоша.

В Москве скульптор И. М. Рукавишников завершает работу над этим памятником для Таганрога. В мастерской возвышается большая — четыре метра двадцать сантиметров — фигура молодого Чехова. Писатель сидит с полураскрытой книгой в правой руке, левой рукой опершись на колено. Он в сюртуке; на шее, как тогда носили, мягко повязанный бант. На глазах Чехова еще нет пенсне, и лицо его не утомленное, а юное, светлое. Он так ясно и проникновенно смотрит вдаль, будто видит ему родная земля, где люди счастливы... Бодростью, оптимизмом веет от этого портрета Антона Павловича, и кажется, что вот-вот произнесет Чехов свои пророческие слова: «...жизнь на земле будет необразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь...»

Т. КУЛАКОВСКАЯ

БЕЛОРУССКИЕ ГИБРИДЫ КУКУРУЗЫ

Погода не балует белорусских колхозников. В прошлом году лето было дождливым и холодным, а нынче выдалось засушливое и жаркое. Но гибриды кукурузы, выведенные действительным членом Академии наук БССР Н. В. Турбиным, не устали ни жары, ни холода. При самых неблагоприятных условиях погоды они уже в начале сентября достигли восковой спелости и дали по 60 центнеров зерна с гектара. И по урожаю зеленой массы они не уступили южным сортам.

Немало потрудились сотрудники Института биологии республиканской Академии наук. Они испытывали 200 различных сортов кукурузы, полученных из раз-

ных уголков Советского Союза. И вот напряженный, кропотливый труд увенчался заслуженным успехом.

Посрамлены скептики, которые еще недавно утверждали, что Белоруссия не может иметь своих сортов кукурузы, что в местном климате ее початки будто бы не успевают созреть. Новые, высокоурожайные гибриды скоро займут достойное место на полях республики. Их семена отправлены и в некоторые соседние области Украины и Российской Федерации. Заинтересовались белорусскими гибридами и польские селекционеры, которые недавно побывали в Минске.

Е. ГАЛКИН

Н. В. Турбин и научная сотрудница Л. В. Кедрова-Зихман.

Фото И. Змитровича.

МУЖЕСТВО УЧЕНОГО

Есть в Армении вулканический массив Алагез (или Арагац). С давних времен он привлекает ученых. Но достигают его вершины обычно только люди, физически очень закаленные, тренированные.

— Я знаю географа, который за день поднялся на Алагез и успешно провел там исследования, — сказал мне донтор географических наук Б. А. Федорович. — Его зовут Грация Карапетович Габриэлян.

Когда мы с Габриэляном познакомились, выяснилось, что он поднимался на Арагац трижды. Но особенно сложным был подъем, о котором говорил Федорович, когда требовалось измерять температуру почвы начиная от подошвы горы до ее вершины.

Г. К. Габриэлян в часы досуга.

Вот что рассказал мне об этом сам Габриэлян.

До высоты 2 700 метров маленькая экспедиция поднималась на автомашине. Дальше нужно было преодолеть чингилы — каменные россыпи, и четыре человека отправились пешком.

К вечеру они достигли кратера и произвели измерения на высоте 3 700 метров. Все-го за этот день географ и его помощники — коллаторы прошли 35 километров.

На высокогорном озере устроили привал. Решили вымыть ноги, освежиться. Пример поддал начальник экспедиции. Когда он разделся, все увидели, что у Габриэляна пролегли: обе ноги ниже колен ампутированы.

...Несчастье случилось в Москве, вскоре после окончания средней школы. Юноша попал под трамвай. Несколько раз его оперировали. В истории болезни появилась запись: «Инвалид, нуждается в постоянной помощи. К труду непригоден».

Но друзья и товарищи не бросили юношу в беде.

Грация с нетерпением ждал дня, когда для него будут готовы протезы. Наконец мастер их принес. И в первый же день Габриэлян заставил себя ходить без костылей, с одной палкой. Мастер сказал, что юноша ходит отлично. Врачи были того же мнения.

В Ереванском педагогическом институте Грация Габриэлян учился отлично и по окончании вуза посвятил себя научной работе.

Теперь Грация Карапетович — доцент Ереванского университета.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Воины-пиротехники, обезврежившие фашистскую авиабомбу в Клину. Слева направо сидят: Н. Вакуленко, Н. Хахилев, П. Мандра, Р. Хуснутдинов; стоят: П. Бердыбеков, К. Абдуманов, С. Джалалов, Н. Маслов, Л. Лучко.

ПОЕДИНОК С БОМБОЙ

Недавно тихий подмосковный городок Клин облетела необычная вест: военные пиротехники извлекли из земли и обезвредили авиационную бомбу весом в тысячу килограммов, которая восемнадцать лет пролежала в земле по соседству с Домом-музеем Петра Ильича Чайковского.

Бомбу эту сбросили фашисты, когда под натиском советских войск они отходили из Клина. Местный житель Зепалин, живущий по соседству с домом-музеем, наблюдал тогда, как бомба упала на его огород и не взорвалась. Вскоре фронт ушел на запад, у клинских горожан было много своих забот, о бомбе они забыли.

Лишь теперь, прочитав в газетах о подвиге курских саперов, которые обнаружили и обезвредили немецкий тайный склад боеприпасов, Зепалин вспомнил о бомбе. На усадьбу его прибыли военные пиротехники во главе со старшим лейтенантом Н. Хахилевым.

Воины долго пытались найти место, где бомба вошла в землю. Но это им не удавалось. На былом огороде с той поры уже вырос сад.

Пиротехники вырыли три котлована, и только в третьем удалось им установить следы падения бомбы. Действуя очень осторожно, они обнаружили на глубине четырех с половиной метров стабилизатор и по нему определили весьма крупный калибр бомбы. Отрыли пятый метр, шестой... И вот наконец ефрейтор Н. Вакуленко и рядовой П. Мандра столкнулись с гигантским стальным снарядом, начиненным взрывчаткой.

Электрический взрыватель бомбы оказался на боевом взводе. Извлечь его невозможно. Если же взорвать бомбу на месте, то неизбежно будут разрушены и Дом-музей Чайковского и окружающие жилые дома.

Когда Н. Хахилев объявил об этом своим подчиненным, все пиротехники единодушно заявили: «Будем работать, бомбу извлечем». И продолжали трудиться с риском для жизни. Чтобы обезопасить жителей, пришлось выселить из окрестных кварталов Клина и соседней деревни Давыдово более пяти тысяч человек. К месту работ проложили специальную дорогу.

Поднять бомбу можно было только с помощью автомобильного крана. Сделать

это вызвался Борис Степанович Скاتков — лучший крановщик треста «Клинстрой».

С большими предосторожностями в котлован спустились воины-комсомольцы П. Мандра и Р. Хуснутдинов. Осторожно, стараясь не коснуться взрывателя, они закрепили на бомбе трос. Скатков на кране взялся за рычаги, бомба медленно начала подниматься из ямы. Малейшее неосторожное движение грозило катастрофой.

Но вот наконец смертоносный груз уложен на автомашину с песком. Шофер, рядовой Анатолий Зинратый, тихоно повел машину. Смертоносный груз был доставлен в безопасное место.

Так преданные своему долгу бойцы-пиротехники победили в поединке со смертью, спасли от разрушения сокровищницу русской культуры.

Капитан И. ИВАННИКОВ,
майор И. КАЗАКОВ

Ефрейтор Н. Вакуленко по-встречался с бомбой под землей.

Фото Б. Васильева.

Другой Заяц

Иван СОЧИВЕЦ

Рисунки Гр. Оганова.

Хоть и неудобно говорить о себе, но все же расскажу о моей охоте. Начну с того, что охотник я далеко не опытный, всего с однократным стажем.

Неопытный, скажете, а начинает «завинчивать» не хуже бывалого.

Нет, не «завинчиваю». Я ведь не хвалюсь, что с одного выстрела трех уток на лету сбил и еще дикого кабана свалил; не выдумываю, будто мой Трезор за стопою домой бегал. У меня и собаки нет. Просто расскажу о постигшей меня беде. Начну несколько изда- лена.

Вздумалось мне стать охотником. Захотелось с ружьем по лесам и лугам побродить, когда уже за двадцать лет семейной жизни перевалило. Откровенно говоря, специальной литературы на эту тему не читал, зато вдоволь наслушался рассказов настоящих охотников. Они меня на путь охотничьей романтики и толкнули.

А вот жена никакой романтики не признавала и не признает. Стала на своем, и хоть бы что. Не позволяла покупать ружье — и все. Пробовал я к ней со всех сторон подходить.

— Я тебе, — говорю, — буду нежную дичь к столу приносить. Знаешь, какая это вкусная штука? — Не знаю и знать не хочу! Мне и свинина не приелась. Обойдемся без деликатесов.

— Ну, тогда лисичку подстрелю, воротник тебе сделаю, — умасливаю я.

— А мне цигейковый воротник больше нравится, — отвечает жена. — А если ты уж такой щедрый, то купи мне чернобурку, теперь женщины в рыжих воротниках не щеголяют.

— И что ты за упрямый человек! — говорю уже с укором. — Да охота — это спорт, она укрепляет здоровье человека.

А она мне и тут наперекор: — Мне еще только твоей физкультуры не хватало. Выходной день впустую пройдет, и грязный по самую шею домой придешь. А то еще, чего доброго, кто-нибудь изрешетит тебя случайно, вот тогда и будет спорт с заплатанными штанами...

— Как хочешь, — настаиваю я на своем, — а в это воскресенье сделаю вылазку. Принесу трофей, тогда и смягчишься, отойдешь...

Больше не спорили. Решил я, что лучше тихою пойдю с ребятами. Они мне и ружье на первый раз обещали одолжить.

В воскресенье собрался я раненько и незаметно шмыгнул из дому. Прибегаю к автобусной остановке, а там уже целая компания охотников.

— Ну как, Борис Иванович, не забыли сала взять? — спросил меня агроном из местного колхоза. — Обойдемся, — говорю, — и без сала, колбаса есть.

— А пятни чем будете смазывать? — включился в разговор Петро Кныш, слесарь сахарного завода.

— Это зачем? — насторожился я. — Чтоб быстрее за зайцем бежалось!

— Да хватит! — перебил шутников знакомый бухгалтер из промкомбината. — На вот, Борис, ружье. Из него еще мой покойный дед стрелял, а сегодня ты ржавчину проточишь.

Подождал автобус. Все заняли места. Я крепко сжал древнюю двустволку и окунулся в сладкие мечты первой в жизни охоты.

Через полчаса я был на седьмом небе. Ноги сами собой несли меня вперед. Глаза в каждом кустике видели зайца. Так перелесками прошел я, пожалуй, километров с двадцать. Слышу, в одном месте «б-бах», в другом «баб-бах». «Вот, — думаю, — дичь кто-то щелкает, а ты придешь с пустыми руками, и еще на смех поднимут».

Уже потерял какую-либо надежду на удачу, как вдруг из-за березы что-то — мельк. «Заяц!» — осенило меня. Тут я ружье к плечу, палец на крючок — и как нажму!

«Трах-ба-бах!» — будто десять громов ударило меня по темени. А из глаз искры, как из кузнечного горна, сыпанули.

Очнувшись, ощущал себя, обрадовался, что цел, и бегом к березе. Там должна была лежать моя добыча. Приближаюсь, а из-за орешника Петро Кныш вынырнул.

— Пеньки корчем, Борис Иванович?

— По зайцу бил, да, видно, убежал.

— Какой там заяц! Вон пень ольхи изрешетили.

«Провались ты, — думаю, — со своей охотой! Черти меня подбили! Хоть домой днем не возвращайся. А тут еще свидетель может наболтать».

Пришли мы на опушку, а там у дуба костер горит, вокруг охотники собрались. Вижу: несколько зайцев лежит. Ребята обедают, шутят.

— Придется, товарищи, буксир-

ную бригаду создать, — говорит агроном, — надо же помочь Борису Ивановичу трофей доставить домой.

Хотел было я огрызнуться, даже рот раскрыл, но в этот миг как раз на поляну вышел русский парнишка с фотоаппаратом через плечо.

— Ну-на, охотнички, кого тут можно победителем считать, становись, сделаю снимок для нашей «Звезды».

— Вон Бориса Ивановича щелкните, — показал на меня агроном. — Новичок, сегодня впервые охотится.

— А бьет под самый корень, — поддел слесарь сахарного завода. Я хочу слово вставить, объяснить, что все это шутня, не более. Но тут поднимается бухгалтер и вручает мне зайчика.

— Это я тебе дарю, — говорит бухгалтер.

Парнишка из редакции поставил меня к дубу. Заяц дал в руки, шляпу мне на голову поправил и целится.

— Э, нет, так не эффектно! — подбегает агроном. — Держите-ка еще одного! — И подает мне откормленного русака.

От этих проделок и мне стало весело. «Шутите, — думаю, — а зайчик все же у меня есть».

— Держите, — сунул мне зайца и слесарь, — это же лучше, чем пень держать.

Потом кто-то еще одного зайца подвесил мне к поясу.

— Это все ваши? — усомнился корреспондент.

— Его, его! — зашумели. — Он просто скромничает.

Ну, тут меня парень щелкнул, спросил фамилию и все прочие данные записал.

Возвращались бодрые, веселые, намекали на то, чтобы я пригласил всех на зайчатину. И дома меня встретили как победителя...

И вот третьего дня иду я с женой по центральной улице, а на меня прохожие оглядываются.

— Тот? — спрашивает кто-то.

— Тот самый, — подтверждает другой голос.

— Смотри-ка, за одну охоту четырех зайцев убил!

— И, говорят, двумя выстрелами...

— Интересно! — Жена даже остановилась. — Убил четырех, а принес одного?

— Да то ведь неправда.

— Ну, как же, выходит, люди лгут?

А тут поравнялись мы с газетной витриной. Взглянул и замер. На четвертой странице красуюсь я на снимке с четырьмя зайцами, а сверху заголовки: «Первые трофеи начинающего охотника».

— Может, и это выдумка? — сердито спросила жена.

Вот тут и начались мои неприятности. За вечер и долгую ночь кое-как сумел убедить жену, что «убил» всего лишь одного зайца, умолчав, понятно, о том, что бабахнул в трухлявый пенек.

Но на другой день ко мне на квартиру пришли два незнакомца.

— Борис Иванович Грак? — спрашивает один, взглянув в какую-то бумажку.

— Я. Чем могу служить?

— Уже заслужили, — иронически объяснил посетитель. — С васлагается штраф.

— Это за что же?

— За браконьерство. На охоту ходили?

— Ну, ходил. Но ущерба никому никакого не причинял.

— Вы нам, гражданин, извините, зубы не заговаривайте, а вот лучше подпишите акт и платите четырехста рублей.

— Вы что, шутите? — рассердился я. — Говорите толком, если уж пришли ко мне домой.

— А мы толком. Четырех зайчиков уничтожили? Уничтожили. А за одну охоту разрешается отстрел только двух. Может, будете отпираться? Мы государственная инспекция по охоте. И вот документ. — Инспектор развернул газету с моей фотографией. — Будете отпираться?

Под давлением неопровержимых улик я сдался. Что было мне делать?..

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

История венгерских марок

На фоне Дуная и прекрасного Будапешта изображен памятник советским солдатам в столице Венгрии — памятник Освобождения. Выход этой марки Министерство связи СССР приурочило к открытию выставки венгерских почтовых марок, состоявшейся в Москве.

Первые марки в Венгрии появились более ста лет назад, и полвека на них рисовался герб Австрийской империи. В 1919 году двуглавого орла сменили портреты Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Шандора Петефи, Дьердя Дожа. Так было отмечено провозглашение Венгерской Советской Республики. Новая жизнь маленьких венгерских плакатов началась в 1945 году, когда на марках появилась надпечатка «Республика».

Серия венгерских марок посвящена тридцатилетию СССР. На других марках мы видим портреты великих людей; среди них обращают на себя внимание работы художника Ш. Лагреди: это серия «Гайдн — Шиллер», портреты Ф. Листа и А. С. Пушкина.

Любопытны картинки из спортивной жизни страны, серия с охотничьими собаками, марки, посвященные дружбе народов социалистических стран и запуску советской ракеты на Луну.

Г. БАРАНОВА

ПАЛЬМЫ ЦЕЙЛОНА

«Мать, кокосовые орехи и корова — три священные вещи на Цейлоне», — гласит цейлонская пословица.

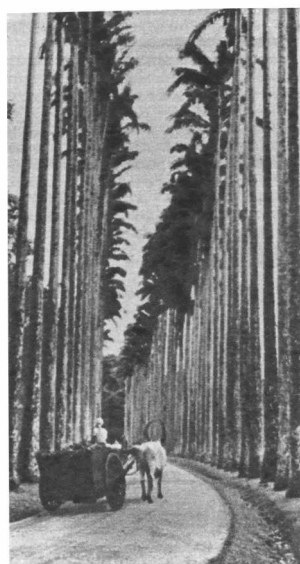
Кокосовая пальма начинает плодоносить с шестого года после посадки и приносит плоды до пятидесяти лет. Орехи с нее можно собирать каждые два месяца. Древесина пальм используется как строительный материал, из мякоти орехов добывается масло, а из волокон оболочки ореха готовят веревки, канаты, щетки, половники. Жмыхи после выжимки кокосового масла идут на корм скоту, ореховая скорлупа пережигается на уголь и используется для различных изделий. На снимке вы видите сбор кокосовых орехов.

Для северной части Цейлона большое значение имеет пальма пальмира. Она снабжает человека всем необходимым: древесина идет на постройки, листьями покрывают крыши или, переплетая их, делают легкие заборы. Перепревшая листва заменяет удобрение. Корни пальмиры едят сырыми и вареными, а сухие корни перемалывают в муку. Из сока цветоножек готовят патоку, из почек — различные блюда.

Царица цейлонских пальм — талипотная пальма — одна из самых высоких, с кроной огромных веерных листьев. Их используют вместо зонтиков, а в далекие времена из листьев делали пергамент под названием «ола». История Цейлона написана на этом пергаменте. В возрасте тридцати — сорока лет пальма выкидывает вверх огромное кремовое соцветие до четырех — восьми метров высотой, и после созревания семян дерево погибает.

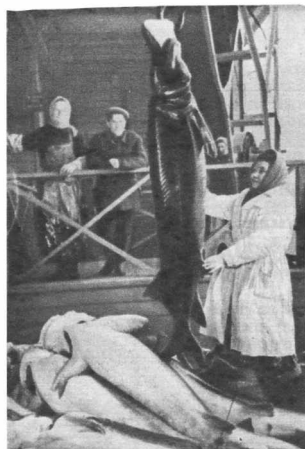
Капустная пальма достигает иногда пятидесяти метров в высоту. Ствол заканчивается султаном из перистых листьев длиной до восьми метров. Крупная нежная верхушечная почка пальмы употребляется в пищу в сыром и вареном виде. Н. Н. СУШКИНА, доктор биологических наук, профессор МГУ. Фото автора.

О КАЧЕСТВЕ СПОРТИВНОГО ИНВЕНТАРЯ.

Рисунок И. Оффенгендена.

Черная белуга

Мне пришлось побывать на Астраханском рыбоконсервно-холодильном комбинате. Шла приемка красной рыбы — севрюг, осетров, белуг. Вдруг рабочие вытащили необыкновенную белугу: она была черного цвета. Знатки рыб, старые производственники, сказали, что такую белугу редко кому удавалось видеть, а доставивший рыбу человек утверждал, что черная белуга — вождь белужьего стада.

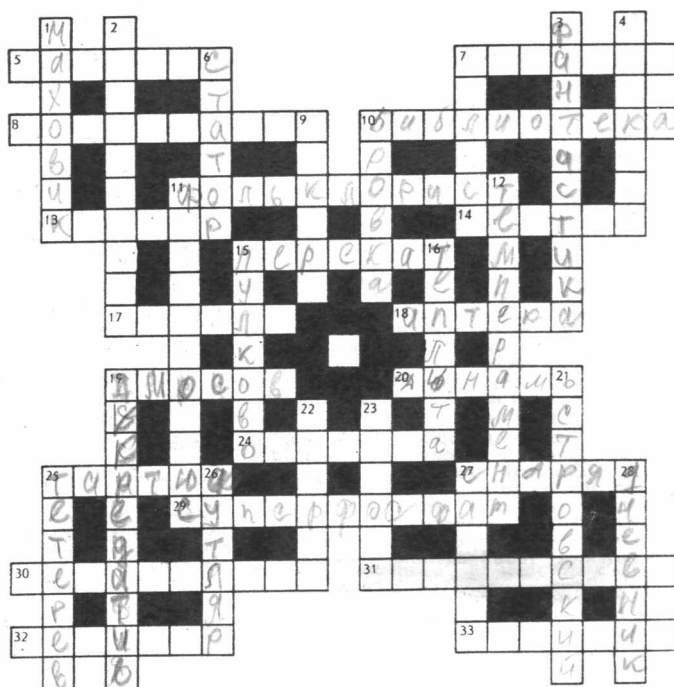
А. ЗАПЛЕТИН
Астрахань.

ЗАТЯНУВШИЙСЯ РЕМОНТ.

Рисунок Г. Оганесова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Португальский поэт эпохи Возрождения. 7. Руда для получения цинка. 8. Сокращенная подпись. 10. Книгохранилище. 11. Собиратель народного творчества. 13. Мясорезательная машина. 14. Приток Дубны. 15. Мелководный участок реки. 17. Косой парус. 18. Медицинское учреждение. 19. Русский металлург. 20. Спортивное общество. 24. Река, впадающая в Атлантический океан. 25. Комедия Мольера. 27. Спортивный инвентарь. 29. Удобрение. 30. Лекарственный препарат. 31. Произведение Л. Н. Толстого. 32. Деталь вычислительной машины. 33. Радиоактивный элемент.

По вертикали:

1. Колесо у поршневой машины. 2. Пассажи, украшающие вокальную партию. 3. Представления, образы, созданные воображением. 4. Вещество из целлюлозы. 6. Неподвижная часть электромашины. 7. Исполни. 9. Сочетание звуков различной высоты. 10. Белорусский поэт. 11. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 12. Склад характера. 15. Место расположения одной из астрономических обсерваторий. 16. Источник получения энергии. 19. Денежный документ. 21. Русский писатель-драматург. 22. Единица измерения длины. 23. Буровой инструмент. 25. Птица отряда куриных. 26. Коробка для упаковки. 27. Город в Италии. 28. Запись событий.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

5. Боронование. 6. Семипалатинск. 11. Тире. 12. Сатуратор. 14. «Нева». 15. Роллан. 16. Кенаф. 18. Снеток. 19. Влахос. 20. Петров. 22. Пандус. 23. «Слава». 24. Сатурн. 25. Лист. 26. Сиводушка. 29. «Русь». 30. Офтальмология. 33. Протоплазма.

По вертикали:

1. Холм. 2. Компот. 3. Мачтет. 4. Фирн. 6. Свекловодство. 7. Ларина. 8. Консерватория. 9. Киномеханик. 10. Автомотриса. 12. Синтаксис. 13. Раскраска. 16. Кросс. 17. Фреза. 21. Тандем. 27. Вольта. 28. Шеллак. 31. Торф. 32. Гимн.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ [заместитель главного редактора], Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10550.

Подписано к печати 9/XII 1959 г.

Формат бум. 70×108/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1566.

Заказ 2849.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Гнездовье на лабзе. Белые птицы — няньки, бурые — птенцы.

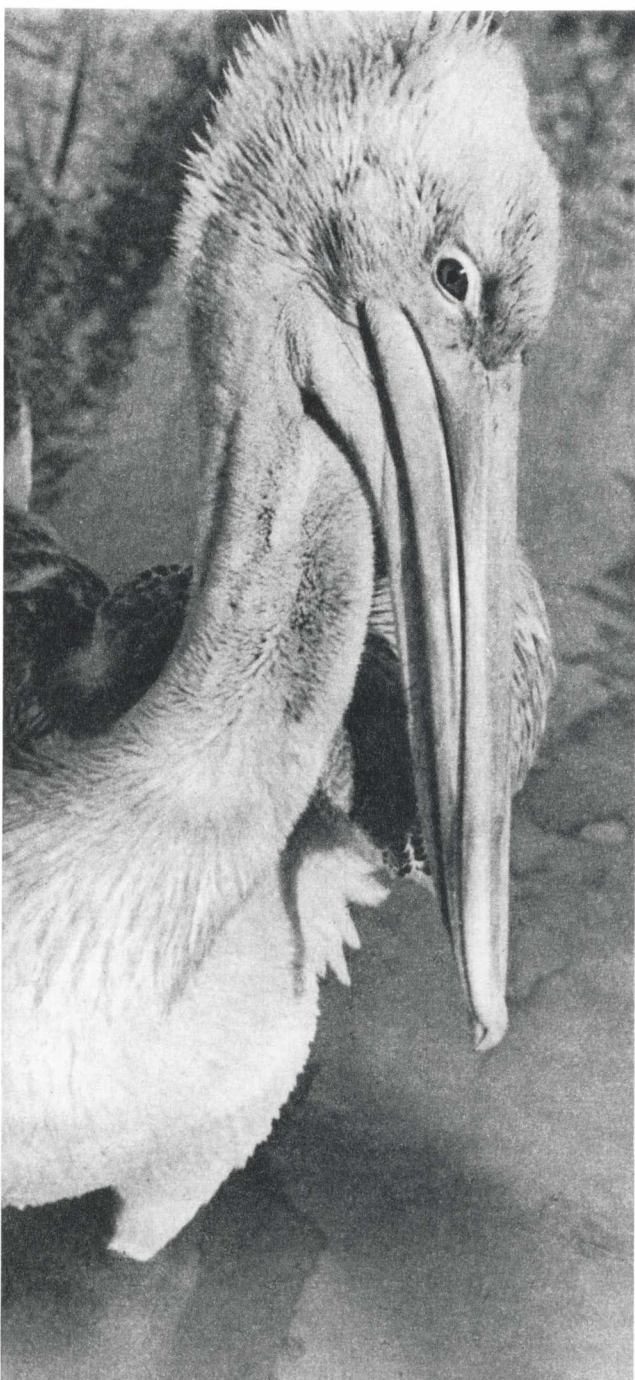

Пеликаны в полете.

Из почты «Огонька»

ПЕЛИКАНЫ

После сытного обеда...

Чтобы попасть на озеро Ак-Су в Казахстане, пришлось лететь от Москвы на трех самолетах, ехать целый день на машине, а потом пробираться несколько суток на плоскодонках через заросли тростника. Ак-Су примечательно своими плавучими островами из отмершего тростника, так называемыми лабзами, которые кочуют в ветреную погоду, изменяя контуры озера. На лабзах располагают свои гнезда пеликаны.

Рано утром взрослые пеликаны улетают на рыбную ловлю. Они приземляются на мелком степном озере, где в мутной воде водятся сазаны и окуни. Отряд птиц гонит рыбу к группе, перекрывающей отмель, и пеликаны используют свои клювы с большими мешками как сачок. Рыболовы не считают с размерами добычи, они свободно проглатывают рыбку весом до двух килограммов. В свой мешок птица может набрать рыбы до половины своего веса.

На лабзах остается молодежь под присмотром взрослых нянек, которые разнимают драчунов и следят за порядком. Детеныши пеликанов имеют бурую и серо-коричневую окраску, клювы у них темно-серые. Птенцы очень прожорливые. Чтобы насытиться, они залезают в зоб к родителям и там лакомятся полупереварившейся рыбой. Когда взрослые пеликаны прилетают с рыбалки, поднимается страшный шум. Крики птиц напоминают то лай собаки, то хрюканье свиньи, то гусиный гогот.

За два месяца наблюдения за пеликанами мне ни разу не удалось увидеть, чтобы кто-нибудь попытался напасть на них: многочисленность колоний пугает лис, ондатр и степных орлов. Да и сами пеликаны довольно осторожны. Заслышав подозрительный шум на соседней лабзе, взрослые пеликаны поднимаются в воздух, а молодежь устремляется к воде. Интересны взлет и приземление птиц. Они делают при подъеме большой разгон, сильно хлопают крыльями и лапами по воде, а в момент спуска выставляют свои перепончатые лапы вперед, скользя на них, как на лыжах, чем и сбавляют скорость.

На берегу и на воде пеликан кажется неуклюжим. Зато в воздухе сотни белоснежных птиц плавно кружат волнообразными цепями, и это — незабываемое зрелище.

Ю. ШУПЛЯКОВ

Москва.

Хочется полетать и поплавать, но ничего не поделаешь: надо сторожить гнездо.

Цена номера 3 руб.

